

INSPIRIA

Люсинда
Райли

Семь Сестер

Сестра солнца

INSPIRIA

Семь сестер. Мировые хиты Люсинды Райли

Люсинда Райли

Семь сестер. Сестра солнца

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Райли Л.

Семь сестер. Сестра солнца / Л. Райли — «Эксмо»,
2019 — (Семь сестер. Мировые хиты Люсинды Райли)

ISBN 978-5-04-169822-5

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗНАМЕНИТОГО ЦИКЛА «СЕМЬ СЕСТЕР». Для всего мира Электра – настоящая счастливица, знаменитая модель, ее образу жизни могут позавидовать многие. Но обратная сторона популярности – жизнь под прицелом фотокамер – убивает ее психическое здоровье. Разрыв с известным рок-музыкантом, в которого Электра была по-настоящему влюблена, а затем весть о смерти приемного отца Па Солта становятся для нее точкой невозврата. В последнем письме Па Солта Электра находит координаты своего места рождения. Так начинается ее полное опасностей путешествие от шикарного Манхэттена до бескрайних равнин Африки, от современности и до далекого 1939 года, который стал определяющим для ее предков и ее собственного будущего. «В каждой книге цикла „Семь сестер“ Люсинда Райли показывает нам сильных, харизматичных женщин, очень разных по характеру, но одинаково бесстрашных и решительных». – Library Journal «Магический реализм, искусство во всех его проявлениях и множество сюжетных линий – романам Люсинды Райли удается захватить читателя с первой главы». – Historical Novel Society «Внимание Люсинды Райли к деталям и ее доскональное исследование культурных реалий погружают читателей в поистине удивительную историю с живыми персонажами». – Booklist

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-169822-5

© Райли Л., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Часть I	8
Электра	9
1	9
2	18
3	37
4	48
5	52
6	62
7	70
8	78
Сесили	87
9	87
10	97
11	108
12	122
13	126
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Люсинда Райли

Семь сестер. Сестра солнца

Lucinda Riley
THE SUN SISTER

Copyright © Lucinda Riley, 2019

© Красневская З., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Светлой памяти Люсинды Райли, благодаря которой Семь сестер
появились на свет, и Зинаиды Яковлевны Красневской, благодаря которой
героини заговорили на русском языке*

Посвящается Элле Мичелер

*Некоторые женщины боятся огня, А некоторые сами
превращаются в огонь...*

Р. Х. Син

Часть I

Действующие лица романа:

АТЛАНТИС

Па Солт (Папа-Соль) – приемный отец сестер (умер)

Марина (Ма) – гувернантка сестер

Клавдия – экономка

Георг Гофман – нотариус Па Солта

Кристиан – шкипер, капитан катера

СЕСТРЫ ДЕПЛЕСИ

ПЛЕЯДЫ

(Получили свои имена в честь семи звезд, входящих в созвездие Плеяд)

Майя

Алли (Альциона)

Стар (Астеропа)

Сиси (Келено)

Тигги (Тайгете)

Электра

Меропа (отсутствует)

Электра

Нью-Йорк

Март 2008 года

1

– Я не помню, где была и чем занималась в тот самый момент, когда мне сообщили о смерти отца.

– Ладно. Хотите выяснить это?

Я с недоумением уставилась на Терезу, восседавшую напротив меня в кожаном кресле с подголовником. Почему-то она вдруг напомнила мне засыпающую на ходу птицу-соню из книжки Льюиса Кэрролла про Алису в Стране чудес; то знаменитое чаепитие, которое соня устроила для своих крысиных друзей. Тереза усиленно поморгала глазами за круглыми стеклами очков в неброской оправе. Она всегда так делает, и губы у нее всегда строго поджаты. А вот ноги, которые она прячет под твидовой юбкой до колен, действительно великолепны; да и волосы тоже хороши. А ведь она вполне могла бы сойти за красивую женщину, мелькнуло у меня, если бы только сама захотела этого, но я-то прекрасно знаю, что Терезу не интересует ничего на свете, за исключением разве что одного: она снедаема неумным желанием производить на всех впечатление интеллектуалки.

– Электра, вы снова ускользаете от меня.

– Прошу прощения, задумалась о своем.

– Попытались вспомнить, какие чувства испытали, когда узнали о смерти отца?

Поскольку я не могла сказать ей ничего определенного насчет того, где именно сейчас витали мои мысли, я лишь согласно кивнула в ответ.

– Да.

– И что?

– Ничего не могу припомнить. Простите.

– Кажется, его смерть вывела вас из равновесия, Электра. Вы очень разозлились тогда?

– Я... нет... Ничего я не злилась. То есть, я не помню, честно.

– Иными словами, вы не можете вспомнить ничего о том, что чувствовали в тот момент?

– Не могу.

– Ладно.

Она принялась сосредоточенно строчить в своем блокноте, наверняка что-нибудь вроде того: «Все еще не может смириться со смертью своего отца». Собственно, то же самое мне сказал и последний мозгоправ-психоаналитик, у которого я побывала на приеме. А я ведь только этим и занимаюсь все последние месяцы – пытаюсь смириться. За долгие годы общения с самыми разными психотерапевтами я уже успела понять, что им самим нравится выискивать какую-то особую причину моей замкнутости, моего нежелания идти на контакт с другими. Вот они и впились зубами, словно мышшь в сыр, в эту сравнительно новую для них версию и будут мусолить ее до тех пор, пока я не сдамся и не соглашусь с ними, а потом сама не наплету им в ответ три короба какой-нибудь чепухи, и все только ради того, чтобы они все были счастливы и наконец-то отвязались от меня.

– А что вы сейчас чувствуете к Митчу?

О, если бы я только могла озвучить вслух все те мысли, которые пришли мне в голову по поводу моего бывшего, то наверняка Тереза бы тут же схватила со стола свой мобильник и вызвала полицию, на всякий случай предупредив их, что у нее в кабинете сидит съехавшая с катушек женщина, которая просто горит желанием вырвать с корнем яйца у одного из самых известных в мире рок-звезд; но, вместо того чтобы изрыгать угрозы, я лишь мило улыбнулась в ответ.

– Со мной все в порядке, в полном порядке. Я уже проехала этот эпизод своей жизни.

– Когда вы прошлый раз были у меня на приеме, Электра, вы были очень злы на него.

– Да, так оно и было. Но все прошло. И я сейчас в порядке. Честно.

– Что ж, это хорошая новость. А как насчет спиртного? Взяли немного под контроль свою тягу к нему?

– Взяла, – снова бодро солгала я. – Прошу прощения, но мне пора. У меня деловая встреча.

– Но мы еще только на середине нашей беседы, Электра.

– Понимаю, но ничего не могу поделать. Мне надо спешить. Такова наша жизнь.

Я поднялась со своего места и направилась к дверям.

– Может, я смогу выкроить для вас еще один сеанс в конце недели? Поинтересуетесь у Марции в приемной, есть ли у меня свободные часы.

– Обязательно спрошу, спасибо, – поблагодарила я, захлопывая за собой дверь. Быстро прошла мимо секретарши по имени Марция и, выйдя из приемной, направилась к лифту. Кабинка прибыла на этаж тотчас же и со свистом понесла меня вниз; я закрыла глаза – не люблю замкнутых пространств – и прижалась разгоряченным лбом к холодной мраморной облицовке лифта.

«Господи, – мелькнуло у меня, – ужасно со мной все так плохо, что я не могу рассказать правду даже своему психотерапевту?»

Да тебе просто стыдно рассказывать кому-то постороннему правду о себе... И поймут ли они, даже если бы ты рассказала?» – мысленно возразила я сама себе. – Тереза наверняка обитает в ухоженном аристократическом особняке вместе со своим мужем-адвокатом и двумя детишками. А на кухне у них стоит холодильник, весь увешанный прелестными магнитиками, не магнитики, а самые настоящие крохотные произведения искусства. Ах, да! – добавила я, залезая на заднее сиденье своего лимузина. – И в обязательном порядке одна из этих

тошнотворных фоток, на которой запечатлено счастливое семейство в полном составе: мамочка, папа, ребята, все в одинаковых джинсовых рубашках, надутые, словно шарик, парящие в воздухе, преисполненные собственной важности, гордящиеся теми достижениями, которых они добились под руководством своего семейного коуча-психолога».

– Куда едем, мэм? – спросил у меня водитель через перегородку.

– Домой, – рявкнула я в ответ, выхватила из мини-холодильника бутылку с водой и тут же с силой захлопнула дверцу, чтобы не соблазниться бутылочкой чего-нибудь покрепче. Меня мучила страшная головная боль, которую не смогли снять никакие таблетки; между тем был уже шестой час вечера. Насколько я помню, вчера у меня случилась большая вечеринка, если так можно выразиться. Мой новый закадычный друг, модельер Морис, объявился в Нью-Йорке и заскочил ко мне вместе со своими приятелями, чтобы пропустить по стаканчику. Потом те позвали еще кого-то, и закрутилось, завертелось... Не помню, как я добралась до кровати, но, проснувшись поутру, с удивлением обнаружила, что я не одна и рядом со мной спит какой-то незнакомец. Красивый парень, ничего не скажешь. Мы быстро перешли к стадии повторного знакомства на физическом, так сказать, уровне, после чего я поинтересовалась, как его зовут. Фернандо (так он представился) еще пару месяцев тому назад работал водителем-экспедитором в Филадельфии, обслуживая «Уолмарт», крупнейшую сеть оптовой и розничной торговли. А потом его заметил кто-то из покупателей, имеющих отношение к миру высокой моды, и посоветовал обратиться к своему приятелю, у которого в Нью-Йорке есть собственное модельное агентство. И вот Фернандо здесь и, по его словам, будет счастлив уже в ближайшем будущем продефилировать вместе со мной по красной ковровой дорожке на каком-нибудь знаменитом мероприятии. *«Конечно, – подумала я про себя, – любой снимок, запечатлевший Мистера Уолмарта под ручку со мной, тут же вознесет его карьеру до небес.* Во избежание такого поворота я постаралась как можно быстрее отделаться от парня.

«Так все же, Электра, что, если взять и выложить этой миссис Соне всю правду? Признаться ей в том, что накануне ты так накачала себя спиртным и коком, что могла бы переспать с самим Санта Клаусом, даже не заметив этого. А причина, по которой ты до сих пор не можешь заставить себя подумать о том, что отца больше нет, вовсе не в том, что он умер, а в том, что ты прекрасно понимаешь, как бы ему было стыдно за тебя... Да, именно так! Ему было бы очень стыдно за твое поведение, Электра».

Когда Па Солт был жив, меня успокаивало лишь то, что он не мог видеть всех моих непотребств. Но теперь его больше нет, и он как бы стал вездесущим; вполне возможно, он был минувшей ночью в моей спальне; быть может, он и сейчас сидит рядом со мной в этой машине...

Я громко выдохнула, достала из холодильника небольшую бутылочку водки и влила содержимое себе в горло, стараясь изгнать из памяти расстроенное лицо отца, каким я его запомнила в последний раз незадолго до его смерти. Па Солт специально приехал в Нью-Йорк, чтобы повидаться со мной, сказал, что у него есть ко мне разговор. Я оттягивала свидание до самого последнего вечера, когда наконец пришлось сдаться и согласиться отужинать вместе с ним. Я прибыла в ресторан «Азиат», рядом с Центральным парком, уже будучи хорошо подшофе, приняв на грудь и водки, и наркотиков. Молча просидела напротив отца весь ужин, потом извинилась, сославшись на то, что мне надо отлучиться в дамскую уборную, и поспешила туда, чтобы сделать несколько дополнительных затяжек кокса, всячески избегая того разговора, который отец намеревался провести со мной.

Но вот наконец подали десерт; Па Солт, скрестив руки на груди, оглядел меня невозмутимым взглядом.

– Я очень обеспокоен, Электра, всем тем, что происходит с тобой. У меня такое впечатление, что ты постоянно витаешь мыслями где-то в другом месте.

– Тебе не понять, папа, в каком напряжении я постоянно живу! – огрызнулась я в ответ. – Это же вечный стресс! И как мне все это дается!

К своему стыду, я смутно помню, что было потом и что сказал мне отец в ответ. Помню лишь то, что я подхватила со своего места и поспешила к выходу, держа отца под руку. Что ж, сейчас мне уже никогда не узнать, о чем именно собирался побеседовать со мной отец в тот вечер...

– Какое же ты дерьмо, Электра! Почему ты такая? – спросила я сама себя, вытирая рот, и сунула пустую бутылку в карман. У меня недавно появился новый водитель: еще не хватало, чтобы он обнаружил, что я опустошила по дороге домой весь мини-бар, а потом слил эту информацию в какую-нибудь газетенку.

Но что я могла с собой поделать? Отца больше нет; нет рядом никого из тех, кого я любила. Некому помочь мне справиться со своими бедами. Придется справляться самой. А мне никто и не нужен! И отец мне тоже не нужен...

– Приехали, мэм, – оповестил меня шофер через перегородку.

– Спасибо! Уже выпрыгиваю! – отозвалась я и действительно выпрыгнула, захлопнув за собой дверцу машины. Конечно, оптимальный вариант для меня – это появляться в любом месте как можно незаметнее. Другие селебрити предпочитают пользоваться маскировкой, прячут свою внешность или ограничиваются посещением каких-нибудь малоприметных местных закусочных. Но мне с моим ростом под два метра трудно затеряться в любой толпе; даже будь я менее знаменитой, меня все равно легко вычислить везде.

– Привет, Электра!

– Томми! – Я выдавила из себя некое подобие улыбки и поднялась на крыльцо своего подъезда. – Как дела?

– Уже превосходно, коль скоро мне повезло встретить вас, мэм. Хороший был день?

– Да, все отлично, – рассеянно кивнула я в ответ и посмотрела вниз, то есть, я хочу сказать, *глянула сверху вниз* на своего фаната номер один. – До завтра, Томми. Увидимся!

– Обязательно увидимся, Электра! Куда сегодня вечером?

– Никуда. Останусь дома. Организую себе такой тихий домашний вечер, – ответила я, сделав прощальный взмах рукой, и вошла в вестибюль.

«По крайней мере, этот парень любит меня», – подумала я, забрав свою корреспонденцию у консьержа и направляясь к лифту. Меня сопровождал портье. Собственно, в этом не было никакой нужды, но это его работа (у меня даже мелькнуло, а не вручить ли ему ключи от квартиры – все, что было у меня при себе), потом мысли мои снова переключались на Томми. Вот уже несколько месяцев он простаивал днями напролет, словно часовой, у моего парадного подъезда. Поначалу это меня злило, я даже попросила консьержа попытаться как-то отделаться от него. Но Томми стоял насмерть, защищая тот клочок земли, на котором он стоял; Томми сказал, что здесь тротуар, а на тротуаре волен стоять любой человек, где ему вздумается. К тому же, по его словам, он никому не мешает, а все, чего он хочет, – так это защитить меня. Консьерж даже посоветовал мне обратиться в полицию, пусть копы обвинят парня в том, что он меня отслеживает, и тогда ему несдобровать. Но в одно прекрасное утро я ненароком заинтересовалась у молодого человека, как его полное имя, потом порылась в интернете и обнаружила там много чего интересного. Так, на Фейсбуке я прочитала, что он военный врач-ветеринар, награжден медалями за храбрость на войне в Афганистане, что у него есть жена и дочь и что живут они в Куинси. То есть никакой угрозы этот человек для меня не представляет, скорее, наоборот: присутствие Томми заставляет меня чувствовать себя в полной безопасности. К тому же он ведет себя благовоспитанно и всегда подчеркнуто вежлив; все эти доводы я и изложила консьержу, отозвав назад свои прежние претензии.

Портье вышел из кабинки лифта, пропуская меня вперед. Мы с ним немного покружились, выделявая замысловатые па для того, чтобы разойтись: мне пришлось немного отступить

назад, давая ему дорогу для сопровождения меня до дверей моего пентхауса. Он открыл входную дверь своим ключом.

– Вот вы и дома, мисс Деппеси. Приятного вечера.

Портье попрощался со мной кивком головы, но взгляд его был холодным. Я прекрасно знала, что обслуживающий персонал ждет не дожидается, когда же я наконец выкурюсь из этого дома, вылечу из несуществующей трубы на крыше, словно ведьма на помеле. Большинство обитателей небоскреба квартировали здесь еще с тех давних пор, когда сидели в утробе матери; в те далекие времена такие женщины, как я, и всякие прочие цветные, тянули только на то, чтобы подвизаться у них в прислуге. Все эти люди были не просто жильцами, а владельцами своих апартаментов. А кто я в сравнении с ними? Парвеню, да и только: жиличка, пусть и богатая, которая всего лишь арендует свою квартиру, потому как та старая леди, которая проживала в ней до меня, умерла, после чего ее сын сделал в квартире ремонт и попытался продать ее за сумасшедшие бабки. Но поскольку тут случилось то, что потом окрестили «мировым экономическим кризисом», ничего у него не вышло. И тогда вместо того, чтобы продавать, он сдал квартиру внаем – за самую высокую цену, которую только можно придумать. Сдал мне. Плата за квартиру была действительно безумно высокой, но, с другой стороны, пентхаус набит под завязку всякими предметами современного искусства, оснащен всевозможными гаджетами, какие только есть на свете (я не имею ни малейшего представления о том, как работают большинство из них); да к тому же и вид, который открывается с террасы на Центральный парк, необыкновенно красив. Просто дух захватывает!

Что ж, если я и нуждалась в подтверждении успешности своей карьеры, то такая шикарная квартира – самое то. *«Но какие такие воспоминания у меня связаны с ней? Да никаких! – устало подумала я, опускаясь на кушетку, такую широченную, что на ней с легкостью могли бы уместиться как минимум двое здоровых парней. – Разве что эта квартира лишний раз напоминает мне о собственном одиночестве»*. В этих огромных апартаментах я чувствую себя такой маленькой и такой хрупкой... А еще квартира расположена на самом верху здания, под крышей... Будто я здесь сознательно пребываю в полной изоляции.

Где-то в глубине квартиры проснулся мой мобильник и заиграл мелодию песни, которая когда-то сделала Митча суперзвездой; несколько раз я пыталась поменять звуковой сигнал, но у меня ничего не вышло. *«Если наша Сиси страдает дислексией и у нее проблемы со словами, так у меня вечные проблемы со всей современной электроникой»*, – подумала я, направляясь в спальню, чтобы взять телефон. Обрадовалась, увидев, что служанка поменяла постельное белье на огромной кровати, и все вокруг было безукоризненно чисто, как в номере хорошего отеля. Мне была симпатична моя новая служанка, которую подыскала для меня пресс-секретарь; поступив ко мне на службу, она подписала специальный договор о неразглашении средствам массовой информации сведений о всех тех безобразиях, которые я могу вытворять у себя дома. Впрочем, это обычная практика для прислуги: такие бумаги подписывали и все мои предыдущие служанки. Но все равно я невольно содрогнулась при мысли о том, какой бедлам она застала здесь после вчерашней вечеринки. Можно только представить себе, что эта девушка – кажется, ее зовут Лизбет, – подумала, когда вошла в мои апартаменты поутру.

Я плюхнулась на кровать и принялась прослушивать голосовые сообщения, поступившие на мой ящик. Пять сообщений оставила мой агент; просила срочно перезвонить ей по поводу завтрашней фотосессии для журнала «Ярмарка тщеславия». Последнее сообщение было от Эми, моего нового пресс-секретаря. Она работала у меня всего лишь три месяца, но мне она определенно нравилась.

«Привет, Электра. Это я, Эми... Я... Дело в том... То есть, я хочу сказать, что мне нравилось работать с вами, но в долгосрочном варианте мои планы менялись. Сегодня я оставила у вашего агента заявление об уходе... Желаю вам успехов и всего самого хорошего в будущем. А еще...»

– ЧЕРТ! – громко выругалась я, нажимая на клавишу удаления записи, после чего швырнула телефон в дальний угол комнаты. – Какого черта? Что я сделала не так? Чем ее обидела? – спросила я, вперив взгляд в потолок. Странно, но я почувствовала себя очень уязвленной. Подумать только! И это ничтожество, которое когда-то на коленях умоляло дать ей шанс поработать со мной, спустя каких-то три месяца перешагнуло через меня, как ни в чем не бывало.

– Я с самого раннего детства мечтала работать в индустрии высокой моды. Пожалуйста, мисс Деппеси, прошу вас. Я буду работать для вас день и ночь, буду жить вашей жизнью... Клянусь, я никогда и ни в чем не подведу вас, – передразнила я плаксивый голос Эми, разговаривающей с сильным бруклинским акцентом. Потом подняла с пола мобильник и позвонила своему агенту.

Собственно, в этой жизни есть три вещи, без которых я категорически не могу обходиться: водка, кокаин и пресс-секретарь.

– Привет, Сюзи. Как я поняла, Эми от нас уходит.

– Да, не самая приятная новость. Тем более у нее все хорошо получалось. – Голос Сюзи Бритиш звучал по-деловому сухо.

– Да, я тоже считала, что она неплохо справлялась со своими обязанностями. Ты случайно не в курсе, почему она уходит?

В трубке воцарилось молчание. После некоторой паузы Сюзи обронила:

– Нет, не в курсе. В любом случае, я попрошу Ребекку подменить ее на время, а к концу недели, уверена в этом, мы подыщем тебе нового пресс-секретаря. Ты мои сообщения прочитала?

– Да.

– Пожалуйста, завтра без опозданий, ладно? Они хотят отснять все еще до восхода солнца. Машина подъедет за тобой в четыре утра, ладно?

– Хорошо, нет вопросов.

– Слышала, у тебя вчера была грандиозная вечеринка.

– Да, немного развлеклись.

– Но сегодня, пожалуйста, никаких гостей, Электра. Завтра ты должна быть свежей и отдохнувшей. Один из снимков пойдет на обложку.

– Не беспокойся, Сюзи. Сегодня я буду пай-девочкой и отправлюсь в постель ровно в девять вечера.

– Хорошо. Прости, но тут у меня на другой линии звонок от Лагерфилда. Ребекка свяжется с тобой попозже, перешлет тебе список кандидатур на должность пресс-секретаря. Чао.

– Чао, – выдохнула я в трубку, но Сюзи уже успела отключиться. Сюзи – единственный человек на всем белом свете, кто осмеливается, в случае чего, наехать на меня по полной. Что и не удивительно: самый влиятельный агент в модельном бизнесе Нью-Йорка, все знаменитости у нее, как говорится, на крючке. Она нашла меня, когда мне было шестнадцать. В то время я работала официанткой в одном из парижских кафе, устроилась на работу после того, как меня исключили из третьей школы подряд. Тогда, помнится, я сказала папе, чтобы он не тратил силы и время зря, отыскивая мне очередную школу, потому что конец все равно будет таким же: меня выгонят и оттуда. К моему удивлению, отец не стал устраивать мне сцен.

Помню, меня страшно изумило то, что мой очередной провал он воспринял относительно спокойно. Конечно, немного расстроился, но не более того. Такая его реакция не только озадачила меня, но и немного подкосила.

– Думаю вот, не отправиться ли мне в путешествие? – поделилась я с ним своими планами на будущее. – Буду познавать жизнь на собственном, так сказать, опыте.

– Согласен с тобой в том, что не всегда успех в жизни приходит исключительно в результате учебы, – сказал Па Солт. – К тому же ты у меня такая яркая и неординарная девочка, что я ни минуты не сомневаюсь в том, что ты обязательно приобретешь какую-нибудь подходящую

профессию. Но пока ты еще слишком юна, чтобы начинать самостоятельную взрослую жизнь. Знаешь, Электра, за стенами Атлантиды огромный необъятный мир.

– Папочка, я вполне могу позаботиться о себе, – твердо ответила я.

– Конечно, сможешь. Но скажи, а на какие средства ты собираешься путешествовать?

– Устроюсь на какую-нибудь работу, – пожала я плечами в ответ. – Пожалуй, для начала я отправлюсь в Париж.

– Отличный выбор! – одобрительно кивнул отец. – Поразительный, невероятный город!

Я мельком глянула на Па Солта, восседавшего за массивным письменным столом у себя в кабинете: по его лицу вдруг разлилось мечтательное выражение, и он заметно погрузтел. То есть точно ему почему-то стало грустно.

– Что ж, – продолжил отец, – предлагаю тебе нечто вроде компромисса. Итак, ты хочешь бросить школу, что, в общем и целом, мне понятно. Однако мне не очень по душе, что моя самая младшая дочь горит желанием начать самостоятельную взрослую жизнь в столь юном возрасте. Договоримся вот о чем. У Марины есть связи в Париже. Уверен, для начала она поможет тебе подыскать подходящее жилье. Отправляйся в Париж на все лето, а потом мы снова соберемся все вместе и решим, что нам делать дальше.

– Хорошо! – согласилась я. – Это уже почти готовый план действий.

«*И все же, – мелькнуло у меня, – почему отец не злится на меня?*» Почему не уговаривает продолжить учебу и получить хоть какое-то образование? Из его кабинета я вышла с убеждением, что вариантов ответа на мои вопросы два: либо отец окончательно умыл руки в том, что касается моей учебы, либо решил все же не держать меня на цепи и дать хоть немного свободы. Одним словом, сделал цепь подлиннее. Как бы то ни было, а Марина позвонила по своим старым связям, и уже совсем скоро я очутилась в прелестной маленькой студии, выходящей окнами на крыши Монмартра. Само помещение было действительно крошечным, к тому же мне пришлось делить ванную комнату с целой толпой иностранной ребятни, прибывшей в Париж с целью улучшения своего французского в рамках какой-то образовательной программы по обмену учащимися. Но в любом случае это была *моя и только моя* студия.

До сих пор помню то пьянящее чувство свободы, которое охватило меня поначалу, когда в самый первый вечер моего пребывания в Париже я, стоя посреди комнаты, вдруг поняла, что отныне никто уже не станет мне указывать, что и как делать. Впрочем, и готовить мне еду тоже больше никто не будет, а потому я поспешила на улицу и забрела в одно из близлежащих кафе; уселась за столик на тротуаре, закурила сигарету и принялась изучать меню. Заказала себе французский луковый суп и бокал вина, а официантка даже глазом не повела, принимая мой заказ; ее оставило равнодушной и то, что я курю, и то, что заказываю себе спиртное. Осушив целых три бокала вина, я наконец почувствовала в себе достаточно уверенности, чтобы обратиться к управляющему с вопросом, не нужны ли им официантки. И уже спустя каких-то двадцать минут я пошла в обратном направлении, преодолевая расстояние в пару сотен ярдов, отделявшее меня от моей студии, и уже имея в своем багаже приглашение на работу. Как же я была горда собой, когда на следующее утро позвонила отцу по таксофону, стоявшему в холле, и отрапортовала ему о своих первых успехах. Надо отдать должное: известие обрадовало его и сильно впечатлило, пожалуй, ничуть не меньше, чем тогда, когда Майя поступила в Сорбонну.

А спустя месяц я встретила Сюзи, моего нынешнего агента; обслуживала ее столик. Если мне не изменяет память, она заказала тогда крок-месье, горячий бутерброд с ветчиной и сыром... Ну, а все остальное – это уже история...

«*Почему я все время оглядываюсь в прошлое?* – снова спросила я саму себя, беря в руки мобильник, чтобы прослушать остальные сообщения. – *И почему я постоянно думаю об отце?*»

– Митч... Па Солт, – пробормотала я негромко в ожидании, когда включится голосовой ящик. – Все ушли, Электра. Все тебя бросили... Даже эта жалкая Эми с легкостью переступила через тебя сегодня. А тебе нужно жить и двигаться дальше.

«Моя ненаглядная Электра! Как ты там жива-здоровая? Я снова в Нью-Йорке... Что делаешь сегодня вечером? Как смотришь на то, чтобы нам с тобой распить бутылочку шампанского “Кристалл” под курочку в маринаде? А потом в кроватку... Сгораю, хочу тебя. Отзовись, как только сможешь».

Несмотря на свое скверное настроение, я не сдержала улыбки. Зед Эсзу – вот загадка всей моей жизни. Баснословно богат, связи по всему миру... Правда, ростом не вышел, и вообще он не в моем вкусе, но в постели просто бесподобен; мы с ним периодически встречались на протяжении трех последних лет. Но все прекратилось, как только у меня завязались серьезные отношения с Митчем; однако несколько недель тому назад я возобновила свои прежние контакты с Зедом: этот человек, как никто другой, мог расшевелить меня. К тому же его присутствие рядом способствовало росту моей популярности, что мне тоже было нужно. И что, конечно же, льстило моему израненному самолюбию.

Наши отношения с Зедом трудно было назвать любовью. Все что угодно, но только не любовь. Во всяком случае, с моей стороны. Но в Нью-Йорке мы с ним тусуемся в одних и тех же кругах; к тому же, и это, пожалуй, самое приятное из всего, когда мы с ним остаемся наедине, то можем поболтать и на французском. Надо сказать, Зед, так же, как и Митч, абсолютно равнодушен к тому, кто я есть, – довольно редкая вещь в наши дни, и эта его индифферентность к моей славе странным образом успокаивает меня: мне с ним комфортно.

Какое-то время я молча пялилась на свой телефон, прикидывая, как мне все же поступить: проигнорировать звонок Зеда и пораньше отправиться в кровать, как наказала мне Сюзи, или перезвонить ему и провести приятный вечер в компании Зеда. После некоторых раздумий я набрала его номер и пригласила к себе. В ожидании гостя быстро приняла душ и надела свое любимое шелковое кимоно, которое специально для меня сшили в одном многообещающем японском доме моды. Потом залила в желудок, наверное, целый галлон воды, чтобы хоть как-то обезопасить себя на тот случай, если мне захочется выпить чего-нибудь покрепче или если потянет на наркоту.

Снизу позвонил консьерж и доложил о прибытии Зеда. Я велела сказать, чтобы гость поднимался ко мне. И вскоре Зед уже стоял на пороге пентхауса с огромным букетом моих любимых белых роз и обещанной бутылкой шампанского «Кристалл».

– *Bonsoir, ma belle Electra*, – проговорил Зед, обращаясь ко мне по-французски и проглатывая половину звуков в каждом слове, – довольно странное произношение; после чего положил цветы на стол, поставил рядом бутылку шампанского, а потом расцеловал меня в обе щеки. – *Comment tu va?*

– Я в полном порядке, – объявила я в ответ и бросила жадный взгляд на шампанское. – Открыть?

– Думаю, эта работа для меня. Однако позволь вначале снять пиджак.

– Конечно.

– Но прежде... – Зед сунул руку в карман пиджака и извлек оттуда небольшую бархатную коробочку. – Вот увидел эту вещицу и тут же подумал о тебе.

– Спасибо, – поблагодарила я, присаживаясь на кушетку и как-то подобрав под себя свои ужасно длинные ноги, после чего с чисто детским любопытством уставилась на коробочку. Зед часто делал мне подарки. Надо сказать, что при таком баснословном богатстве, которым он обладал, все его подношения, как ни смешно это звучит, были довольно пустяковыми. Впрочем, в каждом его подарке была своя изюминка, они всегда были нетривиальными. Я сняла крышечку и увидела внутри кольцо с овальным камнем цвета меда.

– Это янтарь, – пояснил Зед, наблюдая за тем, как я рассматриваю игру камня под светом хрустальной люстры на потолке. – Примерь!

– И на какой палец прикажешь надеть? – спросила я с иронией в голосе, глянув на Зеда.

– На любой, шерри! Ты же понимаешь, любовь моя, что если бы я собирался делать тебе предложение, то подумал бы о чем-то более стоящем. Надеюсь, ты знаешь, что твое имя на греческом языке имеет самое прямое отношение к янтарю.

– Правда? Нет, я ничего не знаю, – честно призналась я, наблюдая за тем, как он откупоривает шампанское. – И что же оно означает?

– На греческом янтарь называют «электроном». Согласно легенде, в этом камне законсервированы лучи солнца. А еще один греческий философ заметил, что если потереть друг о друга два кусочка янтаря, то в результате трения возникает энергия... Словом, твое имя подходит тебе идеально. – Зед улыбнулся и протянул мне бокал с шампанским.

– То есть ты хочешь сказать, что я тоже провоцирую трение? – улыбнулась я в ответ. – Но вопрос в другом: это я так влияю на свое имя или это оно воздействует на меня?

– *Santé*.

Мы чокнулись, и Зед присел на кушетку рядом со мной.

– М-м, – протянула я.

– Подумала, не принес ли я тебе еще какой-нибудь подарок? – насмешливо поинтересовался он.

– Да, что-то в этом роде.

– Тогда загляни на дно коробочки, приподними бархотку.

Я послушно проделала, что мне было велено, и извлекла из коробочки, в которой лежало кольцо, небольшой пластиковый пакет.

– Большое спасибо, Зед, – прочувствованно поблагодарила я, сразу же вскрыла пакетик, обмакнула палец в содержимое, словно ребенок, сующий свой пальчик в горшочек с медом, и тут же намазала себе десны.

– Хорошо, да? – спросил Зед, глядя, как я отсыпаю немного порошка на стол, извлекаю из пакета короткую соломинку и с ее помощью закладываю порошок себе в ноздри.

– М-м... – откликнулась я с наслаждением. – Очень хорошо! Хочешь попробовать?

– Ты же знаешь, я не употребляю наркотики. Ну, как ты тут?

– О, все... в порядке.

– Голосок у тебя, Электра, не очень уверенный. Да и вид усталый.

– Много работы было в последнее время. – Я отхлебнула большой глоток из своего бокала. – На прошлой неделе была фотосессия на Фиджи, а на следующей неделе вот лечу в Париж.

– Может, стоит немного сбавить обороты, а? Устрой себе каникулы.

– И это советует мне человек, который сам говорит, что чаще ночует в своем самолете, чем в постели, – пошутила я в ответ.

– Да, ты права. Пожалуй, нам обоим не мешает снизить темп. Давай я соблазню тебя провести недельку-другую на моей яхте. В ближайшие пару месяцев она будет стоять на приколе на Санта-Люсии, а потом я на все лето отправлюсь на Средиземное море.

– Хорошо бы! – вздохнула я в ответ. – Но у меня все расписано вплоть до июня.

– Тогда в июне. Отправимся к греческим островам.

– Посмотрим, – рассеянно отмахнулась я от приглашения, не придавая ему большого значения. Я уже привыкла к тому, что мы часто обсуждаем с Зедом какие-то наши совместные планы, а потом все это заканчивается ничем. Впрочем, если честно, то я и не горю особым желанием, чтобы хоть что-то из намеченного осуществилось. Ночью в постели Зед великолепен, но не более того, потому что при более близком общении он немедленно начинает раздражать меня своей невероятной заносчивостью и не меньшей привередливостью.

Снова позвонил консьерж. Трубку снял Зед.

– Пусть поднимается вверх. Спасибо, – бросил он в трубку и заново наполнил нам бокалы. – Посыльный из китайского ресторана. Прибыла курочка под маринадом, как я и обещал. Надеюсь, это будет лучший ужин из всех, что тебе довелось попробовать, – добавил он с улыбкой. – Как поживают твои сестры?

– Понятия не имею. Давно не перезванивалась с ними, была слишком занята. Знаю только, что Алли наконец родила, мальчика. Она назвала его Бэром. Круто, правда? Но если уж мы заговорили о моих сестрах, то надеюсь, в июне я встречу со всеми ними в Атлантиде: мы собираемся на папиной яхте отправиться в круиз вокруг греческих островов и опустить на воду венок в память об отце в том самом месте, где, по рассказу Алли, опустили гроб с его телом. Кстати, насколько я помню, тело твоего отца было обнаружено на берегу поблизости. Я права?

– Да, все верно. Но я, как и ты, не хочу думать о смерти отца и о том, что его больше нет; подобные мысли очень меня расстраивают, – резко переменял Зед тему разговора. – Предпочитаю смотреть в будущее.

– Понимаю. И все же странное совпадение...

Раздался звонок в дверь, и Зед пошел открывать.

– А сейчас, Электра, – обратился он ко мне, вернувшись с двумя коробками в руках и направляясь на кухню, – ступай за мной. Поможешь мне разложить все это по тарелкам.

2

Я вернулась домой после утренней фотосессии, приняла горячий душ и завалилась в кровать с бутылкой водки, чувствуя себя вконец разбитой. Если кто-то воображает себе, что удел фотомоделей – это порхать по подиуму в красивых нарядах, словно бабочка, и получать за эту, в общем-то, необременительную работу кучу бабок, то я бы посоветовала таким людям хотя бы на один день влезть в мою шкуру. Вот и сегодня... Работа с четырех утра, шесть раз мне меняли прическу, заставляли переодеваться и заново наводили макияж, и все это в промерзающей насквозь бытовке на каком-то складе уже почти за городом. Видит Бог, *это было совсем не просто*: та еще работенка! Само собой, на людях я никогда не жалуясь на издержки своей профессии. В конце концов, я же тружусь не на какой-то китайской фабрике с ее потогонной системой, да и платят за мою работу тонны зеленых. Однако свои проблемы есть у каждого, и порой весьма серьезные. Так почему же не пожаловаться хотя бы самой себе и хотя бы иногда?

Чувствуя, как тепло начинает распространяться по всему телу, как я постепенно согреваюсь впервые за весь этот день, я безвольно откинулась на подушки и стала проверять голосовые сообщения, поступившие на мой мобильник. Четырежды мне звонила Ребекка, пресс-секретарь Сюзи. Она сказала, что отправила мне по электронной почте несколько резюме кандидатов на должность моего нового пресс-секретаря, и попросила меня как можно скорее просмотреть эти резюме. Я заскользила взглядом по анкетным данным претенденток на экране своего ноутбука, и тут опять зазвонил мобильник. Это снова была Ребекка.

– Я как раз просматриваю резюме, – тотчас же отпартовала я, не дав ей раскрыть рта.

– Отлично! Спасибо, Электра. А я звоню, чтобы сказать, что, по-моему, одна из девушек идеально тебе подходит. Но ей поступило еще одно предложение, на которое она должна дать свой окончательный ответ уже завтра. Какмотришь, если она к тебе сегодня заскочит вечером и вы немного поболтаете, а?

– Я только что вернулась домой после съемок для «Ярмарки тщеславия», Ребекка. И потом...

– И все же, мне кажется, ты должна с ней встретиться, Электра. У нее такие замечательные рекомендации, да и послужной список впечатляет. Она работала пресс-секретарем у

самого Бардина, а ты же знаешь, какой это, мягко говоря, сложный человек, – торопливо выпалила в трубку Ребекка. – То есть ей не привыкать работать в самых экстремальных условиях, какие случаются, когда речь идет о клиентах, имеющих отношение к высокой моде. Так мне подослать ее к тебе?

– Ладно! – тяжело вздохнула я в трубку. Не хочу быть «сложным человеком», как Бардин, хотя Ребекка наверняка считает меня именно такой.

– Замечательно! Сейчас же сообщу ей. Думаю, она очень обрадуется. Она ведь одна из самых пылких твоих почитательниц.

– Хорошо, договорились. Пусть подтягивается к шести вечера, ладно?

Ровно в шесть позвонил консьерж и сообщил, что ко мне посетитель.

– Пусть поднимается наверх, – бросила я в трубку усталым голосом. Предстоящая встреча меня ничуть не волновала: с тех пор, как Сюзи решила, что мне нужен личный помощник, который будет помогать мне хоть как-то упорядочить собственную жизнь, перед моими глазами прошли вереницы молоденьких девушек, жаждущих приобщиться к индустрии высокой моды; и все они поначалу были полны энтузиазма, но уже через несколько недель сбегали прочь.

– Может, я и правда сложный человек? – спросила я у собственного отражения в зеркале, проверив еще раз, не застряло ли у меня что-нибудь между зубов. – Все может быть. Ничего нового о себе я не скажу, верно? – заключила я и залпом допила водку, а потом распустила волосы. Мой стилист Стефано совсем недавно туго стянул их резинкой, так что даже кожа на голове заныла от напряжения и боли, а все для того, чтобы соединить длинные концы прядей в замысловатую прическу. У меня всегда дикие головные боли после всех этих его хитроумных плетений.

В дверь постучали, и я пошла открывать, гадая по пути, что меня ждет по ту сторону порога. В любом случае, я и предположить не могла, что передо мной возникнет хрупкая ладная фигурка в невзрачном костюме какого-то бурого цвета с юбкой ниже колен, вопреки всевеяниям моды. Мои глаза невольно скользнули по обуви: на ногах у девушки были грубые башмаки типа броги. Ма наверняка назвала бы такие туфли «практичной обувью». Самое удивительное, что на голове у нее был шарф, которым она туго перетянула свой лоб и плотно укутала шею. Но личико у девушки было очень милое: аккуратный носик, высокие скулы, пухлые розовые губки, чистая кожа, приятный цвет лица, похожий на кофе-латте.

– Здравствуйте! – улыбнулась она при виде меня, и ее красивые темно-карие глаза тотчас же вспыхнули радостным светом. – Меня зовут Мариам Каземи, и я очень рада познакомиться с вами, мисс Деплеси.

Мне сразу же понравился тембр ее голоса: пожалуй, если бы такой тембр можно было купить, я бы его сразу купила – глубокий, с хорошей модуляцией; льется из ее горла, словно мед.

– Привет, Мариам. Проходите, пожалуйста.

– Спасибо.

Я в три шага преодолела расстояние до кушетки, Мариам для этого потребовалось больше времени. Она невольно замедлила шаг, разглядывая дорожные каракули и завитки на полотнах, висевших на стенах. Судя по выражению ее лица, она была о них приблизительно такого же мнения, что и я сама.

– Они – не мои, – поспешила я пояснить ей. – Это выбор хозяина. – Почему-то мне вдруг показалось очень важным сделать это пояснение. – Что могу предложить? Вода, кофе, чай... Что-нибудь покрепче?

– Нет, спасибо, я не пью... то есть я хочу сказать, не употребляю спиртного. Если можно, просто стакан воды.

– Конечно.

Не доходя до кушетки, я круто развернулась и пошла на кухню. Достала из холодильника бутылку с водой «Эвиан» и в этот момент заметила, что Мариам уже стоит рядом.

– Я думала, что у вас есть прислуга, которая занимается всем этим.

– У меня есть служанка, но я так редко бываю дома. Я имею в виду, в этой квартире. Вот, пожалуйста! – Я вручила ей бутылку с водой. Мариам подошла к окну и уставилась на открывшуюся панораму.

– Высоко же вы забрались! – обронила она негромко.

– Да, высоко, – согласилась я, чувствуя, что эта девушка уже полностью очаровала меня: от нее веяло каким-то необъяснимым спокойствием, словно хорошими духами... И потом, она с таким невозмутимым видом восприняла и меня саму, и мои шикарные апартаменты. Обычно кандидаты на должность из кожи вон лезут, чтобы продемонстрировать свои восторги и наобещать кучу всего всякого.

– Присядем? – предложила я.

– Спасибо.

– Итак, – начала я, когда мы устроились в гостиной, – слышала, вы работали на самого Бардина?

– Да, работала.

– А почему ушли от него?

– Мне предложили место, которое на тот момент устраивало меня больше.

– Говорят, работать с ним непросто?

– О, нет, что вы! – Мариам издала короткий смешок. – Он совсем не капризный человек. Просто недавно Бардин снова вернулся в Париж и намеревается работать там на постоянной основе. Ну, а я осталась здесь. Мы расстались с ним лучшими друзьями.

– Рада слышать это. Но почему вас заинтересовала работа у меня?

– Потому что я всегда восхищалась тем, как вы работаете.

«Вау!» – воскликнула я мысленно. – *Не часто мне приходится слышать, чтобы то, чем я занимаюсь, называли “работой”*.

– Спасибо, – коротко поблагодарила я вслух.

– Надо ведь иметь настоящий талант, чтобы создать образ, который удачно дополняет рекламируемую продукцию. Как мне кажется, вы таким талантом обладаете в полной мере.

Я молча смотрела, как она открыла свою простенькую коричневую сумочку, очень смахивающую на обычный школьный портфель, но никак не на дизайнерский вариант изделия, извлекла оттуда свое резюме и вручила его мне.

– Наверное, у вас еще не было времени ознакомиться с моим резюме, – негромко промолвила Мариам.

– Это правда. До вашего резюме я еще не дошла, – призналась я, пробегая глазами информацию о девушке. Короткая, очень короткая биография, но все по существу. – Так в колледже вы не учились?

– Нет. У моих родителей не было на это средств. То есть я хочу сказать, – она слегка взмахнула своей маленькой ручкой, поднесла ее к лицу и принялась сосредоточенно тереть переносицу, – деньги у них, может быть, и есть, но нас в семье шестеро детей, и было бы не вполне справедливо лишать и остальных своего шанса в жизни.

– О, нас в семье тоже шестеро! И я тоже не училась ни в колледже, ни в университете.

– Что ж, тогда у нас с вами есть хоть что-то общее.

– Я – младшая из сестер.

– А я – старшая, – улыбнулась в ответ Мариам.

– Вам ведь двадцать шесть?

– Да.

– Значит, мы с вами одного возраста, – воскликнула я, чувствуя некое странное удовлетворение от того, что между мною и этой необычной девушкой можно провести какие-то параллели. – И чем вы занимались после окончания школы?

– Днем работала у одного флориста в его цветочном магазине, а вечерами училась в школе бизнеса. Могу показать вам копию своего диплома, если нужно. В совершенстве владею компьютером, могу составлять электронные таблицы любой сложности и печатаю... ну, может быть, не на запредельной скорости, но очень быстро.

– О, все эти навыки не являются главными для вашей будущей работы, в том числе и электронные таблицы. Мой бухгалтер отслеживает все мои финансовые вопросы.

– Да, но эти навыки могут очень пригодиться при решении всяких организационных вопросов. Например, я смогу составлять для вас подробные рабочие планы на месяц вперед, и для этого мне нужно будет лишь взглянуть на график ваших предстоящих съемок.

– О, если вы начнете планировать мою работу на целый месяц вперед, тогда я точно сбегу от вас, – пошутила я в ответ. – Я предпочитаю работать, как говорится, день в день. Могу совладать только с планами, рассчитанными на один день, не более того.

– Я вас очень хорошо понимаю, мисс Деппеси, но моя обязанность – заглядывать и немного вперед. Вот, например, когда я работала у Бардина, то расписывала для него даже графики отсылки его вещей в химчистку, и мы вместе с ним продумывали, что именно он наденет на то или иное мероприятие. Учитывали любую мелочь, вплоть до цвета носков. Хотя очень часто он специально эпатировал публику, появляясь в носках, не гармонирующих со всем остальным его прикидом.

Произнеся последнюю фразу, Мириам весело хихикнула, и я присоединилась к ней.

– Так вы говорите, он приятный человек?

– Да. Бардин – замечательный человек!

Так это или не так, но эта девушка, вне всякого сомнения, честный и неподкупный работник. Мне часто приходилось слушать разных соискательниц на должность моего пресс-секретаря, когда они пускались во все тяжкие, поливая грязью своего бывшего нанимателя. Может, они полагали, что, поступая таким образом, они тем самым дают мне исчерпывающие объяснения по поводу того, почему им пришлось уйти с прежнего места работы. Но я почему-то всегда была уверена в том, что в скором будущем они и обо мне будут рассказывать всякие гадости, только уже кому-то другому.

– Прежде чем вы спросите меня, сообщаю: я – человек рассудительный и умею держать язык за зубами, – сказала Мириам, словно прочитав мои мысли. – Мне часто доводилось слышать всякие байки про знаменитостей, занятых в нашем бизнесе, в которых не было ни слова правды. И вот что любопытно...

– Что именно?

– Да так, ничего.

– Нет, вы все же скажите. Пожалуйста!

– Знаете, меня порой удивляет, как много людей в нашем мире мечтают о славе, жаждут стать знаменитыми, а вот я, исходя из собственного опыта, могу сказать лишь одно: вся эта слава и успех приносят человеку одни лишь несчастья. Многие наивно полагают, что, став селебрити, они смогут делать все, что им заблагорассудится, и быть, кем захотят. А на самом деле они теряют в своей жизни самое главное, что есть у человека, – свою свободу. *Вашу* свободу, – добавила она немного невпопад.

Я бросила на Мириам удивленный взгляд. У меня вдруг возникла догадка, что, несмотря на все мои достижения и все, чем я обладаю, ей меня почему-то жаль. Нет, в этой ее жалости нет и тени покровительства, только теплота и участие, и все же, и все же...

– Вы правы, свою свободу я точно утратила. Но зато, – продолжила я, неожиданно для себя самой распахивая душу перед этой в общем-то совершенно чужой мне девушкой, – я не

особенно парюсь, если кто-то увидит меня, совершающей тот или иной пустяшный поступок, а потом сольет информацию об этом в какую-нибудь газетенку, тем самым увеличив их тираж и заработав себе немного денег.

– Это не совсем правильно, мисс Деппеси, – строгим тоном попеняла мне Мариам и даже слегка покачала головой в знак неодобрения такого моего легкомысленного отношения к жизни. – Однако, боюсь, мне пора. Я пообещала маме, что сегодня вечером посижу дома со своим младшим братишкой. У мамы сегодня день рождения, а у нас в семье часто шутят по поводу того, что папа в последний раз водил маму в ресторан ровно двадцать восемь лет тому назад. Когда делал ей предложение! А как я понимаю, если вы наймете меня, то мне нужно будет крутиться рядом с вами двадцать четыре часа в сутки.

– А как вы относитесь к тому, что придется много перемещаться по всему миру?

– Нет проблем. Тем более что на личном фронте у меня тихо и нет ни перед кем никаких обязательств. А сейчас все же прошу прощения, но мне надо бежать. – Мариам поднялась с кушетки. – Была рада познакомиться с вами, мисс Деппеси. Даже если наша сегодняшняя встреча ничем не закончится, мне все равно было очень приятно встретиться с вами лично.

Она повернулась и направилась к дверям. Даже в этом безобразном костюме Мариам смотрелась весьма достойно: такая естественная грация и то, что фотограф назвал бы «своей индивидуальностью». Несмотря на то что наш разговор с Мариам не продлился и пятнадцати минут и я не задала ей и десятую часть тех вопросов, которые должна была задать, я уже ни секунды не сомневалась в том, что хочу, чтобы Мариам Каземи работала на меня. *Действительно хочу этого!* Пожалуй, с ее появлением в моей жизни мне станет гораздо, гораздо спокойнее.

– Послушайте, а что, если я прямо сейчас предложу вам это место? Вы согласны рассмотреть мое предложение? – Я тоже подхватила с кушетки и направилась вслед за Мариам к входным дверям. – То есть я хочу сказать, что я в курсе того, что у вас имеются и другие предложения. И на одно из них вам нужно будет дать ответ уже завтра.

Она замешкалась на какое-то мгновение, а потом повернулась ко мне и улыбнулась.

– Конечно, согласна. Вы мне кажетесь чудесным человеком... И душа у вас добрая.

– И когда вы сможете приступить к своим обязанностям?

– Могу прямо со следующей недели, если хотите.

– Договорились! – воскликнула я и протянула ей руку, чтобы скрепить наш договор рукопожатием. Поколебавшись пару секунд, она протянула мне свою руку.

– Договорились! – повторила Мариам вслед за мной и добавила: – Но мне пора бежать.

– Конечно-конечно.

Она открыла входную дверь, и я отправилась провожать ее до кабинки лифта.

– Общие условия найма вам известны, но я все же попрошу Ребекку, чтобы она направила вам официальное приглашение на работу, и уже завтра утром кто-нибудь подвезет его и вручит вам прямо в руки.

– Отлично! – откликнулась Мариам. Створки кабинки лифта раздвинулись, приглашая войти.

– Кстати, что у вас за духи? Потрясающий аромат.

– Вообще-то это не духи, а масло для тела. Я его сама делаю. Всего доброго, мисс Деппеси. Створки снова сомкнулись, и лифт повез Мариам Каземи вниз.

* * *

Все рекомендации, представленные Мариам, обернулись самым настоящим панегириком в ее честь, превозносящим деловые достоинства девушки до небес. И уже в следующий четверг мы с ней вместе взошли на борт частного самолета, который должен был доставить нас из

аэропорта Тетерборо, что в Нью-Джерси, в Париж. Единственное, что позволила себе Мариам с учетом дальнего путешествия, это несколько изменить рабочую униформу, заменив юбку на светло-бежевые брюки. Я искоса наблюдала за тем, как она уселась на свое место в салоне самолета и почти сразу же извлекла из сумки ноутбук.

– Вы когда-нибудь летали раньше частными авиарейсами? – поинтересовалась я у нее.

– О, очень часто. Бардин пользовался только частными самолетами. Обычные авиарейсы его никак не устраивали. А сейчас, мисс Деппеси...

– Пожалуйста, зовите меня Электра.

– Хорошо, Электра, – поправила она саму себя. – Хочу спросить, вы хотите немного отдохнуть во время полета или же мы используем это время для того, чтобы вместе пробежаться по нашим ближайшим планам?

Если вспомнить, что мы с Зедом кувыркались сегодня в постели почти до четырех утра, то, само собой, я отдала предпочтение первому варианту и, как только самолет набрал высоту, нажатием кнопки превратила свое кресло в кровать, потом нацепила на глаза защитную маску и почти сразу же заснула.

Проснулась я где-то часа через три, чувствуя себя вполне отдохнувшей, да мне и не привывать спать в самолетах – по этой части у меня большой опыт. Я слегка отодвинула краешек маски, чтобы глянуть, чем занимается моя новая пресс-секретарь. Но ее кресло было пусто. Наверное, пошла в ванную комнату, предположила я, сняла с глаз маску и уселась в кресле. И тут же, к своему удивлению, увидела изогнутую спину Мариам в узком проходе между сиденьями. «*Может, она практикует йогу*», – мелькнуло у меня. Стоя на коленях, она отбивала поклоны, касаясь головой пола: что-то в этой ее позе было очень детское. Потом я расслышала ее негромкое бормотание, вот она вскинула руки вверх и слегка приподняла голову, и тогда до меня дошло, что Мариам молится. Мне стало неловко от того, что я стала невольным свидетелем столь интимно-личного действия. Я отвела глаза в сторону и поднялась с кресла, чтобы воспользоваться удобствами и немного освежиться. Когда я снова вернулась в салон, Мариам уже сидела на своем месте и бойко стучала по клавиатуре ноутбука.

– Хорошо поспали? – улыбнулась она.

– Отлично! А сейчас умираю, хочу есть.

– Я уже навела справки, есть ли в их меню на борту суши. По словам Сюзи, суши – это ваше любимое дорожное блюдо.

– Это правда. Спасибо за заботу.

И почти сразу же возле моего кресла возникла фигура стюарда.

– Что изволите, мисс Деппеси?

Я сделала заказ – свежие фрукты, суши и полбутылки шампанского, потом повернулась к Мариам.

– А вы уже поели?

– Да, спасибо.

– Не боитесь летать самолетами?

Она слегка нахмурилась.

– Нет, совершенно не боюсь. А почему вы спрашиваете?

– Потому что когда я проснулась, я увидела, что вы молились.

– Ах, это! – засмеялась она в ответ. – Да, молилась, но вовсе не потому, что боюсь летать самолетами. Просто сейчас в Нью-Йорке уже полдень, а я в это время всегда молюсь.

– Вау! И подумать не могла, что вы столь набожны.

– Пожалуйста, не волнуйтесь, Электра. Обещаю, что впредь вы нечасто увидите меня за молитвой. Обычно я использую для этой цели какой-нибудь тихий уголок, подальше от посторонних глаз, но, как вы понимаете, найти такой уголок здесь... – Она обвела широким жестом салон самолета. – Разве что туалет. Но это не вполне подходящее место для молитвы.

– И вы молитесь каждый день?

– Да. Как правило, пять раз в день.

– Вау! – снова воскликнула я. – И это никак не сказывается на вашем образе жизни?

– Знаете, я даже как-то не задумывалась над этим: для меня молитва – привычное дело, я с раннего детства привыкла молиться. И надо сказать, мне всегда после молитвы очень хорошо. Словом, я такая, какая есть.

– Вы хотите сказать, что этого требует от вас ваша религия?

– Нет. Этого требует от меня *моя душа*. А вот и суши вам подали. Выглядит очень аппетитно.

– Так присоединяйтесь к трапезе. Вообще-то я не люблю пить в одиночестве, – добавила я с усмешкой, глядя на то, как стюард наполняет мой бокал шампанским.

– Вам что-нибудь подать, мэм? – обратился стюард к Мариам, которая пересела поближе ко мне, заняв кресло напротив моего.

– Пожалуйста, стакан воды, если можно.

– За ваше здоровье, – подняла я свой бокал с шампанским. – И за наше плодотворное сотрудничество.

– Да, не сомневаюсь, оно будет успешным.

– Прошу простить мне мое невежество: я совершенно не знаю ваших обычаев и традиций.

– Не надо извиняться, Электра, – поспешила успокоить меня Мариам. – Окажись я на вашем месте, я бы тоже ничего не знала.

– Семья у вас строгая?

– О, нет! Совсем даже не строгая, особенно в сравнении с другими семьями. Я ведь родилась в Нью-Йорке, как и мои младшие братья и сестры. Так что мы все американцы. Мой отец не устает повторять, что в свое время американцы дали им с мамой надежный приют, когда им очень нужны были поддержка и помощь, а потому мы должны гордиться великими традициями американского народа и чтить их не меньше, чем свои собственные традиции.

– А откуда родом ваши родители? – спросила я.

– Из Ирана... Из Персии, если уже по-нашему. Мне больше нравится Персия. А вам?

– Мне тоже. Получается, что ваши родители были вынуждены покинуть родину вопреки своей воле?

– Да. Они оба попали в Америку еще детьми. Приехали сюда вместе со своими родителями после свержения шаха.

– Шах? А кто это?

– Он был королем в Иране, человек ярко выраженных западных взглядов. Экстремистам это не очень нравилось. А потому, после того как шаха отстранили от власти, все его сторонники, кто так или иначе поддерживал шаха, вынуждены были бежать из Ирана, спасая свою жизнь.

– Так он был королем? Может, и в вас тоже течет королевская кровь?

– Все может быть, – улыбнулась Мариам. – Наши персидские монархи сильно отличаются от европейских королевских особ. Сотни людей связаны с монархом родственными узами, как это принято у нас на Востоке... Двоюродные, троюродные и даже четвероюродные братья и сестры, потом вся многочисленная родня по линии мужа или жены... Словом, куча народа. Но как бы то ни было, а по западным меркам да, моя семья имеет высокое происхождение.

– Вот это да! Получается, что пресс-секретарем у меня работает самая настоящая принцесса!

– Вполне возможно, так оно и было бы, если бы жизнь сложилась по-другому. Если бы, к примеру, я вышла замуж за надлежащего претендента, то могла бы стать и принцессой.

Мне не хотелось огорчать Мариам и говорить, что я просто пошутила, но, глянув на нее еще раз, я поняла, что все, что меня удивляло в ней, неожиданным образом нашло свое

объяснение. Иными словами, все встало на свои места. Ее врожденная сдержанность, чувство собственного достоинства, безупречные манеры... Наверное, все эти качества нарабатываются у аристократов столетиями соответствующего воспитания.

– А вы сами, Электра... Откуда родом ваша семья?

– Понятия не имею, – рассеянно бросила я, осушив до дна свой бокал. – Меня удочерили еще в младенческом возрасте.

– И вам никогда не хотелось докопаться до своих настоящих корней?

– Нет, не хотелось. Да и зачем? Какой смысл оглядываться назад? Ведь прошлого нам не дано изменить. Предпочитаю смотреть в будущее.

– О, тогда вам лучше не встречаться с моим отцом. – В глазах Мариам запрыгали веселые чертики. – Он просто обожает рассказывать всяческие истории о том времени, когда жил вместе со своими родителями, моими бабушкой и дедушкой, в Иране. А также о наших предках, людях, которые жили много-много веков тому назад. Все эти семейные предания очень красивые и похожи на сказки. Ребенком я очень любила слушать папины рассказы.

– А меня в детстве развлекали сказками братьев Гримм; там почти в каждой из них обязательно присутствует злая ведьма или противный тролль. Я их страшно боялась, когда была маленькой.

– В наших сказках тоже полно нечистой силы, их у нас называют джиннами. И они тоже творят всякие ужасные вещи по отношению к людям. – Мариам немного отпила воды и глянула на меня поверх ободка стакана. – Папа любит повторять, что наши семейные предания – это тот ковер-самолет, на котором мы стоим и который помогает нам подняться вверх и научиться летать. Возможно, в один прекрасный день вам тоже захочется узнать историю своей настоящей семьи. А сейчас, если вы не возражаете, Электра, послушайте предстоящий график своих съемок в Париже, который я подготовила для вас.

Спустя час с небольшим Мариам вернулась на свое место и снова принялась печатать, внося в документы те пометки, которые она сделала по ходу нашего разговора. Я же, откинувшись на спинку своего кресла, глянула в окно иллюминатора. Небо потемнело, сгущались сумерки, в Европе скоро наступит ночь. Где-то там, внизу, в этой темноте затерялся и мой родной дом. Вернее, дом, в котором обрели приют несколько разнокалиберных малышей, которых отец подобрал, странствуя по всему свету.

Собственно, меня никогда особо не волновало, что мы с сестрами не родные, но сейчас, наслушавшись рассказов Мариам о своих корнях, наблюдая за тем, как свято она чтит многовековые традиции своего народа, соблюдает их даже на борту самолета, уносящего нас в Париж, я почувствовала нечто, похожее на зависть.

Я вдруг вспомнила про то письмо, которое оставил мне отец и которое сейчас валялось где-то в глубинах моих нью-йоркских апартаментов... А я ведь даже понятия не имею, где конкретно оно может быть. По возвращении домой я так и не удосужилась вскрыть конверт и прочитать письмо. Скорее всего, оно затерялось, и мне уже никогда не узнать историю своего прошлого. Разве что Гофф поможет, это я так называла про себя папиного нотариуса. Может, он прольет свет на мое истинное происхождение... А, да! Еще какие-то цифры, выгравированные на армиллярной сфере. Помнится, Алли сказала, что это координаты, по которым можно определить, откуда мы родом. Внезапно меня охватило нетерпение: захотелось тут же вернуться домой и заняться поисками письма Па Солта, как будто это сейчас самое важное и срочное дело для меня. Хоть проси пилота развернуть самолет в обратном направлении, чтобы я смогла поскорее заняться перетряхиванием всех шкафчиков и шкафов в доме, куда оно могло ненароком завалиться. К тому времени, как я возвратилась в Нью-Йорк после так называемых траурных мероприятий, связанных со смертью отца, потому как он уже все решил заранее и велел похоронить себя в море еще до того, как все мы, сестры, собрались в Атлантиде, так вот,

помню, я вернулась домой в страшно взвинченном состоянии. Была зла на весь белый свет и ничего не хотела знать.

«*Но почему ты злилась тогда, Электра?*» – услышала я в ушах голос своего психотерапевта.

По правде говоря, я и сама не знаю. Впрочем, сколько я себя помню, я всегда на кого-то злилась... или на что-то... С тех самых пор, как научилась ходить и говорить. Вполне возможно, и раньше, еще в грудном возрасте. Все мои сестры обожали рассказывать, какой крикухой я была в младенчестве. Буквально весь дом сотрясался от моих воплей. Но и повзрослев, я не стала лучше. И винить кого-то в моем плохом воспитании не имею права: я получила отменное воспитание. Нас всех растили в любви и заботе. Правда, немного странная семья у нас получилась: все шесть девочек – приемные. На семейных фотографиях мы смотрелись довольно прикольно, такая разномастная компания из представительниц самых разных национальностей и этнических групп. Прямо как на проспектах, рекламирующих одежду модных брендов. Если я когда и спрашивала у отца, почему так получилось, его ответ был всегда неизменным: он специально выбирал каждую из нас и очень гордится всеми нами. Такой отец полностью удовлетворял моих сестер, но только не меня. Потому что я хотела знать, *почему именно* он выбрал меня. Но теперь, после смерти отца, мне уже никогда не получить ответ на свой вопрос.

– Через час приземляемся, мисс Деппеси, – предупредил стюард, снова наполнив мой бокал шампанским. – Что-нибудь еще?

– Нет, спасибо. – Я закрыла глаза. Дай-то бог, чтобы в Париже у меня все прошло хорошо, как и должно быть. И побыстрее бы добраться до гостиницы: мне позарез нужен телефон. Когда я трезвая и не одурманенная кокаином, мои мозги тут же начинают работать: я вспомнила отца, потом всех своих сестер, всю свою жизнь... Не скажу, что эти воспоминания успокаивали. Напротив! Как никогда ранее я остро ощутила собственное одиночество.

* * *

Парижские съемки внесли приятное разнообразие в мои будни, и я действительно получала от них удовольствие. Весна в Париже, особенно в погожие, солнечные дни, божественное по своей красоте время года: утопающие в цвету вишневые деревья, распустившиеся ирисы и пионы, и все вокруг такое чистое, свежее, словно родившееся заново. Моему хорошему настроению поспособствовал и фотограф: он мне сразу же понравился. Мы закончили съемки с опережением графика, после чего с легкой душой отправились вместе с ним ко мне в отель. Для более близкого знакомства, так сказать.

– Что ты там делаешь в этом Нью-Йорке? – поинтересовался у меня Максим на французском, пока мы, лежа в постели, попивали чай из тончайших фарфоровых чашечек. После чего воспользовались подносом для того, чтобы соорудить себе полосу из кокса. – У тебя же европейская душа.

– Вот в этом-то я как раз не совсем уверена, – ответила я со вздохом. – К тому же в Нью-Йорке живет Сюзи, мой агент. Разумнее быть рядом с ней.

– А, твоя «мамочка» из мира высокой моды. Ты хочешь сказать, что она тебя опекает? – насмешливо спросил он. – Но ты уже и сама большая девочка, Электра. Вполне можешь принимать самостоятельные решения. Оставайся в Париже, и тогда у нас с тобой появится возможность чаще заниматься любовью, – добавил он, поднимаясь с кровати и направляясь в ванную комнату, чтобы принять душ.

Я глянула в окно на Вандомскую площадь, заполненную народом: толпы туристов, глазеющие на достопримечательности или прочесывающие шикарные магазины, расположенные рядом. Задумалась над словами Максима. А ведь, в сущности, он прав, я могу жить где угодно;

какая разница, где мне квартировать, коль скоро большую часть своего времени я провожу в разъездах, путешествуя по всему миру?

– И где он, твой дом? – прошептала я, внезапно почувствовав страшную усталость при мысли о том, что надо возвращаться в Нью-Йорк, в свой огромный, пустынный и бездушный пентхаус. И в ту же минуту схватила мобильник и набрала номер телефона Мариам.

– Что у меня запланировано на завтра в Нью-Йорке?

– Завтра в семь часов вечера у вас ужин с Томасом Аллебахом, который возглавляет службу маркетинга в своей компании. Это в рамках вашего контракта по рекламе их парфюмерии, – тут же доложила мне Мариам.

– Прекрасно! – отозвалась я, вспомнив, что за последние несколько месяцев, уже после того, как меня бросил Митч, у нас с Томасом было несколько свиданий, очень приятных во всех отношениях. – А на воскресенье что?

– В моем рабочем дневнике нет никаких пометок касательно воскресного дня.

– Вот и хорошо! Тогда отмените завтрашний ужин с Томасом. Скажите ему, что съемки немного затянулись... Ну, или придумайте какую-нибудь другую убедительную отговорку. Потом перерегистрируйте наш рейс на вечер воскресенья и продлите бронь на мой номер еще на пару ночей. Хочу задержаться в Париже немного подольше.

– Понимаю! Такой прекрасный город. Я перезвоню вам, как только улажу все вопросы.

– Спасибо большое, Мариам.

– Да нет проблем.

– Ну вот! Я остаюсь в Париже еще на пару дней, – тут же доложила я Максиму, едва он появился из дверей ванной комнаты.

– Какая жалость! Это я к тому, что на выходные мне нужно уехать из Парижа. Если бы я знал об этом раньше...

– Ничего страшного, – постаралась я скрыть свое разочарование. – В скором будущем я опять нагряну в Париж.

– Только обязательно предупреди меня заранее, ладно? – бросил он через плечо, напавшая на себя брюки. – Досадно, но я не могу проигнорировать это приглашение. Речь идет о свадьбе моего приятеля. Прости, Электра, что так вышло.

– Говорю же тебе, ничего страшного. Я остаюсь в Париже ради самого Парижа, а не ради тебя, – выдавила я из себя некое подобие улыбки.

– И Париж платит тебе за это любовью. Я тоже люблю тебя. – Максим запечатлел мимолетный поцелуй у меня на лбу. – Хороших тебе выходных, и оставайся на связи, ладно?

– Обязательно.

Как только Максим ушел, я высыпала себе еще одну дорожку из кокса, для поднятия настроения, так сказать, а потом задумалась, чем бы мне заняться в Париже в предстоящие два дня. Но, как и в большинстве крупных городов, здесь меня тоже поджидала одна опасность: ведь стоит мне выйти из вестибюля отеля «Ритц», как меня сразу же узнают: наверняка кто-то тут же сообщит прессе – и вокруг меня моментально соберется толпа папарацци. Не очень-то мне и нужен такой антураж.

Рука моя сама собой потянулась к мобильнику. Надо перезвонить Мариам и отыграть все назад. Но в этот момент, словно по волшебству, телефон зазвонил сам.

– Электра, это Мариам. Хочу сообщить вам, что я переоформила наш вылет из Парижа на вечер воскресенья, а также продлила ваше проживание в отеле.

– Спасибо.

– Вам зарезервировать место в каком-нибудь ресторане на вечер?

– Нет, не надо. Я...

Неожиданно для меня самой глаза мои наполнились слезами.

– С вами все в порядке, Электра?

– Да, все чудесно.

– А вы... вы сейчас заняты?

– Нет, я свободна.

– Тогда можно мне подбежать к вам? Тут мне Сюзи переслала пару контрактов. Нужна ваша подпись.

– Конечно, приходите.

Спустя несколько минут в моем номере появилась Мариам, мгновенно заполнив комнату чудесным ароматом, который исходило ее тело. Я подписала все необходимые документы, а потом с унылым видом уставилась в окно: на Париж уже опускался вечер.

– Как собираетесь провести вечер? – поинтересовалась у меня Мариам.

– Понятия не имею. Пока никаких планов. А вы?

– Тоже ничего определенного. Приму ванну и улягусь в постель с хорошей книгой.

– Вообще-то мне бы хотелось прогуляться по городу, в частности, побывать в том кафе, в котором я когда-то работала официанткой... Поужинать, как все нормальные люди. Однако я категорически не хочу, чтобы кто-то узнал меня.

– Понимаю, – негромко обронила Мариам. Какое-то время она молча разглядывала меня, а потом поднялась со своего места. – У меня тут возникла одна идея. Подождите немного.

Она быстро вышла из номера и через несколько минут появилась снова с шарфом в руках.

– Можно, я наброшу его на вас? Взгляну, как это будет смотреться.

– Набросите мне на плечи? – спросила я.

– Нет, Электра. Я укутаю шарфом вашу голову, как делаю со своей головой. Обычно люди сторонятся женщин, которые носят хиджаб. Это тоже одна из причин, по которой многие женщины-мусульманки предпочитают именно такой головной убор. Так что? Попробуем?

– Ладно. Хиджаб – это, пожалуй, единственный головной убор, который я еще никогда не примеряла.

Я уселась на краешек кровати, а Мариам принялась туго пеленать мою голову шарфом, потом расправила концы шарфа по плечам и скрепила там, где нужно, булавками.

– Ну вот, готово! Взгляните на себя в зеркало.

Я послушно посмотрела в зеркало и поразились произошедшей со мной перемене. Можно сказать, *я сама* себя не узнала.

– Хорошо! Очень хорошо! Но что мы будем делать со всем остальным? С моей фигурой?

– Сейчас что-нибудь придумаем. Вы взяли с собой какие-нибудь темные брюки или леггинсы?

– Только черные спортивные штаны, в которых я летела сюда.

– Сойдут! Натягивайте их на себя, а я пока снова отлучусь, принесу кое-что еще.

Я стала переодеваться. Вскоре Мариам опять возникла передо мной с какой-то одежкой на руке. Развернула наряд, и я увидела, что это дешевая хлопчатобумажная блузка в цветочек, скорее даже платье-халат с длинными рукавами.

– Вот, прихватила с собой на всякий случай, если бы надо было выбраться в какое-то приличное место. Я эту блузку берегу для особых мероприятий, но сегодня с удовольствием одолжу ее вам.

– Боюсь, она мне не подойдет.

– А мне кажется, она вам будет впору. У нас ведь приблизительно один размер одежды. Вообще-то я ношу этот наряд, как платье, но думаю, в вашем случае это будет отличная маскировка. Такое коротенькое платье-рубашка без пояса. Ну же, примерьте! –скомандовала она.

Я повиновалась. Мариам оказалась права. Рубашка отлично подошла мне в груди, а по длине оказалась на уровне бедер.

– Самое то! Вот сейчас голову даю на отсечение, вас никто не узнает. Самая настоящая мусульманка!

– А что на ноги? У меня же с собой только туфли-лодочки и лабутены.

– Надевайте кроссовки, в которых вы были в самолете, – предложила Мариам с ходу и показала глазами на мой чемодан. – Можно?

– Само собой, – кивнула я в ответ, продолжая разглядывать собственное отражение в зеркале. Хиджаб и простенькое ситцевое платье действительно сотворили чудо, преобразив меня до неузнаваемости. Воистину, нужен орлиный глаз, чтобы узнать в этом новом образе меня прежнюю.

– Вот теперь порядок! – удовлетворенно хмыкнула Мариам, наблюдая за тем, как я переобуваюсь в кроссовки. – Трансформация полная. Правда, еще одна мелочь... Можно заглянуть в вашу косметичку?

– Пожалуйста.

– Сейчас мы немного подведем вам веки. Закройте глаза, пожалуйста.

Я молча закрыла глаза и тут же мысленно перенеслась в то далекое время, когда мы, все шесть сестер, отправлялись каждое лето вместе с отцом в наш ежегодный круиз на его яхте. Помню, мы спускались на берег в каждом порту, где останавливались, чтобы отужинать в тамошнем ресторане. В те годы я была еще совсем ребенком, а потому, сидя на кровати, лишь наблюдала со стороны за тем, как моя старшая сестра Майя помогает наводить вечерний марафет моей следующей по старшинству сестре Алли.

– У вас такая нежная кожа, – вздохнула Мариам. – Она буквально светится изнутри. Вот сейчас я убеждена на все сто, что сегодня вечером к вам никто не пристанет.

– Уверены в этом?

– Да. Но сейчас проверим нашу маскировку в деле. Спускайтесь на ресепшн, посмотрим, как там отреагируют на ваше появление. Готовы?

– Готова. Почему нет? – Я схватила с кресла брендовую кожаную сумочку от «Луи Виттон» и в тот же момент была остановлена своим пресс-секретарем.

– Все, что вам нужно, давайте мне. Я положу в свою сумку, – предложила она, жестом указав на свою дешевую коричневую сумку из искусственной кожи, которую повесила через плечо. – Итак, вперед?

– Вперед!

В кабинке лифта, помимо нас с Мариам, было еще трое, но никто из пассажиров и глазом не повел в мою сторону. Мы прошествовали через вестибюль, консьерж на выходе из отеля скользнул по нам обоим безразличным взглядом и снова уткнулся носом в свой компьютер.

– Вот это да! – прошептала я, открывая входную дверь. – Кристоф же знает меня сто лет! И не узнал!

Мы вышли на крыльцо, и Мариам обратилась к швейцару.

– Нам нужно такси до Монмартра, – сказала она на вполне сносном французском.

– *D'accord, mademoiselle*, но тут уже образовалась очередь из желающих. Придется подождать минут десять.

– Хорошо, мы подождем.

– Я уже забыла, когда в последний раз стояла в очереди на такси, – негромко пробормотала я.

– Добро пожаловать, Электра, в настоящую жизнь, такую, какая она есть на самом деле, – улыбнулась в ответ Мариам. – А вот и наша очередь подошла.

Минут через двадцать мы с ней уже сидели за столиком в том самом кафе, где я когда-то работала. Нам достался не очень хороший столик: он был буквально втиснут между двумя остальными, и мне было слышно каждое слово из тех разговоров, которые вели наши соседи за этими столиками. Я продолжала есть глазами Жоржа, который когда-то, лет десять тому назад, нанял меня к себе на работу официанткой, но он даже не глянул в мою сторону.

– Ну, и каково это – почувствовать себя человеком-невидимкой? – поинтересовалась у меня Мариам после того, как я заказала себе полграфина легкого домашнего вина.

– Пока еще не могу определиться со своими ощущениями. Но в целом прикольно, хотя и непривычно.

– Зато какая свобода!

– Да. Мне понравилось ходить по улицам неузнанной. Хотя везде есть свои плюсы и минусы, правда?

– Да, вы правы. Но потом, ваш случай, он особый. Думаю, вы привыкли к тому, что на вас все и всегда пялятся... Так ведь было еще до того, как вы стали знаменитой.

– Пожалуй. Но в любом случае, когда я работаю, такое повышенное внимание к моей особе меня очень нервирует, даже если люди настроены доброжелательно. В эту минуту я сама себе кажусь таким диковинным черным жирафом!

– Думаю, это повышенное внимание к вам связано с тем, что вы очень красивы, Электра. А вот на меня, особенно после тех сентябрьских событий 2001 года, везде смотрят косо, где бы я ни появилась. Ну, вы же понимаете! Сегодня каждый мусульманин – это, прежде всего, потенциальный террорист. – Мариам грустно улыбнулась и отхлебнула немного воды из своего стакана.

– Да, есть такое! Наверное, вам приходится непросто.

– Да, непросто. Но при любом режиме, политическом или религиозном, народ, *все те люди*, которые ходят по улицам, хотят жить в мире. Печально, но факт: очень часто, увидев на моей голове хиджаб, люди судят обо мне еще до того, как я успела открыть рот.

– А вы хоть иногда появляетесь на улице без хиджаба?

– Никогда. Хотя папа не раз советовал мне не надевать хиджаб, если я иду на какое-нибудь собеседование. Говорит, это сразу может отпугнуть потенциальных работодателей.

– Может, стоит прислушаться к его совету? Попытаться стать другой, хотя бы на пару часиков. Вот как я сегодня. Тогда и вы тоже почувствуете вкус свободы.

– Наверное, вы правы, но пока я вполне счастлива в том облике, который у меня есть. Что будем заказывать?

Мариам подозвала официантку и продиктовала ей на французском наш заказ.

– В вас уйма скрытых талантов, – пошутила я. – Где вы научились так хорошо говорить по-французски?

– Французский я учила в школе, а потом еще окончила курсы, когда работала у Бардина. Поняла, что в мире высокой моды без знания французского никак не обойтись. Наверное, у меня есть кое-какие способности к языкам. Многое я воспринимаю на слух. Вот, к примеру, я уже успела заметить, что на французском вы говорите совершенно иначе, чем на английском. Просто совсем другой человек.

– Как это понимать? – тут же насторожилась я.

– Нет-нет, не подумайте! Ничего плохого! – поспешила Мариам успокоить меня. Просто, когда вы говорите на английском, у вас ярко выраженный американский акцент, и ваша речь звучит как-то очень обыденно, словно между прочим... А вот на французском... вы производите впечатление серьезного человека.

– Вот мои сестры посмеялись бы от души, если бы услышали, что вы меня называли серьезным человеком, – невольно рассмеялась я сама.

За ужином, уплетая мидии мариньер в белом вине вприкуску со свежим хрустящим хлебом, кажется, только французы знают, как печь такой хлеб, я стала расспрашивать Мариам о ее семье. Было совершенно очевидно, что она обожает всех своих младших братьев и сестер. Мне даже стало немного завидно при виде ее глаз, в которых светилась такая искренняя любовь.

– Поверить не могу в то, что в следующем году моя младшая сестра уже выходит замуж. А меня родители называют не иначе как «старой девой», – рассказывала Мариам с улыбкой на

устах, когда мы приступили к десерту, заказав себе вкуснейший яблочный пирог под названием «тарт татен». Я постаралась не прислушиваться к угрызениям совести по поводу переизбытка калорий, успокоив себя тем, что завтра с самого утра займусь интенсивной гимнастикой прямо в номере.

– А вы подумываете о замужестве? – спросила я у Мариам.

– По правде говоря, нет. Я определенно еще не чувствую себя готовой к тому, чтобы обзавестись собственной семьей. Наверное, потому, что своего «единственного» я пока не встретила. Позвольте и мне поинтересоваться у вас: вы были когда-нибудь влюблены?

Вопрос, конечно, чересчур прямолинейный, обычно я не поощряю такие вопросы от посторонних, но сегодня вечером вполне даже позволительный. В конце концов, сегодня мы просто две девушки, сидим вместе за ужином и сплетничаем обо всем на свете.

– Была. Знаете, такой опыт... Не думаю, что мне захочется влюбиться когда-нибудь снова.

– Все закончилось плохо, да?

– Еще как плохо! – вздохнула я. – Разбил мне сердце, вывернул наизнанку всю душу. Словом, бросил меня по уши в дерьме. Вот как бывает.

– Я уверена, Электра, что вы еще встретите свою судьбу. Этот человек есть, и вы с ним обязательно найдете друг друга.

– Вот сейчас вы рассуждаете точь-в-точь, как моя сестра Тигги. Она у нас очень одухотворенный человек и всегда видит во всем только хорошее.

– Вполне возможно, она права. Да и я тоже. У каждого в этом мире есть своя вторая половинка. Я лично верю в это.

– Вопрос лишь в том, как этим двум половинкам встретиться. Мир ведь огромен.

– Это правда, – согласилась со мной Мариам и неожиданно сладко зевнула. – Прошу простить меня. Плохо спала минувшую ночь. На меня все эти дальние перелеты действуют плохо.

– Тогда уходим. Сейчас только рассчитаюсь. – Я махнула рукой официанту, подзывая его к себе. Но парень полностью проигнорировал мой жест.

– Что за грубиян нам попался! – разозлилась я, когда и через пять минут он так и не соизволил подойти к нам.

– Вы же видите, Электра, он сейчас занят. Обслуживает других клиентов. Подойдет, когда освободится. Терпение – это, знаете ли, величайшая добродетель.

– Ну, этой добродетели у меня точно никогда не было, – пробормотала я, пытаясь обуздать свой гнев.

– Ну вот, – обронила Мариам, выходя из ресторана после того, как официант соблаговолил наконец обратить свое внимание на нас, – сегодня я поняла еще кое-что про вас. Вы не любите, когда вас игнорируют.

– Чистая правда! А как же иначе? В семье, где целых шесть девочек, надо иметь громкий голос, чтобы докричаться, чтобы тебя услышали. Слава богу, у меня голос громкий, – издала я короткий смешок.

– Сейчас попытаемся поймать такси и напрямик к себе в отель...

Но я уже не слушала Мариам. Мое внимание привлек молодой мужчина, одиноко сидящий за столиком на тротуаре с рюмкой коньяка в руке.

– О, боже! Не может быть! Это же... – прошептала я.

– Кто?

– Вон тот мужчина. Я его хорошо знаю. Он работает у нас дома в Атлантисе.

Я подошла к столику и буквально зависла над ним, чтобы он наконец заметил мое присутствие.

– Кристиан.

Он уставился на меня в полнейшем недоумении, растерянно моргая глазами.

– *Pardon, mademoiselle*, мы с вами знакомы? – обратился он ко мне на французском.

Я склонилась еще ниже и прошептала ему на ухо:

– Конечно, знакомы! Ты, идиот! Это же я, Электра!

– *Mon Dieu!* Конечно же, это ты, Электра! Мой...

– Тише! Не видишь разве, я замаскировалась!

– Прямо скажем, отлично замаскировалась. Но сейчас-то я точно вижу, что ты – это ты.

В этот момент я обратила внимание на то, что Мариам нерешительно мнетя у меня за спиной.

– Мариам, это – Кристиан. Он... он, можно сказать, член нашей семьи. – Я с улыбкой посмотрела на Кристиана. – Мы тебя не потревожим, если сядем за твой столик и тоже закажем себе что-нибудь из выпивки? *Такая неожиданность* – встретить тебя здесь.

– Прошу простить меня, но я, пожалуй, лучше вернусь к себе в гостиницу. В противном случае я рискую уснуть прямо на ногах. Рада была познакомиться с вами, Кристиан. *Bonne soiree*. – Мариам попрощалась коротким кивком головы, а потом повернулась, пошла от нас прочь и вскоре затерялась в толпе гуляющих, заполнивших оживленные улицы Монмартра.

– Так мне можно присоединиться к тебе? – повторила я свой вопрос.

– Конечно, что за разговоры! Присаживайся, пожалуйста. Сейчас я закажу тебе рюмку коньяка.

Кристиан махнул рукой молоденькой официантке, обслуживающей столики на улице перед входом в кафе. Когда-то, еще подростком, я была сильно влюблена в него, что и понятно. Ведь он был единственным мужчиной моложе тридцати, с которым я могла столкнуться, живя в Атлантиде. И вот минуло десять лет, но Кристиан совсем не изменился. И тут до меня дошло, что я ведь даже не знаю, сколько ему лет на самом деле. «*Да и вообще, – подумала я виновато, – а что я о нем знаю?*»

– Итак, рассказывай! Что ты здесь делаешь?

– Я... да так, ничего... Вот навещал одного своего старого приятеля.

– Понятно, – кивнула я, хотя у меня моментально возникло сильное подозрение, что Кристиан лжет. – А знаешь, ведь это именно Ма нашла мне квартирку, кстати, неподалеку отсюда, когда я впервые попала в Париж. Когда-то я работала официанткой в этом кафе. Сколько воды утекло с тех пор.

– Ты права, Электра. Почти десять лет прошло. А вот и твой коньяк. *Santé!*

– *Santé!* – Мы чокнулись, и оба сделали по большому глотку.

– А могу я поинтересоваться, с чего это ты вдруг решила обрядиться в хиджаб, чтобы прогуляться по Монмартру?

– Это все Мариам придумала. Она работает у меня пресс-секретарем. Я пожаловалась ей, что не могу никуда выйти, потому что меня тотчас же узнают. Вот она и устроила мне маскарад, чтобы мы могли спокойно поужинать вместе.

– И тебе понравилось в чужом облике?

– Если честно, то не уверена. Но, в любом случае, сама затея неплохая. Вот мы сейчас сидим с тобой, спокойно разговариваем, и нам никто не мешает. А появись я здесь без маскировки, это было бы практически невозможно. С другой стороны, немного напрягает, что тебя никто в упор не видит.

– Да, наверное, тебя это должно раздражать, – согласился со мной Кристиан и снова отхлебнул из своей рюмки. – Ну, как поживаешь, Электра? Как дела?

– Все нормально. – Я слегка пожала плечами. – А как там Ма? Клавдия?

– О, у них тоже все хорошо. Пока на здоровье никто из них не жалуется.

– А я вот часто думаю о них. Чем они сейчас, бедняжки, заполняют свои дни, оставшись одни в пустом доме. Папы больше нет, мы все разъехались кто куда.

– О, вот за это переживать как раз-то не стоит, Электра. Работы у них хватает, более чем.
– А у тебя?

– Ну, ты же знаешь, в имении всегда найдется работа и для меня. К тому же редкий месяц обходится без того, чтобы к нам не нагрянул кто-то из вас, сестер. Вот и сейчас в Атлантисе гостит Алли со своим очаровательным сынишкой Бэром.

– Представляю, Ма, наверное, на седьмом небе от счастья.

– Думаю, ты права. – Кристиан одарил меня одной из своих редких улыбок. – Ведь он же первый представитель следующего поколения Деплеси. А Марина снова почувствовала себя нужной. Так приятно видеть ее счастливой.

– А как Бэр? Мой племянник, – добавила я, сама удивившись этому не привычному пока для меня слову.

– Само совершенство! Впрочем, как все новорожденные малыши.

– Плачет? Хоть иногда? – многозначительно поинтересовалась я.

Собственно, Кристиан был тем человеком, который обслуживал меня и сестер. В таком качестве я его и воспринимала всегда. Но сегодня он предстал передо мной в каком-то новом облике, и эта перемена в нем меня почему-то немного нервировала.

– Бывает, что и плачет. А как же иначе? Все маленькие детки плачут.

– А помнишь, какие концерты устраивала я, когда была маленькой?

– Когда ты была младенцем, Электра, мне самому было только девять лет.

«Ага! Значит, сейчас Кристиану около тридцати четырех...»

– Но я хорошо помню, я была еще совсем маленькой, а ты уже рулил нашим катером.

– Да, но рядом со мной всегда в такие минуты был твой отец. Он оттачивал мое профессиональное мастерство, учил всем премудростям, чтобы сделать из меня заправского шкипера, который может работать самостоятельно.

– О, боже! – воскликнула я, поднеся руку ко рту, когда вспомнила один давний эпизод. – А помнишь тот случай, когда я сбежала из школы лет в тринадцать и вернулась в Атлантис? А папа тогда проявил строгость и велел отправляться обратно, сказал, что дает мне еще один шанс начать все сначала. А я категорически не хотела возвращаться в эту школу и тогда сиганула через борт прямо посреди Женевского озера, решив вплавь добраться до берега.

Кристиан ласково глянул на меня своими карими глазами. Значит, помнит!

– Как я могу забыть такое! Ты же тогда едва не утонула. Бросилась в воду, даже не подумав снять с себя пальто, и сразу же ушла под воду. Какое-то время я даже не мог обнаружить, где ты... – Кристиан сокрушенно покачал головой. – Это было ужасно! Одно из самых страшных мгновений в моей жизни. Если бы я тогда тебя не нашел...

– Понимаю! Папа бы с ума сошел от горя, – согласилась я несколько легкомысленным тоном, попытавшись как-то разрядить обстановку. Потому что у Кристиана было такое выражение лица, будто он вот-вот разрыдается.

– Я бы себе этого никогда не простил, Электра.

– Что ж, зато эта моя выходка сработала, хоть и частично. В течение нескольких следующих дней папа не настаивал на моем возвращении в школу.

– Это так.

– Как долго собираешься еще пробыть в Париже?

– Завтра уезжаю. А ты?

– Улетаю в воскресенье вечером. Вообще-то мне нужно было улетать уже сегодня после обеда, но тут у меня нарисовалась одна встреча, – коротко пояснила я, не вдаваясь в подробности.

– Так поехали со мной в Атлантис, познакомишься со своим племянником. Я ведь приехал сюда на машине, так что свободное место есть. Представляю, как все обрадуются твоему приезду.

– Думаешь? – Я с сомнением покачала головой. – Что-то верится с трудом.

– Не говори ерунды, Электра! Марина с Клавдией только о тебе и говорят. Они ведь даже специальный альбом завели, куда вклеивают все твои снимки и публикации о твоих фотосессиях.

– Правда? Круто! Может быть, как-нибудь и заскочу. В другой раз...

– Если передумаешь, то у тебя есть номер моего телефона, верно?

– Конечно, есть! – улыбнулась я в ответ. – Я его наизусть помню. Можно сказать, он навеки запечатлелся в моей памяти. Как только у меня в школе случалось что-нибудь плохое, я знала, ты сию же минуту придешь на помощь и выручишь меня.

– Пожалуй, мне пора к себе. Завтра у меня ранний подъем. – Кристиан жестом подозвал к себе официантку, чтобы рассчитаться за выпивку.

– А где ты остановился? – спросила я у него.

– Представь себе, в том же самом доме, в котором ты когда-то жила. Ведь его владелицей является приятельница Марины.

– Даже так? А я и не знала. – Что-то смутное всплыло в моей памяти о прежней парижской домовладелице – древняя старуха с явными следами злоупотребления абсентом и сигаретами.

– В любом случае, – сказал Кристиан, поднимаясь со своего места, – если передумаешь, дай мне знать. Я выезжаю ровно в семь. А сейчас позволь, я поймаю тебе такси.

Мы направились к проезжей части. Хорошо хоть Кристиан такого же роста, что и я, мелькнуло у меня. И фигура у него что надо! Вон какой мощный торс просматривается под белоснежной рубашкой. Пока он ловил мне такси, я вдруг с удивлением подумала, что сейчас испытываю те же самые чувства, что и в те далекие времена, когда он отвозил меня в школу: глядя вслед его отъезжающей машине, мне тогда хотелось лишь одного – запрыгнуть назад в машину и быть рядом с ним.

– А ты где остановилась, Электра?

– В «Ритце», – ответила я, усаживаясь на заднее сиденье такси.

– Рад был встрече с тобой. Береги себя, ладно?

– Обещаю, буду беречь! – выкрикнула я в окошко, когда машина рванула с места.

Когда где-то через полчаса я с наслаждением нырнула в постель, до меня внезапно дошло, что за всю вторую половину дня, которую я провела в обществе Мариам, меня ни разу не потянуло на кокс. И от этой мысли мне стало особенно хорошо.

* * *

К своему величайшему раздражению, на следующее утро я проснулась ровно в пять. Попыталась уснуть, приняв таблетку снотворного. Безрезультатно! Мой мозг отказывался погружаться в сон. Я лежала в постели, представляя, какими скучными и пустыми будут для меня предстоящие выходные в Париже: быстро перебрала в памяти телефоны всех друзей-приятелей, чьи номера были забиты в моем мобильнике. Может, найдется хоть кто-то, кто поможет мне скрасить одиночество? И вдруг поняла, что мне не хочется видеть никого из них. Совсем не горю желанием делать над собой усилие, чтобы предстать перед всеми этими людьми в образе Электры-супермодели. Кажется, мне все же нужна передышка, пусть и самая короткая.

«Вот только не хочется коротать это временное бездействие в одиночестве...» Я бросила взгляд на часы, стоявшие на прикроватной тумбочке. Казалось, время остановилось: светящиеся циферки сообщили мне, что еще даже нет шести утра.

И тут я подумала, а что, если рвануть в Атлантис? Увижусь с Ма, с Клавдией, пошатаюсь по дому, погуляю по парку в старых спортивных брюках, которые я специально храню для

таких прогулок в нижнем ящике комода в своей спальне. И мне не надо будет ни перед кем притворяться, что-то изображать из себя. Дома меня примут такой, какая я есть...

Я тут же набрала номер Кристиана, пока не передумала.

– Доброе утро, Электра, – услышала я его голос.

– Привет, Кристиан. Знаешь, я тут подумала и решила, поеду-ка я вместе с тобой в Атлантис.

– Замечательно! Вот Марина с Клавдией обрадуются. Тогда где-то через час я подхвачу тебя возле отеля «Ритц». Договорились?

– Отлично! Спасибо.

Потом я отбила эсэмэску Мариам.

«Вы уже проснулись?»

«Да. Нужна моя помощь?»

«Пожалуйста, перезвоните мне».

Вскоре раздался ее звонок. Я объяснила Мариам, что хотела бы вернуться в Штаты не из Парижа, а из Женевы.

– Не вижу никаких проблем, Электра. Мне забронировать вам номер в тамошнем отеле?

– Нет. Я еду к себе домой. Хочу провести немного времени в семье.

– Прекрасная мысль! – ответила она с необыкновенной теплотой в голосе: я поняла, что она в этот момент улыбается. – Я свяжусь с вами, как только урегулирую все вопросы.

– А что вы сами, Мариам? – Внезапно до меня дошло, что я бросаю ее одну в этом большом городе. – Вам будет комфортно в Париже одной? Если хотите, можете лететь домой прямо сегодня, воспользуйтесь для этого моей кредитной картой. Я разрешаю.

– Спасибо, не надо, Электра. Я с удовольствием проведу выходные в Париже. Вот сегодня планирую навестить Бардина во второй половине дня, если у вас нет никаких поручений ко мне на это же время. А завтра отправлюсь в Женеву и уже вечером встретимся с вами прямо в аэропорту.

Я на скорую руку соорудила кокаиновую полоску из того пакетика, что мне оставил Максим, потом побросала свои вещи в чемодан и рюкзак и уже после того, как собралась в дорогу, заказала себе в номер легкий перекус: французскую сдобу и фрукты в надежде на то, что избыток углеводов поднимет мой тонус и мне немного полегчает. После завтрака вызвала коридорного, чтобы он отнес мои вещи вниз. Нацепила на нос огромные солнцезащитные очки (помню, Сиси однажды сказала, что в этих очках я похожа на навозную муху) и проследовала за своим багажом на выход, где меня в комфортабельном салоне «мерседеса» уже поджидал Кристиан. При виде меня он вышел из машины, поздоровался и открыл заднюю дверцу, но я отрицательно покачала головой.

– Я поеду на переднем сиденье, если не возражаешь.

– Конечно, не возражаю! Усаживайся! – Он открыл мне переднюю дверцу.

Пока я возилась, усаживаясь поудобнее на переднем сиденье рядом с водителем, я в полной мере вдохнула в себя знакомые с детства запахи: запах кожаной обивки, аромат освежителя воздуха и едва уловимый запах лимона – так всегда пахло от папы. Я с раннего детства привыкла разъезжать в наших семейных авто, и в них всегда пахло именно так, как сегодня в этом новеньком «мерседесе». Все осталось прежним, хотя папы больше нет. Но вот запах... он для меня словно само олицетворение родного дома и надежного тыла. Если бы я могла закупорить этот аромат в бутылку, я бы обязательно так и сделала.

– Ну, как тебе, Электра? Удобно? – поинтересовался у меня Кристиан, включая мотор.

– Все хорошо, спасибо.

– Мы проведем в дороге где-то около пяти часов, – сказал он, плавно отъехав от парадного крыльца отеля «Ритц».

– Ты уже сообщил Ма, что я приеду?

– Да. Она сразу же поинтересовалась, есть ли у тебя какие-то специальные требования по диете.

– Я...

Тут до меня дошло, что когда я была в Атлантисе в последний раз, то пила за завтраком преимущественно зеленый чай. Я ведь тогда еще встречалась с Митчем, а потому самозабвенно занималась очищением своего организма. Митч, он ведь был весь такой чистенький, скрипучий до блеска, никакой наркоты... Но я на всякий случай все же прихватила с собой бутылку водки: а вдруг сорвусь и не совладаю с собой? Собственно, так оно и случилось, что вполне понятно, учитывая все тогдашние обстоятельства – впервые Атлантис предстал перед нами без папы. А тут еще и поминки без похорон.

– Как ты, Электра? Все хорошо?

– Все отлично. Спасибо. Кристиан!

– Что?

– Ты папу возил много куда?

– Не так уж и много. Главным образом, в аэропорт в Женеве, где у него всегда стоял наготове личный самолет.

– И ты знал, куда он собирался лететь?

– Иногда был в курсе.

– И куда же?

– О, в самые разные места, разбросанные по всему земному шару.

– А ты знал, чем он конкретно занимался?

– Нет, Электра. Он ведь был очень закрытым человеком.

– Что правда, то правда, – невольно вздохнула я. – А тебе не кажется странным, что никто из нас не знает о том, чем занимался наш отец? Помню, в детстве другие девочки рассказывали, что у них отец владелец какого-то магазина, или юрист, или кто-то еще, и только я не могла ничего сказать, потому что понятия не имела, что за профессия у моего папы.

Кристиан молчал, всецело сосредоточившись на дороге. *«И все же наверняка он знает больше, чем говорит»*, – подумала я. Личный шофер отца плюс шкипер на его катере.

– Знаешь что?

– Что, Электра? – широко улыбнулся Кристиан. – Скажи – и буду знать.

– Помню, когда у меня в школе случались неприятности, а они случались регулярно, ты всегда приезжал за мной на машине и забирал домой, и тогда мне казалось, что ты и твоя машина – это самое безопасное место на земле. Так вот, я и сегодня так думаю.

– А что это такое – безопасное место?

– Своего рода психотерапия, воспоминания, которые делают тебя счастливой. Вот я, к примеру, часто вспоминаю, представляю себе, как ты приезжаешь за мной и увозишь меня куда-нибудь далеко-далеко.

– Тогда я весьма польщен. – Кристиан одарил меня еще одной широкой и абсолютно искренней улыбкой.

– А как ты попал к отцу на работу? – не успокоилась я со своими расспросами.

– Твой отец знал меня, можно сказать, с детства. Я ведь жил... почти рядом, и он помогал мне. И моей матери тоже... Много помогал.

– Ты хочешь сказать, что он для тебя что-то вроде отца?

– Пожалуй, – ответил Кристиан после короткой паузы. – Так оно и есть.

– Так, может, ты и есть та наша таинственная седьмая сестра, которая так и не появилась в Атлантисе? – рассмеялась я.

– Твой отец был очень добрым человеком. Его уход – это огромная утрата для всех нас.

«Был ли Па Солт добрым, или же он просто все и всегда держал под контролем? А может, и то и другое?» – задумалась я. Между тем мы уже миновали окраины Парижа и выехали на широкую автостраду, ведущую в Женеву. Я откинула спинку сиденья и закрыла глаза.

3

– Электра, мы уже на пристани, – услышала я негромкий голос прямо у себя над ухом.

Проснулась и заморгала глазами, щурясь от яркого света, лишь через пару секунд поняв, что это солнечные блики, скользящие по водной глади Женевского озера.

– Ничего себе! Продрыхла целых четыре часа! – изумленно воскликнула я, выбираясь из машины. – Говорю же тебе, ты и есть мое самое безопасное место на свете, – улыбнулась я Кристиану, хлопотавшему возле багажника. – Я возьму с собой только рюкзачок. Остальные вещи пусть лежат в машине до завтрашнего вечера.

Кристиан запер машину и повел меня по понтону к тому месту, где был пришвартован наш катер. Подал мне руку, помогая забраться на борт, и быстро занялся своими делами, готовя катер к отплытию. Я устроилась на корме, на мягком кожаном диване. Подумала, что всякий раз, возвращаясь в Атлантис, я невольно волнуюсь в предвкушении встречи с родным домом. Впрочем, когда я уезжаю из Атлантиса, то всегда испытываю на обратном пути нечто, отдаленно похожее на чувство облегчения.

«Но, может, в этот раз все будет по-другому», – мысленно сказала я себе и тут же вздохнула. *Потому что всякий раз я повторяю себе это же самое напутствие.*

Кристиан включил двигатель, и мы отправились в короткое путешествие к дому моего детства. День был теплым и солнечным, хотя на дворе еще только конец марта. Мне было приятно ощущать солнечные лучи на своем лице, мои волосы, подхваченные легким бризом, рассыпались по спине.

Как только мы приблизились к полуострову, на котором стоял Атлантис, я тут же стала выгибать шею, чтобы уже издалека рассмотреть наш дом, окруженный со всех сторон деревьями. Красивый дом, ничего не скажешь. Самый настоящий замок из какой-нибудь диснеевской сказки. *«И совершенно не похож на отца»*, – тут же подметила я про себя. Он ведь был аскетом во всем, достаточно вспомнить его более чем скромный гардероб. Насколько я помню, всю свою жизнь он проходил в трех пиджаках: льняной – на лето, пиджак из твида – на зиму и еще один из какого-то непонятного сукна – на межсезонье. Обстановка в его спальне была такой скудной, что комната больше смахивала на жилище священника. Иногда я думала, может, отец искупает таким образом свою вину за какое-то давнее преступление, совершенное им много лет тому назад... Кто знает, кто знает... Мы уже приблизились вплотную к пристани рядом с Атлантисом, а я все еще продолжала размышлять над теми парадоксами, которыми полнилась обыденная жизнь Па Солта. Во всяком случае, обстановка его спальни и его гардероб находились в явном противоречии со всем остальным, что было в нашем доме.

Ма уже поджидала нас, стоя на берегу, и экзальтированно махала мне рукой. Как всегда, в безупречном наряде. Я отметила про себя, что на ней юбка из буклированной ткани от «Шанель»; эту модель я высмотрела на стойке для образцов в ходе одного из модных показов, зная заранее, что Ма понравится юбка.

– Электра! *Cherie!* Какой приятный сюрприз! – воскликнула Ма, приподнимаясь на цыпочках, в то время как я наклонилась к ней, чтобы она могла расцеловать меня в обе щеки и обнять за плечи. Потом Ма отступила на шаг назад и окинула меня взглядом. – Хороша, как всегда! Правда, мне кажется, ты сильно похудела. Но ничего! У Клавдии уже все готово для того, чтобы приступить к выпечке твоих любимых блинчиков с голубикой, если ты, конечно,

не откажешься от своего любимого лакомства. А ты знаешь, что у нас сейчас гостит Алли со своим маленьким?

– Да, Кристиан рассказал мне. Не могу дождаться встречи со своим племянником, – отозвалась я, вышагивая вслед за Ма по дорожке, ведущей через сад прямо к дому. Сад окружает дом со всех сторон и сбегает вниз к самой кромке озера. Запахи молодой травы и распускающихся бутонов на деревьях и кустах наполняли воздух необыкновенной свежестью. Это тебе не Нью-Йорк с его вечным смрадом. Я с наслаждением набрала полные легкие чистого и ароматного воздуха.

– Ступай прямо на кухню, – скомандовала Ма, едва мы переступили порог дома. – Клавдия готовит для всех поздний завтрак.

Я заметила, что Кристиан, замыкающий нашу процессию, несет мой рюкзак. Вот он опустил его на ступеньки лестницы, и я подошла поближе.

– Спасибо тебе, Кристиан, что привез меня сюда. Я очень рада снова очутиться дома.

– И мы все рады видеть тебя здесь, Электра. Во сколько мы завтра отправляемся в аэропорт?

– Около десяти вечера. Мой пресс-секретарь зарезервировала самолет на полночь.

– Хорошо. Если что изменится, скажи Марине, а она уже сообщит мне.

– Обязательно! Приятных выходных.

– И тебе тоже.

Он попрощался со мной кивком головы и исчез за парадной дверью.

– Электра!

Я повернулась и увидела Алли, спешащую из кухни мне навстречу с широко распахнутыми руками.

– Привет, молодая мамаша! – воскликнула я, падая в ее объятия. – Прими мои самые сердечные поздравления!

– Спасибо! Я еще и сама до сих пор не могу поверить, что стала матерью.

Я окинула сестру коротким взглядом и не без зависти отметила, что выглядит она просто потрясающе. Ее обычно худощавое лицо заметно округлилось во время беременности, а божественные, рыжие с золотым отливом волосы сияли, словно ореол, вокруг безупречно гладкой фарфоровой кожи.

– Отлично выглядишь, – похвалила я вслух.

– Не совсем. Поправилась на целых восемь кило, и эти противные килограммы никак не хотят уходить. И это притом что я сплю по ночам не более двух часов. Ведь рядом со мной вечно голодный мужчина, – рассмеялась она в ответ.

– А где он сейчас, этот твой голодный мужчина?

– Отсыпается после бессонной ночи. Где ж ему еще быть? – воскликнула Алли с шутиливой досадой, картинно выгнув бровь, а я подумала, что еще никогда не видела свою сестру такой счастливой. – И слава богу! Хоть даст нам возможность немного поговорить, – добавила она, пока мы шли на кухню. – Знаешь, я тут прикинула... Получается, что мы с тобой не виделись с июня прошлого года, с тех самых пор, как мы все собрались по случаю смерти папы.

– Да, у меня было очень много работы.

– Я стараюсь следить за тем, что ты делаешь, как живешь, по газетам, публикациям в журналах, но это же, как ты понимаешь...

– Добрый день, Электра, – поздоровалась со мной Клавдия на французском с сильным немецким акцентом. – Как дела? – Она уже приступила к выпечке блинов: как раз наливала очередную порцию теста на сковороду, я услышала соблазнительный шипящий звук.

– Да вроде все нормально, спасибо.

– Проходи, присаживайся. – Алли жестом показала на стул возле длинного кухонного стола. – И расскажи мне наконец, как жила все эти месяцы, что мы с тобой не виделись.

– Обязательно расскажу, но можно я вначале поднимусь к себе и немного освежусь с дороги? – Я поспешно выскочила из кухни, чувствуя, что меня охватывает паника. Я прекрасно знала манеру Алли вести допрос, что называется, с пристрастием. Не уверена, что вполне готова к подобному испытанию.

Я схватила рюкзачок и быстро вскарабкалась по лестнице к себе, на самый последний этаж, где располагались просторные комнаты всех девочек. Открыла дверь в свою комнату: все в ней осталось точно таким же, как и тогда, когда я шестнадцатилетней девочкой уехала из Атлантиды в Париж. Я глянула на стены, покрашенные в мягкий кремовый цвет, он тоже оставался неизменным все те годы, что я прожила в Атлантиде, потом уселась на постель. Если сравнить мою комнату с комнатами сестер, в которых хоть как-то отражались их индивидуальности, пристрастия и вкусы, то моя комната выглядела пустой и безликой. Ни малейшего намека на то, что за девочка обитала в этих стенах первые шестнадцать лет своей жизни. Никаких плакатов с изображением фотомоделей, фотографий поп-звезд или знаменитых танцоров... Ничего, что могло свидетельствовать о том, какой я тогда была.

Я порылась в рюкзачке, извлекла оттуда бутылку водки, которую предусмотрительно завернула в свои кашемировые спортивные штаны, и отхлебнула большой глоток прямо из бутылки. Кажется, моя комната, подумала я с тоской, это полное отражение меня самой: я точно такая же пустая, выпотрошенная и никому не нужная, как шелуха или скорлупа от ореха. Мне никогда ничего не нравилось, ни к чему не тянуло, у меня никогда не было каких-то серьезных увлечений, не говоря уже о всяких там хобби. *«И вот результат, – вздохнула я, ставя бутылку назад в кашемировое гнездышко, после чего потянулась к переднему кармашку на рюкзаке, куда засунула маленький пакетик с коксом, достала его и стала сооружать себе кокаиновую дорожку. – Да, такой вот результат: я ничего не знаю о том, какой я была тогда, и ничего не знаю о том, какая я сейчас».*

* * *

К тому моменту, когда я спустилась наконец вниз, водка меня заметно успокоила, а кокс даже поднял настроение. Мы все трое – Ма, Алли и я, с удовольствием уплетали за обе щеки знаменитые блины Клавдии, а я между делом отвечала на все их вопросы. Подробно рассказывала, на каких гламурных вечеринках и приемах мне пришлось побывать в последние месяцы, о тех селебрити, с которыми я знакома и постоянно общаюсь, и даже доверительно сообщила несколько сугубо частных сплетен и слухов о сильных мира сего.

– А как твои отношения с Митчем? Я читала в газетах, что вы с ним расстались. Это правда?

Этого вопроса я ждала: наша Алли всегда отличалась прямолинейностью и, в случае чего, сразу же брала быка за рога.

– Да, пару месяцев тому назад мы с ним действительно разбежались в разные стороны.

– А что случилось?

– Ну, ты же понимаешь, – равнодушно пожала я плечами, сделав глоток крепчайшего кофе. *«Вот если бы его еще сдобрить хорошей порцией бурбона»*, – мелькнуло у меня. – Он квартирует в Лос-Анджелесе, я живу в Нью-Йорке, и мы оба постоянно в разъездах...

– То есть, он так и не стал для тебя тем «единственным», да? – с упрямством дятла долбила свое Алли.

Внезапно откуда-то из глубин кухни послышался визгливый крик. Я оглянулась, чтобы понять, откуда этот крик.

– Ну вот! Сработал датчик, специальный монитор для грудных младенцев, – со вздохом пояснила мне Алли. – Бэр проснулся.

– Я пойду к нему, – тут же подхватила со своего стула Ма. Но Алли уже тоже поднялась на ноги и ласково усадила Ма на ее прежнее место.

– Моя дорогая Ма! Ты уже отстояла свою вахту с пяти утра. Или забыла? Теперь моя очередь.

Я еще не успела взглянуть на своего племянника, но этот малыш мне определенно нравился. Ведь он проснулся как нельзя более кстати, можно сказать, выхватил меня из цепких объятий Великого инквизитора.

– А как тебе твоя новая квартира? – переменяла Ма тему разговора. Воистину, если бы понятие такта можно было сделать осязаемым, то оно наверняка приняло бы облик моей приемной мамочки.

– О, с ней все в порядке. Хорошая квартира. Но у меня договор об аренде всего лишь на год. Так что, по-любому, вскоре мне придется подыскивать себе новое жилье.

– Ну, с твоими постоянными разъездами по всему свету ты не так уж и часто задерживаешься дома, верно?

– Верно. Я действительно редко засиживаюсь в своих апартаментах, но нужно же мне какое-то постоянное место проживания... Хотя бы для того, чтобы разместить свой гардероб. Ой, ты только взгляни, кто это там у нас!

Алли приблизилась к столу, держа сынишку на руках, который уставился на нас вопросительным взглядом своих огромных карих глаз. Темно-рыжие волосики на макушке уже начали сворачиваться в тугие кольца завитков.

– Это наш Бэр! – с гордостью объявила нам мамаша, глаза у нее сияли от счастья. «А почему бы ей и не гордиться», – подумала я. Да для меня любая женщина, взявшая на себя смелость произвести на свет дитя, уже героиня по определению.

– Боже мой! Да он... бесподобен! Так бы и съела его целиком! Сколько ему? – спросила я у Алли, которая уселась на стул, пристроив сынишку у себя на коленях.

– Нам уже семь недель.

– Вау! А смотрится настоящим гигантом!

– Потому что на аппетит мы не жалуемся и всегда готовы поесть, – улыбнулась в ответ Алли, расстегивая блузку и прилаживая малыша к груди. Бэр тут же стал шумно сосать, а я слегка поморщилась, словно от боли.

– Тебе не больно, когда ты его кормишь?

– Поначалу было немного больно, но теперь мы как-то приспособились, правда, милый? – Она глянула на сынишку влюбленным взглядом. Наверное, и я когда-то смотрела с такой же любовью на Митча.

– Хорошо, девочки, оставляю вас наедине друг с другом. Поболтайте в свое удовольствие, – сказала Клавдия, прибираясь со стола, после чего покинула кухню вслед за Ма.

– Мне очень жаль, Алли, что Бэр так и не увидел своего отца. Прими мои соболезнования, хоть и запоздалые.

– Спасибо, Электра.

– Он... то есть его отец...

– Его звали Тео.

– Тео знал о том, что ты ждешь Бэра?

– Нет. Да я и сама не знала. Узнала о своей беременности лишь спустя несколько недель после гибели Тео. Тогда мне казалось, что мир вокруг меня рухнул, но сейчас...

Алли посмотрела на меня с улыбкой, глаза ее сияли от счастья.

– Не знаю, что бы я без него делала!

– А ты думала в свое время...

– Чтобы сделать аборт? Да, не скрою, такая мысль у меня мелькала. Ведь на тот момент я была спортсменкой, яхтсменом, у меня была своя карьера, довольно удачная, которая сложи-

лась еще до того, как погиб отец Бэра... К тому же тогда у меня даже не было собственного дома. И все же я никогда бы не пошла на то, чтобы избавиться от ребенка. Ведь Бэр – это для меня самый настоящий подарок судьбы. И знаешь, порой, особенно на рассвете, когда я кормлю Бэра, я ощущаю присутствие Тео рядом со мной.

– Ты хочешь сказать, его дух?

– Да, именно так.

– Вот уж никогда бы не подумала, что ты веришь во всю эту галиматью, – сказала я, слегка нахмурившись.

– Да я бы и сама так не подумала еще какой-то год тому назад. Но знаешь, какая удивительная история произошла со мной в ночь накануне рождения Бэра?

– Что за история?

– Я отправилась в Испанию на поиски Тигги. У нее началась серьезная болезнь сердца, а она бросила все, удрала из больницы и отправилась на поиски своей родной семьи. И вот тогда она сказала мне, Электра, одну вещь. Что-то такое, о чем знал только Тео.

Я увидела, как Алли прикоснулась своей худенькой рукой к кулону, который висел на цепочке у нее на шее.

– И что же такого она тебе сказала?

– Это мне купил Тео. – Алли слегка приподняла крохотный глазок из бирюзы. – Но незадолго до моего приезда в Испанию цепочка сломалась, и я перестала носить кулон. Так вот, Тигги сказала мне, что Тео интересуется, почему я больше не ношу его подарок. А потом добавила, что ему очень нравится имя Бэр. Ты не поверишь, Электра! Но ему действительно очень нравилось это мужское имя.

Глаза Алли заблестели от слез.

– Вот так произошло мое, можно сказать, перерождение. Из стойкого циника я обратилась почти что в верующего человека. В любом случае, я точно знаю, что Тео смотрит на нас. Знаю – и все тут! – Она слегка повела плечами и одарила меня загадочной улыбкой.

– Хотела бы и я все сердцем поверить во что-то такое, во что я не верю. Но беда в том, что я вообще ни во что не верю. А кстати, как сейчас у Тигги с сердцем?

– Гораздо лучше, судя по всему. Она снова вернулась в свое любимое Шотландское высокогорье и счастливо там уединилась с врачом, который ее наблюдал во время болезни. Так получилось, что он не только доктор, но еще и владелец имения, того самого, в котором работает Тигги.

– О, то есть скоро мы услышим перезвон свадебных колоколов, да?

– Вряд ли скоро. Чарли все еще женат на другой женщине. Ему, по словам Тигги, предстоит тяжелый и во всех отношениях безобразный бракоразводный процесс.

– А как обстоят дела у остальных наших сестер?

– Майя в Бразилии со своим любимым Флориано и его маленькой дочерью. Стар обитает в графстве Кент в Англии со своим возлюбленным с весьма необычной кличкой Мышь. Занимаются ремонтом его семейного дома. Сиси сейчас в Австралии, живет вместе со своим дедушкой и подругой Крисси в каком-то городке посреди пустыни. Покоряет австралийский аутбэк, так сказать. Я видела несколько фотографий картин, которые она нарисовала, живя там. Потрясающие работы! Она необыкновенно талантливый художник.

– Получается, что все мои сестры уже успели начать новую жизнь, так?

– Да, так оно и есть.

– И помогло им в этом то, что все они отправились на поиски своего прошлого?

– Именно! Сужу по себе самой. По-моему, я писала тебе, что у меня есть брат-близнец. Писала?

– Хм... Не припоминаю...

– Да писала же! Я точно помню, Электра. А еще отыскался и мой родной отец, самый настоящий музыкальный гений, но при этом законченный пьяница! – Я увидела, как добродушная улыбка тронула губы Алли, стоило ей только заговорить об этом человеке. Она натренированным движением отняла малыша от одной груди и приложила его к другой.

– Ну, а ты сама? Как ты распорядилась той информацией, которую оставил тебе папа в своем прощальном письме? – поинтересовалась у меня Алли.

– Если честно, то я так и не удосужилась прочитать его. Даже не знаю, куда оно запропало. Скорее всего, уже потерялось.

– Ах, Электра! – Алли бросила на меня самый строгий из своих взглядов. В ее глазах читалось явное осуждение. – Неужели ты это серьезно?

– Да шучу я, шучу! Наверняка где-то валяется. Просто у меня руки еще до него не дошли.

– То есть тебе совсем не интересно, кто ты и откуда?

– Нет. Не вижу особого смысла копаться в прошлом. Какая разница, откуда я? Главное – это кто я сейчас.

– А вот мне папино письмо очень помогло. Ну хорошо! Допустим, ты не хочешь заниматься поисками собственного прошлого, используя те подсказки, которые оставил тебе в своем письме отец, но, в конце концов, это же его прощальное письмо. Можно сказать, его последний дар каждой из нас.

– Святой боже! Как же мне все это надоело! – взорвалась я. – Ты и все мои остальные сестры, вы всегда относились к отцу как к некому высшему божеству. Я бы даже сказала, как к такому чудакowатому божеству. А на самом деле он – просто тот человек, который удочерил нас, по одному ему известным причинам, выбрал именно нас. А что это за такие таинственные причины, никто из нас ничего не знает!

– Пожалуйста, Электра, не кричи так! Малыш может испугаться. Прости, если я...

– Все! Я отправляюсь на прогулку!

Я подхватила из-за стола и направилась напрямик к парадной двери, распахнула ее настежь и с громким стуком закрыла за собой. И пошла, не разбирая дороги, к пристани. Как это всегда бывает по приезде в Атлантиc, уже после нескольких часов, проведенных здесь, я начинаю жалеть, что приехала, и даю себе зарок впредь в Атлантиc больше ни ногой.

– И с чего мои сестры носятся с этим Па Солтом? Ведь он нам даже не родной отец! Столько суеты, зачем?

Продолжая жаловаться самой себе на весь белый свет, я уселась на край помоста, свесив ноги к воде, и постаралась сделать несколько глубоких вдохов. Но дыхательная гимнастика не помогла. Вот если бы соорудить еще одну дорожку из кокса... Я поднялась с досок и заторопилась обратно в дом, на цыпочках пересекла холл и так же тихонько поднялась по лестнице к себе, чтобы – не дай бог! – никто не услышал. Войдя в свою комнату, тут же заперла дверь на ключ и приняла столь необходимое мне зелье.

И буквально через пару минут мне заметно полегчало. Я откинулась на подушки и стала мысленно воспроизводить портреты всех моих сестер по очереди. Странно, но почему-то сегодня они рисовались в моем воображении исключительно как принцессы из диснеевского фильма. Даже забавно... Надо сказать, ничего в этом их сказочном облике меня не раздражало. Напротив! Я люблю и всегда любила всех своих сестер. За исключением Сиси, конечно. (Вот и сейчас она промелькнула в моем сознании в облике злой ведьмы из «Белоснежки».) Я невольно хихикнула, но подумала, что все же это чересчур жестоко, даже для Сиси. Да, я знаю, родных не выбирают, так все говорят. Выбирать можно только друзей. Но вот папа все же по какой-то только ему одному известной причине *выбрал нас*, выбрал и объединил в единое целое под названием «семья». Может, наши отношения с Сиси разладились потому, что она, как говорится, не моей масти человек, в отличие от остальных сестер. Да и кричать она умеет

еще погромче моего. Другие девочки будут стараться изо всех сил, чтобы в доме царили мир и покой, а ей на все наплевать. Как и мне... Так что в чем-то мы с ней схожи.

Четыре старшие сестры, пожалуй, никогда не задумывались над тем, что все они существуют как бы парами: Алли и Майя, Стар и Сиси. Ну а мне досталась Тигги. Росли мы с ней вместе, ведь разница в возрасте между нами всего лишь в несколько месяцев. И все же, несмотря на то что я люблю Тигги, трудно представить себе двух более не похожих друг на друга людей. Разных во всем. Когда мы с ней были маленькими, то старшие сестры и не скрывали своих предпочтений: им нравилось возиться и играть с Тигги, а не со мной. Конечно, Тигги ведь не закатывала истерик, постоянно оглашая весь дом своими громкими воплями. Не ребенок, а суший ангелочек: будет смирно сидеть себе на коленях у кого-нибудь из старших и сосать пальчик. Потом мы повзрослели, и я даже предпринимала кое-какие попытки сблизиться с Тигги, чувствуя, как мне одиноко дома, но все эти ее увлечения поисками духовного, они неизменно выводили меня из себя. Порой я готова была на стенку лезть от ее бесконечных разговоров обо всех этих тонких материях.

Но вот воздействие кокса на мое сознание завершилось, и чары рассеялись: сестры перестали быть принцессами и снова стали самими собой. Впрочем, какая теперь разница? Папы больше нет, а мы все случайно оказались в одной связке, потому что когда-то нас еще младенцами собрал воедино отец, но сегодня каждая из сестер уже идет по жизни своим путем, не оглядываясь на остальных. Я сделала еще несколько глубоких вдохов и попыталась заняться тем, что настоятельно советовали мне все мои психотерапевты: проанализировать причины моих внезапных припадков злости. И, кажется, подумала я, у меня даже готов ответ на этот вопрос. Вот Алли только что рассказала мне о том, что все мои сестры обрели свое счастье, нашли тех, кто их любит. Даже Сиси! А я ведь совершенно искренне полагала, что ее, как и меня, невозможно полюбить. И вот тебе пожалуйста! Преодолела же она как-то эту свою более чем странную привязанность к Стар, сбросила с себя чары и двинулась вперед. Разумеется, ее главная страсть – это искусство. Его она всегда обожала.

И вот я... Ни дать ни взять, белая ворона в собственной семье. С момента смерти отца я преуспела лишь в одном: нашла себе более надежного дилера, снабжающего меня наркотой. С точки зрения материальной я, конечно, самая финансово обеспеченная из всех своих сестер. Судя по той информации, которую сообщает мне мой бухгалтер, я уже заработала столько денег, что вполне могу себе позволить перестать работать прямо сегодня, потому что тех денег, что у меня есть, мне наверняка хватит до конца моих дней. Может быть, над этим стоит подумать? Тем более что на данный момент я и понятия не имею, чего бы мне хотелось, чем таким я хотела бы заняться в ближайшем будущем.

В дверь негромко постучали.

– Электра, ты у себя? – услышала я голос Алли.

– Да, проходи.

Дверь отворилась, и на пороге появилась Алли с малышом на руках.

– Прости меня еще раз, если я невольно расстроила тебя, – повинилась она снова, не решаясь переступить порог.

– Ерунда! Проехали! Тем более что дело не в тебе, а во мне самой.

– И все равно прости меня! Такое счастье, что ты приехала. Я ведь так обрадовалась нашей встрече. Можно, я присяду? Он у меня тяжеловес.

– Садись, – ответила я со вздохом. Меньше всего на свете мне хотелось продолжения допроса с пристрастием. Но тут Алли исхитрилась и поймала-таки меня в ловушку. Куда деваться из этих четырех стен?

– Хочу тебе кое-что рассказать, Электра. Об этом мне рассказала Тигги. По ее словам, мы должны довести наши изыскания до конца.

– Да? А что за изыскания?

– Дело в том... когда она была в Атлантисе месяц тому назад, она обнаружила в нашем доме погреб, в который можно спуститься только на секретном лифте.

– Э-э... Ну, и что?

– Она там побывала. Говорит, что на первый взгляд самый обычный погреб, в котором хранятся вина. Но она заметила дверь, спрятанную за одним из стеллажей, на котором лежат бутылки с вином. Может, нам все же стоит узнать, куда именно ведет эта потайная дверь?

– Хорошо! А почему не спросить об этом напрямую у Ма?

– Конечно, можно и так, но Тигги сказала мне, что у нее сложилось впечатление, будто Ма не особенно горит желанием разговаривать на эту тему.

– Что за глупости, Алли! В конце концов, это же *наш дом*, а Ма всего лишь здесь работает! По-моему, мы имеем право задавать ей любые вопросы... И вообще, делать все, что нам заблагорассудится. Ты не находишь?

– Конечно, мы имеем право, да, – вздохнула в ответ Алли. – Но тебе не кажется, что тем самым мы можем проявить неуважение к самой Ма. Она ведь работает в Атлантисе с незапамятных времен. Практически весь дом на плечах ее и Клавдии. Она растила всех нас. И мне не хотелось бы, чтобы она подумала, что мы стали наступать ей на пятки, почувствовав себя полноценными хозяйками, как только все в доме... переменялось.

– Так ты предлагаешь нам глубокой ночью проникнуть в погреб тайком, спуститься на секретном лифте вниз и прямо на месте узнать, куда ведет эта дверь, да? – Я иронично вскинула брови. – Ну прямо как в романе про благородных разбойников, рыцарей плаща и шпаги! А нельзя ли все же попроще? Спросить у Марины, и все дела.

– Престань вредничать, Электра! Нельзя же быть такой колючкой... Говорю же тебе, в *нашем доме* есть и потайной лифт, и погреб, и папа соорудил их с какой-то определенной целью. Как бы ты к нему ни относилась, но одного ты отрицать не станешь: отец был очень практичным человеком. В любом случае, я все равно не сплю по ночам из-за Бэра, а потому собираюсь наведаться туда. Просто думала, ты составишь мне компанию. Тем более Тигги сказала, что там нужно как минимум два человека, чтобы отодвинуть в сторону стеллаж, за которым и находится эта самая дверь. Она также рассказала мне, где лежит ключ. Послушай, ты не поддержишь Бэра пару минут, пока я сбегаю и приму на скорую руку душ? – Алли поднялась с места и положила Бэра мне на колени. Чтобы младенец не сполз вниз, мне пришлось ухватиться за него обеими руками. В отместку он громко срыгнул.

– Отлично! – обрадовалась Алли, уже стоя в дверях. – А я весь последний час пыталась заставить его отрыгнуть лишнее!

Дверь захлопнулась, и мы с Бэром остались одни.

Я глянула на него, а он уставился на меня.

– Привет, – поздоровалась я тихонько. Главное, чтобы младенец не обмочил меня или что еще похуже, прикинула я мысленно. Как-никак, а я впервые держу такого маленького ребенка на руках.

– Ну и о чем задумался, малыш? Наверное, размышляешь над тем, почему я так разительно отличаюсь от твоей мамы, хотя и прихожусь тебе тетешкой? Дело в том, что у тебя был очень таинственный дедушка, хоть ты его и не успел увидеть, – продолжила я свой монолог, видя, что мальчик с интересом вслушивается в мою болтовню. – То есть я хочу сказать, что твой дедушка был замечательным человеком, очень-очень умным, сильным и смелым, но, как мне кажется, у него от нас было много секретов. А ты как думаешь?

Внезапно я почувствовала, как тело малыша расслабилось в моих руках, и к тому времени, как вернулась Алли, Бэр уже крепко спал, плотно смежив свои веки.

– Вот так чудеса! А у тебя есть подход к детям, – улыбнулась мне Алли. – Я его часами укачиваю, пока он соизволит закрыть глазки.

– Наверное, он просто устал, – предположила я, когда Алли осторожно взяла сынишку из моих рук.

– Пойду уложу его в колыбельку и сама немного вздремну, если получится, – прошептала она. – Пока, Электра.

* * *

Незадолго до ужина я приняла изрядную порцию успокоительного в виде водки, а спустившись вниз, добавила еще, позаимствовав спиртное из кладовки. К счастью, разговор за ужином крутился главным образом вокруг выдающихся кулинарных способностей Клавдии (на сей раз она подала нам свои знаменитые шницели, и я съела все до последнего кусочка). Потом мы стали обсуждать наше предстоящее путешествие в Грецию, вояж, который мы собираемся осуществить на папиной яхте и возложить венок в годовщину его ухода из жизни на месте предполагаемого захоронения.

– Я думала, что отправимся в круиз только мы, девчонки, но Майя прилетает в Атлантис неделей раньше вместе с Флориано, не могу дождаться, когда познакомлюсь с ним, и его дочуркой Валентиной, – проинформировала меня Алли. – Стар тоже приедет не одна, а вместе с Мышью и его сыном Рори, а Тигги прилетит со своим бойфрендом Чарли и его дочерью Зарой...

– Вау! – воскликнула я с некоторым сарказмом в голосе. – Получается, что все мои сестрички, и Майя, и Стар, и Тигги, обзавелись статусом приемных матерей.

– Получается, что так, – согласилась со мной Алли.

– А я, будучи для всех вас тоже чем-то вроде приемной матери, ни минуты не сомневаюсь, что все мои девочки будут любить своих приемных детей и заботиться о них с не меньшей любовью, чем родные матери, – безапелляционно заявила Ма.

– А Сиси тоже приедет?

– Пообещала, что приедет. И надеется, что не одна, а вместе с дедушкой и своей подругой Крисси.

– Ты хочешь сказать, со своей «подружкой» Крисси, так?

Ма и Алли уставились на меня ошарашенными взглядами, а я не без раздражения подумала: ну почему так получается, что я единственный человек в семье, кто не боится озвучить правду?

– Иными словами, у них связь, да?

– Не знаю, – ответила мне Алли. – Но голосок у нее счастливый, когда она разговаривала со мной, а это – самое главное.

– Да ведь ясно же, как божий день, безо всяких там подсказок, что наша Сиси – лесби. Отсюда и эта ее ненормальная любовь к Стар.

– Электра, мы не имеем права вмешиваться в чужую личную жизнь, – перебила меня Марина.

– Во-первых, Сиси нам не чужая, разве не так? А во-вторых, в чем, собственно, проблема? Я только рада, что она наконец сумела отыскать человека, который ей не безразличен.

– Да, в доме соберется куча народа, придется воевать за места для ночлега, – заметила Марина.

– Что ж, коль скоро все сестры уже успели обзавестись своими семьями и только я одна осталась не при делах, то в таком случае я могу и отказаться от этого круиза. Уступлю свое место другим.

– Что ты такое говоришь, Электра! Ты обязательно должна поехать вместе с нами! Ведь ты же обещала. – Было видно, что Алли расстроилась не на шутку.

– Уж не придется ли мне в итоге ночевать в том секретном бункере, который Тигги обнаружила у нас в доме в свой последний приезд в Атлантис? – повернулась я лицом к Ма.

Глаза Алли, сидящей за столом напротив меня, стали метать громы и молнии, но я уже приняла достаточно спиртного, чтобы, обращать внимание на подобные пустяки.

– Ах, ты имеешь в виду погреб, – мгновенно отреагировала Ма, обозрев нас с сестрой внимательным взглядом. – Так я же все рассказала Тигги. Там нет никаких секретов. Более того, вот разделаемся со вкуснейшим яблочным штруделем, который Клавдия приготовила нам на десерт, и я прямо сейчас устрою вам экскурсию в наш погреб.

Я метнула ответный взгляд на Алли. Дескать, «ну что я говорила!», но она лишь раздосадованно вскинула брови. Действительно, как только мы покончили с десертом, Ма поднялась из-за стола и достала ключ из шкафчика, висевшего на стене.

– Ну что, готовы?

Обошлось без наших ответов, потому как она поспешила вон из кухни, а нам с Алли уже пришлось догонять ее. В коридоре Ма взялась за какое-то латунное кольцо и оттянула в сторону панель из красного дерева, явив нашему взору миниатюрный по своим размерам лифт.

– А зачем нам в доме лифт? – спросила я.

– Как я уже объясняла Тигги, ваш отец с каждым годом не делался моложе, но хотел по-прежнему иметь доступ во все уголки дома.

Ма открыла дверцу, и мы вдвоем с трудом втиснулись в небольшую кабину. Я сразу же почувствовала приступ клаустрофобии и поспешила сделать несколько глубоких вдохов.

– Ну, с этим все понятно, – пробормотала я, когда кабинка двинулась вниз. – Но зачем нужно было все это прятать?

– Электра, помолчи, ладно? – прикрикнула на меня Алли. Кажется, я окончательно вывела ее из себя. – Уверена, Ма все объяснит сама, без наших расспросов.

Собственно, наш спуск длился не более четырех секунд: я почувствовала легкий толчок и поняла, что мы уже на месте. Дверь в кабинке отворилась, и мы вошли в помещение, похожее на самый обычный погреб, заставленный, как и говорила Алли, со всех четырех сторон стеллажами, на которых хранились бутылки с вином.

– Вот мы и на месте! – Ма переступила порог первой и широким взмахом руки обвела подвал. – Как видите, ваш отец устроил здесь свой винный погреб. – Ма повернулась ко мне и улыбнулась едва заметной улыбкой. – Мне жаль разочаровывать тебя, Электра, но, как видишь сама, никаких тайн и никакой мистики.

– Но...

За спиной у Ма Алли метнула в меня такой свирепый взгляд, который даже я не рискнула проигнорировать.

– Я... То есть да, все очень мило. – Я медленно двинулась вдоль стеллажей, разглядывая папину винную коллекцию. Вытащила одну из бутылок и невольно воскликнула. – Ого! Ничего себе! «Шато Марго», урожай 1957 года. В лучших ресторанах Нью-Йорка такое вино подают по несколько тысяч долларов за бутылку. Слава Богу, что мне больше по душе водка.

– Давайте подниматься, – предложила нам Алли, одарив меня еще одним многозначительно красноречивым взглядом. – Мне надо проверить, как там Бэр.

– Пожалуйста, еще пару минут, – попросила я, продолжая осмотр стеллажей. Сняла с полки еще одну бутылку, покрытую старой пылью, и сделала вид, что изучаю этикетку, а сама исподтишка разглядывала стены в поисках той самой потайной двери, о которой мне рассказывала Алли. На стеллаже, что справа, я высмотрела бутылку бургундского «Ротшильд» урожая 1972 года, а за ней в стене безошибочно проглядывали едва заметные контуры входа, ведущего куда-то. – Все! Иду! – повернулась я к Ма и Алли. – Возвращаемся!

Мы двинулись в сторону лифта, и тут я впервые обратила внимание на то, что он практически впаив в литой металлический корпус.

– А это зачем, Ма? – не удержалась я от очередного вопроса.

– Если нажать вот на эту кнопку, – Ма указала на кнопку, расположенную в боковой части стальной арматуры, – то кабинка лифта будет заблокирована снаружи стальной дверью.

– То есть, нажми мы на эту кнопку прямо сейчас, и сразу же окажемся в ловушке, да? – Я почувствовала очередной приступ паники.

– Ничего подобного, Электра! – поспешила успокоить меня Ма. – Зато если кто-то попытается проникнуть в погреб, как говорится, без спроса, то он не сможет туда попасть. Эта стальная дверь немедленно перекроет ему вход. Такая вот своеобразная кладовая-сейф, – пояснила она, пока мы снова проталкивались в кабинку лифта. – Причем в этом нет ничего удивительного, ведь дом стоит в безлюдном месте, да и обитают в нем далеко не бедные люди. Если вдруг, не дай бог, на Атлантис нагрянет банда каких-нибудь воров или чего похуже, то у нас всегда есть возможность забаррикадироваться здесь и вызвать себе подмогу. Представь, милая, – Ма одарила меня еще одной своей легкой улыбкой, когда лифт возобновил свое движение на первый этаж дома, – здесь отлично принимается сигнал Wi-Fi. Выходим! – промолвила она. Мы выгрузились из лифта и поспешили на кухню. Боковым зрением я заметила, как Ма положила ключи от лифта в тот же самый шкафчик на стене. – А сейчас прошу простить меня. Что-то я к вечеру чувствую себя очень уставшей. Пожалуй, пойду укладываться в постель.

– Это все Бэр виноват. Ты же, Ма, сегодня на ногах с пяти утра. Все! Завтра моя очередь дежурить возле него.

– Не говори ерунды, Алли. Вот посплю и завтра снова буду в полном порядке. Я ведь в любом случае всегда просыпаюсь очень рано. Спокойной ночи, девочки. – Она попрощалась с нами кивком головы и удалилась к себе.

– А я бегу к Бэру. Надо проверить, как он там без меня справляется. – Алли уже готова была устремиться вслед за Ма, но тут я остановила ее, тронув за плечо.

– А почему бы тебе снова не воспользоваться лифтом? – предложила я, извлекая ключ из шкафчика и поигрывая им у нее перед носом. – Ведь лифт, как я понимаю, идет до нашего четвертого этажа. Сама видела кнопку с цифрой четыре в кабине лифта.

– Да нет, Электра. Спасибо, но я, пожалуй, обойдусь и без лифта.

– Как знаешь, – вяло отреагировала я, наблюдая за тем, как сестра устремилась по лестнице наверх. Затем вернулась на кухню, приняла еще одну рюмку водки и соорудила себе еще одну дорожку из кокса. Снова вышла в холл и рывком отворила дверь, ведущую в папин кабинет. Прямо живой музей какой-то; стоило мне только переступить порог, и я почувствовала, будто папа только что вышел отсюда и скоро вернется обратно. Его ручка, чистая бумага для записей, все лежало на своих привычных местах по центру стола. Безупречный порядок во всем. *«В отличие от того, что творится у его младшей дочери»*, – подумала я, ухмыльнувшись, и уселась в его старое кожаное капитанское кресло. Скользнула взглядом по стеллажам с книгами, которыми была заставлена одна стена кабинета вплоть до самого потолка. Поднялась с кресла и подошла к одной из полок, чтобы снять оттуда Оксфордский словарь английского языка, которым я так часто пользовалась в детстве. Помню, однажды я зашла к папе в кабинет, а он сидел в своем кресле и разгадывал кроссворд в какой-то английской газете.

– Привет, Электра, – поздоровался он со мной и улыбнулся. – Вот сижу, никак не могу разгадать одно слово.

Я прочитала подсказку: *«Они опускаются вниз, чтобы уснуть (4 буквы)»*. Немного подумала.

– Наверное, это веки.

– Конечно, веки! Ты абсолютно права, моя девочка! Какая же ты у меня умная!

С того самого дня всякий раз, когда у меня были школьные каникулы, папа зазывал меня к себе в кабинет, и мы с ним вместе разгадывали всякие кроссворды. Да, воспоминания о прошлом согревают душу. Я и сейчас, между прочим, коротая время в зале ожидания

аэропорта, часто хватаю со стойки первую подвернувшуюся под руку англоязычную газету, чтобы было чем занять время до момента вылета. Кстати, кроссворды обогатили мой словарный запас английского языка, что, насколько мне известно, всегда несказанно удивляет тех журналистов, которые приходят брать у меня интервью. Наверное, все они в глубине души считают меня такой размалеванной дурочкой, ни на что не годной пустышкой, которую только и можно использовать для рекламы косметики.

Я поставила словарь на место и уже приготовилась покинуть кабинет, но внезапно остановилась на полпути, учуяв сильный запах папиного одеколона. Этот аромат свежего лимона я узнала бы где угодно. По моей спине пробежал холодок. Я вдруг вспомнила, как Алли недавно рассказывала мне о том, что ощутила присутствие Тео рядом с собой...

Я невольно содрогнулась и, выходя из комнаты, с громким стуком захлопнула за собой дверь.

Алли возилась на кухне, заполняя бутылочки молоком для своего малыша.

– А зачем тебе молоко в бутылочках? – поинтересовалась я у нее. – Я думала, ты кормишь Бэра грудью.

– Кормлю. А это я специально сседила, чтобы Ма могла покормить его рано утром, когда он проснется.

– Понятно, – отозвалась я и снова зябко поежилась, наблюдая за тем, как сестра переливает молоко в бутылку. – Честное слово, если я когда-нибудь обзаведусь малышом, в чем сильно сомневаюсь, то вряд ли смогу пройти через все это.

– Никогда не говори «никогда», – улыбнулась в ответ Алли. – Кстати, пару недель тому назад я видела твою фотку в одном из иллюстрированных журналов. Тебя сфотографировали вместе с Зедом Эсзу. Вы что с ним, пара?

– Господи, с чего ты взяла? – воскликнула я, запустив руку в банку с печеньем и достав оттуда одну печенюшку. – Пересекаемся иногда во всяких компаниях в Нью-Йорке. Выходим, так сказать, вместе в свет. Точнее, пребываем там вместе.

– То есть вы с Зедом Эсзу любовники?

– Да. А что тут такого? Или тебя что-то смущает?

– Нет-нет, ничего такого! Просто я... – Алли повернулась ко мне, заметно смутившись. – Я...

– Продолжай! Не тяни кота за хвост, Алли.

– Да говорю же тебе, ничего такого! Все! Лично я иду спать! Постараюсь заснуть хотя бы на пару часиков, если получится. А ты?

– Да, пожалуй, тоже последую твоему примеру.

Лишь только после того, как я оглушила очередную порцию водки, достав бутылку из своего рюкзака и вылив содержимое в стаканчик для зубной щетки, я немного расслабилась и почувствовала приятную дремоту. Но в этот момент перед моим мысленным взором вдруг явилась та потайная дверь за винными стеллажами в папином погребе. Наверное, все-таки следовало бы снова спуститься туда и обследовать все прямо на месте...

– Завтра! – пообещала я себе сонным голосом. И глаза мои закрылись сами собой.

4

На следующее утро я проснулась от истошных воплей Бэра. Попыталась отыскать беруши, чтобы заткнуть ими уши и поспать еще пару часиков, но поздно! Я уже окончательно проснулась. Набросила на себя свой старый халат, который по-прежнему болтался на дверном крючке, и пошлепала в коридор искать себе компанию. Детский плач доносился из апартаментов Ма, расположенных в самом конце коридора, а потому я отправилась туда и осторожно постучала в дверь.

– *Entrez.*

Я вошла в комнату и застала редкое зрелище: Ма тоже в халате.

– Поплотнее прикрой за собой дверь, Электра, – попросила она меня. – Не хочу, чтобы он своими криками разбудил Алли.

– Но *меня* он уж точно разбудил, – пожаловалась я в ответ, наблюдая за тем, как Ма ходит по комнате, держа на руках Бэра, а тот жалобно скулит у нее за спиной.

– Вот сейчас ты понимаешь, что чувствовали твои старшие сестры, когда ты их каждую ночь будила своими концертами, – улыбнулась Ма.

– А что с ним не так? – спросила я, увидев, что Ма ритмичными движениями руки растирает малышу спинку.

– Ничего страшного. Просто газы плохо отходят. И срыгивать у него не всегда получается.

– Я тоже из-за этого ревела?

– Нет. У тебя по части газов все было в полном порядке. Мне кажется, тебе просто нравилось слушать собственный голос.

– Неужели я была таким противным младенцем?

– Ничего подобного, Электра! Ты просто не любила быть одна. Ты сладко спала у меня на руках, но, стоило положить тебя в колыбельку, ты немедленно просыпалась и тут же начинала плакать. Приходилось снова брать тебя на руки. Поддай-ка мне, пожалуйста, вон ту салфетку. – Ма показала на стопку белых салфеток из муслина, лежавших на журнальном столике.

– Вот, пожалуйста, – протянула я ей одну из них. И огляделась по сторонам. Красивые гардины на окнах с цветочным рисунком, диван, обитый дамасским шелком нежного кремового цвета, куча фотографий на бюро из красного дерева и еще на нескольких небольших столах, разбросанных по всей комнате. На журнальном столике ваза с букетом розовых роз. «*Да, – подумала я, – эта комната полностью олицетворяет саму Ма: такая же элегантная, сдержанная, безупречная во всем.*» Я подошла к бюро и сняла одну из фотографий в красивой рамочке: Ма в вечернем платье, в жемчугах, а рядом – отец в смокинге.

– Где это вас сфотографировали?

– В парижской опере. Мы слушали в тот вечер Кири Те Канава. Она пела Мими в «Богеме», – пояснила мне Ма, продолжая расхаживать вместе с Бэром по пушистому кремовому ковру.

– Вы часто вместе появлялись на публике?

– Нет. Но мы оба очень любили оперу. Особенно Пуччини.

– Ма.

– Да, милая?

Даже несмотря на то что мне уже двадцать шесть лет, я все еще сомневалась, имею ли я право задать один сакраментальный вопрос, который вертелся на кончике моего языка с самого детства.

– Вы с папой... У вас были романтические отношения, да?

– Бог с тобой, Электра! Мне ведь еще едва за шестьдесят. Твой отец был слишком стар для меня.

– О, в том мире, в котором я сегодня вращаюсь, разница в возрасте не является препятствием для богатого мужчины, чтобы обзавестись любовницей, которая годится ему в дочери.

– Все может быть, Электра, но только не с твоим отцом. Он бы никогда не позволил себе столь недостойный поступок. Он ведь был истинным джентльменом... до мозга костей... И потом...

– Что потом?

– Я... да так, ничего.

– Нет уж, говори до конца!

– Видишь ли, у него всегда кто-то был.

– Правда? И кто же это?

– Все, Электра. Я сказала более чем достаточно.

Наконец Бэр отрыгнул: все случилось стремительно и внезапно, но Ма успела вовремя подхватить салфеткой беловатую жидкость, вылившуюся из его ротика.

– *Bien, bien, mon petit cheri*, – ласково прошептала она, вытирая салфеткой личико мальчика. – Ну разве он не прелесть, а? Чудный ребенок! Обожаю его!

– Да уж! Если кого и можно обожать, то это, конечно, младенца, рыгающего в пять утра. Ты права. Чудный ребенок.

– А я вот вспоминаю, как я укачивала тебя ночами напролет, пытаюсь успокоить, – откликнулась Ма, присаживаясь в кресло и укладывая Бэра поудобнее у себя на руках. Вид у младенца сейчас был такой, будто он уже успел принять на грудь изрядную порцию водки. Глаза сделались сонными и уже почти закрылись. – Такое чувство, будто это было вчера. И вот я ношу на руках первого представителя уже нового поколения Деплеси. Как был бы счастлив твой отец, если бы узнал о Бэре еще до своей кончины. Увы, но этому было не суждено сбыться.

– К сожалению, да. Ма?

– Слушаю тебя, Электра.

– А ты была рядом с папой в тот момент, когда он нашел меня и привез сюда?

– Нет. Я в это время нянчилась с твоими старшими сестрами.

– То есть ты даже не знаешь, откуда я родом?

– Но ведь наверняка ты уже узнала об этом из того письма, которое оставил тебе отец.

– Да я его потеряла! – виновато пожала я плечами и быстро подхватила со своего места, чтобы Ма не успела осыпать меня упреками. – Пойду вниз, сварю себе кофе. Тебе сварить?

– Нет, спасибо, не надо. Отнесу нашего маленького в его колыбельку, а потом оденусь и сама спущусь к тебе.

– Хорошо! Тогда до встречи.

* * *

Алли проснулась в восемь утра. К этому времени я уже успела хлопнуть две рюмки водки и отчаянно жалела лишь об одном: ну, почему я не назначила дату вылета в Нью-Йорк на более ранний срок? А так еще впереди целых четырнадцать часов ожидания, которые надо чем-то заполнить. Я серьезно понятия не имею, как можно занять себя во времена, так сказать, «простоя»: скука от безделья – это то понятие, которое для меня практически не существует.

– Хочешь погонять вместе со мной под парусом, Электра? – спросила у меня Алли за завтраком, подкладывая себе на тарелку очередную порцию вкуснящих блинов нашей Клавдии.

– На твоём «Лазере», что ли?

– Да. Погода прекрасная, условия просто идеальные. Легкий бриз, но при этом никакого дискомфорта.

– Ты же знаешь, экстремальные виды спорта – это не мое.

– Если честно, Электра, то я не вижу ничего экстремального в том, что ты будешь просто сидеть рядом со мной и наслаждаться водной прогулкой в самых что ни на есть благоприятных условиях. Но как хочешь! – Алли бросила на меня несколько удивленный взгляд. – А вот мы с Бэром решили немного погонять под парусом. Тогда до скорого.

Я подавила тяжелый вздох, когда Алли покинула кухню, после чего умяла еще один свежеспеченный маффин: уж больно одиноко он смотрелся на пустой тарелке. Алли спустилась минут через десять, уже вместе с Бэром, облаченным в крохотный спасательный жилет. Малыш удобно устроился в сумке-кенгуру, которую Алли привязала себе к поясу.

– Точно не хочешь отправиться вместе с нами?

– Нет, спасибо, – снова повторила я и побрела в гостиную: устрой-ка я себе сегодня день кино. Включила экран домашнего видео и стала перебирать стопки с DVD. К своему огорчению, не нашла ничего, что мне захотелось бы посмотреть.

– Вот черт! – негромко ругнулась я под нос, глянув в очередной раз на часы. Интересно, как я убивала здесь время ребенком, когда мне бывало скучно или что-то выводило меня из себя?

«Ты убежала, Электра...»

– Истинная правда, – пробормотала я вполголоса. Если что-то меня расстраивало или если кто-то злился на меня (а чаще всего случалось и то и другое одновременно), я тут же убежала в горы, которые начинаются прямо за домом. Находила среди камней какую-нибудь петляющую тропинку, которая поднимала меня вверх. Нет, подъем не был строго вертикальным, просто я шла и шла вперед, поднимаясь все выше и выше и чувствуя, как при этом постепенно улетучиваются из головы всякие дурные мысли.

Быстрым шагом я поднялась по лестнице к себе в комнату и принялась рыться в вещах, сложенных в комод. Нашла в самом нижнем ящике свои старые леггинсы и майку с довольно грубым слоганом на груди. Помнится, Ма в свое время даже порекомендовала мне носить эту майку наизнанку, чтобы не отпугивать от себя народ. Внизу под шмотками я обнаружила свой старый альбом для рисования; в детстве я баловалась рисованием. Я извлекла альбом на свет божий и стала неспешно пролистывать его. Большинство страниц заполнено карандашными набросками всевозможных фасонов платьев с какими-то нелепыми гофрированными воротниками, тут же джинсы с разрезом от бедра до самой кромки внизу, блузки, вполне обычные спереди, но без спинки...

– Вот так чудеса! – удивленно пробормотала я, вспомнив, в какой блузке щеголяла совсем недавно на одной из своих последних фотосессий: абсолютно схожий фасон с теми, которые я рисовала в детстве. К некоторым своим рисункам я даже приклеивала кусочки ткани, которые мне удалось раздобыть, вся материя вызывающе ярких тонов. В детстве я *любила все яркое*. Я втиснула альбом в передний карман своего рюкзака, как-никак, а это единственная вещь, которая связывает меня-ребенка со мной, уже взрослой женщиной. Затем достала старые кроссовки, валявшиеся в самом дальнем углу ящика, быстро переоделась и поспешила из дома, воспользовавшись черным ходом из кухни. Торопливо миновала наш огород с овощными грядками, открыла заднюю калитку, откуда дорога вела напрямик в горы.

Пошла по тропинке, по которой хаживала лет десять тому назад. Однако сегодня, несмотря на мои регулярные занятия гимнастикой, восхождение давалось с трудом: сразу же заныли ноги, так что последние несколько метров я скорее доползла, чем дошла, постоянно цепляясь руками за крупные валуны и скользя по влажной грубой траве. Но наконец-то я на месте.

Тяжело дыша, я вступила на небольшую площадку обнаженной породы, всего лишь подножье скалы, взметнувшейся вверх прямо за моей спиной: с этого места открывался просто потрясающий вид на озеро. Я глянула вниз, туда, где темнела крыша нашего дома. Кажется, впервые до меня дошло, что же так успокаивающе действовало на меня в этом пейзаже, когда я была ребенком. Все дело в перспективе восприятия: в детстве Атлантис был для меня всем, моим космосом и моей вселенной, но, когда я созерцала его вот так, сверху вниз, он сразу же становился похожим на такой кукольный домик, крохотный и не очень приметный.

«Да, горы давали мне видение перспективы, – снова повторила я мысленно, свесив ноги с выступа скалы. – Эта панорама давала мне ощущение того, что я и сама маленькая».

Какое-то время я сидела бездумно, просто наслаждаясь погожим солнечным днем. Внизу я разглядела яхту, которая отсюда казалась просто игрушечной лодочкой, она плавно скользила по спокойной глади озера, ее паруса трепетали, подхваченные легким бризом. Внезапно я почувствовала, что мне совсем не хочется возвращаться обратно в свой реальный мир. Пожа-

луй, я бы с удовольствием осталась здесь, чтобы меня никто не нашел. Какое дивное ощущение полнейшей свободы! От одной только мысли о предстоящем возвращении в Нью-Йорк, в эти каменные джунгли Манхэттена, у меня тут же свело живот. Да, в том мире, в котором я сейчас живу, все насквозь фальшиво, пропитано жаждой наживы и, по большому счету, бессмысленно и пусто. Зато здесь все дышит первозданной чистотой и свежестью.

– Однако же, Электра, тебя и понесло! – тут же одернула я себя. – Начинаешь рассуждать прямо как Тигги.

Но если даже и так, то что в этом плохого? Все, что я понимаю про саму себя, так это то, что я отчаянно несчастлива и потому страшно завидую всем своим старшим сестрам, у каждой из которых уже началась своя новая и счастливая жизнь. Когда Ма рассказывала мне о том, как девочки собираются приехать в Атлантис вместе со своими вновь обретенными родственниками, друзьями, возлюбленными, я еще острее почувствовала собственное одиночество: ведь мне даже некого привезти с собой.

Я поднялась со своего места, понимая, что пора спускаться, хотя бы потому что меня уже замучила жажда, а бутылку с водой я забыла прихватить. Я встала во весь рост и в последний раз окинула взором раскинувшуюся внизу картину.

– Как так получилось, что, имея все, я чувствую себя самым нищим и обездоленным человеком на свете? – обратилась я к окружающим меня скалам.

Потом прыгнула с выступа и неожиданно подумала о том, что пора и мне возвращаться в реальную жизнь. Возможно, именно реальности мне и не хватает... А еще немного любви... Вот только где мне отыскать эту самую любовь? Об этом известно лишь небесам и еще, наверное, папе... Ведь он же наверняка там.

5

По возвращении в Нью-Йорк я в первое время постоянно мысленно обращалась к тем приятным ощущениям, которые испытала в Атлантиде, когда отправилась в горы, и даже начала устраивать пробежки по Центральному парку, когда это позволяло мое расписание. Бег был хорош тем, что я могла в два счета обогнать и оставить далеко позади любого, кто вычислит меня или опознает по внешности. Я постаралась также уменьшить ежедневную дозу приема спиртного, и, что самое главное, пребывание на свежем воздухе и интенсивные занятия спортом держали меня, более или менее, в тонусе. Во всяком случае, я не чувствовала потребности все время подпитывать себя коксом. Ну а если приступы паники все же случались, я брала в руки предусмотрительно купленную заранее книжку с кроссвордами и тут же погружалась в разгадывание очередного кроссворда вместо того, чтобы изматывать себя всяким допингом, пытаюсь успокоиться.

Словом, я почувствовала, что понемногу учусь контролировать себя.

Единственное, что не давало мне покоя, и это, несмотря на то что я обыскала вдоль и поперек всю свою квартиру, так это то, что я так и не смогла найти папино письмо. Тщетно я напрягала все свои извилины, пытаюсь вспомнить, куда могла засунуть злосчастный конверт с письмом, когда впервые переступила порог своего нового нью-йоркского дома. Я даже обратилась за помощью к Мариам.

– О, Электра, не переживайте! Мы его обязательно найдем, – заверила она меня, и в ее глазах было столько участия и желания помочь. И тут же опустилась на колени, чтобы самой перебрать все ящики, в которых я хранила свое белье.

– Нет, я не настаиваю на том, что хочу немедленно прочитать это письмо, даже если бы оно и отыскалось, – говорила я в свое оправдание, стоя рядом. – Но просто мне хочется знать, где оно и что с ним все в порядке.

– Прекрасно вас понимаю, Электра. Ведь это же последние слова, которые адресовал вам отец незадолго до своей кончины. Конечно, ему хотелось бы, чтобы вы прочитали все, что он вам написал. Но еще раз повторяю: не переживайте! Мы найдем его во что бы то ни стало.

Но после того как самым тщательным образом были обысканы все шкафчики, ящики комодов и полки платяных шкафов, вручную перебраны все мельчайшие бумажки, нашедшиеся в доме, даже у Мариам изрядно поубавилось энтузиазма.

– Да бог с ним, с этим письмом, – обронила я как-то раз солнечным апрельским утром, пока Мариам, наверное, уже в сотый раз перепроверяла содержимое моей прикроватной тумбочки. – Наверное, не судьба мне прочитывать это письмо. А сейчас пойду-ка я и выпью чего-нибудь крепкого перед ланчем. Составите мне компанию?

Как всегда, Мариам отказалась от спиртного и попросила только стакан воды.

Потом мы уселись и вместе просмотрели всю свежую корреспонденцию, поступившую на мой электронный адрес: главным образом, приглашения на открытия всяких новомодных бутиков, на кинопремьеры и благотворительные балы. Я подумала, что когда-то подобные приглашения доставляли мне массу удовольствия и я радовалась, как дитя, получая их. Но сейчас я уже отлично понимала: всем этим людям нужна *совсем не я*, просто лишний повод отметить в колонке великосветской хроники в какой-нибудь газетенке.

– Ой, совсем забыла! – вдруг воскликнула Мариам и полезла в свою сумочку. – Тут Сюзи передала мне письмо, которое пришло на адрес агентства, но на ваше имя.

– Ну так и разбирайтесь с ним сами, – ответила я с некоторым раздражением в голосе. – Это же ваша обязанность. Наверняка, как обычно, просьба о помощи или о каких-то пожертвованиях... Или вдруг объявился какой-нибудь мой очередной братец, который потерялся еще в детстве при самых загадочных обстоятельствах.

– Все так, Электра. И обычно я действительно *сама* разбираюсь с подобными прошениями. Но на сей раз мы с Сюзи решили, что вам все же стоит прочитывать это письмо.

Она протянула мне конверт, на лицевой стороне которого красивым почерком был написан адрес агентства. Потом я глянула на Мариам, сидевшую за журнальным столиком напротив меня.

– Зачем мне его читать? Что в нем такого?

– А вы прочитайте, и тогда поймете сами, – снова настойчиво повторила она.

– Ладно! – согласилась я со вздохом и извлекла письмо из конверта. – Надеюсь, там никаких дурных новостей? Типа какой-нибудь кляузы из налоговой службы?

– Ничего подобного, Электра. Никаких кляуз. Точно говорю.

– Тогда хорошо. – Я развернула письмо и прочитала адрес сверху: Бруклин. А затем погрузилась в чтение самого письма.

Глубокоуважаемая мисс Делеси, или можно я буду называть Вас просто Электрой? Меня зовут Стелла Джексон, и я прихожусь Вам родной бабушкой...

– Ну, я же говорила! – Я свернула листок бумаги в тугой шарик и шутливо швырнула им в Мариам. – Да знаете ли вы, сколько подобных писем от моих якобы утраченных некогда родственников я получаю? Обычно Сюзи сразу же выбрасывает их в корзину для бумаг. А этой что от меня надобно?

– Судя по письму, ничего. Просто хочет встретиться.

– Так! И что же такого необычного вы вместе с Сюзи нашли в этом письме? Почему решили, что я обязательно должна прочесть его?

– Там в конверте есть еще кое-что, Электра. Взгляните! – Мариам махнула рукой в сторону журнального столика, на который я швырнула распечатанный конверт. – По-моему, вы должны обязательно посмотреть.

Исключительно для того, чтобы отвязаться от настойчивых просьб своей помощницы, я снова взяла в руки конверт и извлекла оттуда крохотную фотографию, затерявшуюся в самом уголке конверта: черно-белая фотография, старая, судя по пожелтевшим краям, запечатлевшая красивую темнокожую женщину с младенцем на руках, счастливо улыбающуюся на камеру.

– И?

Я бросила очередной вопросительный взгляд на Мариам.

– И что? – снова повторила я.

– Неужели вы не улавливаете сходства?

– Сходства с кем?

– С собой, конечно! Сюзи заметила это сразу, да и я тоже.

Я снова глянула на фотографию.

– Допустим... Она чернокожая, при этом самая настоящая красавица, но! – Я равнодушно пожала плечами. – Уверена, на свете тысячи женщин, похожих на нее... И на меня тоже...

– Вы прекрасно знаете, Электра, что на свете *очень немного* женщин, похожих на вас. Форма ее лица, разрез глаз, высокие скулы... Честное слово, она – ваша копия. Точнее, я хотела сказать, что это вы... могли бы быть ее копией.

– Хорошо-хорошо! Но пока я не отыщу папино письмо, я не собираюсь родниться со всякими случайными людьми на том лишь основании, что я, видите ли, похожа на них. Согласны со мной?

– Тогда нам надо во что бы то ни стало отыскать это письмо, – ответила Мариам и принялась разглаживать скомканное письмо от предполагаемой бабушки (мне со стороны показалось, что ему уже невозможно вернуть первоначальный вид). Тем не менее Мариам это удалось, и она вложила письмо обратно в конверт вместе с фотографией. – А пока я спрячу это письмо в сейф, ладно?

– Хорошо, – не стала я возражать. Раздался зуммер, оповещающий, что на мой мобильник пришла эсэмэска, и я глянула проверить, от кого.

– Итак, завтра я заезжаю за вами ровно в восемь утра. У вас, напоминаю, Электра, деловая встреча с Томасом и Марселлой по поводу рекламной кампании духов к предстоящему Рождеству.

– Хорошо, свободны! Пока! – Я сделала жест рукой, давая понять Мариам, чтобы она оставила меня одну, пока я вчитывалась в текст поступившей эсэмэски.

– А после обеда фотосессия – реклама часов. Что ж, если у вас ко мне больше нет никаких дополнительных поручений, тогда до завтра.

Но я уже не слушала Мариам, впившись глазами в слова, которые высветились на дисплее, а потому просто попрощалась с ней кивком головы, когда она двинулась на выход. Потом схватила свою рюмку с водкой и, сделав большой глоток, перечитала сообщение заново.

«Привет, дорогая. Я сейчас в городе с концертом. Вот подумал, почему бы нам завтра не пересечься, а? Охота немного поболтать с тобой. Митч».

Черт! Черт! Черт!

Я осушила рюмку до дна и тотчас же наполнила ее заново, чувствуя, что мне надо успокоиться и унять бешеное сердцебиение.

Снова перечитала полученную эсэмэску и тут же включила свой ноутбук, проверить, а не врет ли мне Митч. Но нет! Он действительно сейчас в Нью-Йорке. Свой последний гастрольный тур завершает грандиозным выступлением в Медисон-сквер-гарден: концерт должен состояться через два дня. Я поднялась с кресла и подошла к одному из французских окон, распахнула его настежь и вышла на террасу. Так значит, Митч в Нью-Йорке, вполне возможно,

где-то совсем рядом со мной. Но где бы он сейчас ни был, сегодня вечером мы с ним дышим одним воздухом.

Я снова глянула на экран своего мобильного, пытаюсь проникнуть в истинный смысл того, что скрывалось за его словами. Как это понимать? Он что, предлагает мне оливковую ветвь мира? Или как? Но оливковые ветви, они все, как правило, такие пушистые, и каждый листок несет в себе особое значение. Типа: «Послушай, я соскучился по тебе, я люблю тебя и понял, что совершил ошибку». Или: «Прошло какое-то время после нашего расставания, думаю, нам пора двигаться вперед. Хотя бы остаться друзьями...»

Так какой же смысл скрывается за посланием Митча? Понятия не имею!

«Скажи ему "нет", Электра... Слишком рискованно возвращаться назад».

– Черт! – снова громко выругалась я. – Будь оно все проклято!

После чего с лихостью преодолела допустимый барьер для спиртного. Вот сейчас напьюсь в стельку и умру. Какая мне, в конце концов, разница? Умереть от перепоя – это еще не самый худший вариант. И достаточно простой к тому же. Я почувствовала себя буквально на грани нервного срыва, потому что понятия не имела, что мне делать в этой ситуации. Вот была бы у меня близкая подруга, с которой можно было бы посоветоваться. Но, как ни прискорбно в этом признаваться, имея пять сестер, я ни одну из них не могу назвать своей близкой подругой или просто человеком, которому я полностью доверяю.

– Да наплюй ты на эту эсэмэску! – воскликнула я вслух, возбужденно расхаживая по террасе, ненароком выхватила цветок из букета, оторвала ему головку и бросила лепестки на стекло.

Снова вернулась к себе в спальню, засунув мобильник глубоко под подушку. Наверное, *лучше оставить* все, как есть. Я не стану отвечать, Митч все поймет и тоже не будет бомбардировать меня новыми эсэмэсками. И это, кстати, немедленно прояснит для меня всю картину в целом.

Да, именно так я и поступлю. Я налила себе очередную порцию водки и отправилась изучать содержимое своих платяных шкафов, прикидывая, в чем бы я могла предстать перед ним, если бы наша встреча все же состоялась. Как ни верти, а наряды – это мое главное оружие, мой боевой арсенал, так сказать. Стоит мне сделать всего лишь один звонок любому кутюрье, обитающему в Нью-Йорке, и мне в течение нескольких часов подвезут тот туалет, в котором я хотела бы щегольнуть. Конечно, многое будет зависеть от места нашей встречи. Предположим, Митч придет ко мне сюда, тогда мне стоит выглядеть по-домашнему, но стильно и сексуально. Ему всегда нравились мои ноги... Так, может, все проще простого?

Я поспешила в ванную комнату и разделась догола, потом сняла с сушки белое пушистое полотенце и задрапировала его вокруг талии. Включила кран и подставила руку под струйку воды, разбрызгав несколько капель по обнаженной коже. Потом собрала волосы в один пук и скрутила их в узел на самой макушке. Окинула себя внимательным взглядом в зеркале в полный рост.

И невольно хихикнула. Потому что *именно в таком прикиде* я бы и встретила Митча, если бы он заявился ко мне сюда с визитом. Однако что, если мне придется куда-то ехать на встречу с ним? Я швырнула полотенце на пол и снова вернулась к своему гардеробу. Сняла с вешалки мини-платье от Версаче яркого изумрудного цвета и в этот момент услышала приглушенные позывные, сообщающие, что на мой мобильник прибыла еще одна эсэмэска. Схватила телефон. Снова от Митча.

Я сделала глубокий вдох и открыла текст.

«Ты получила мое сообщение, Электра? Я действительно очень хочу встретиться с тобой завтра и поболтать немного».

Я прыжком вскочила на кровать, именно так! – запрыгнула туда, попутно хватанула еще рюмку водки для храбрости и постаралась сформулировать достойный ответ.

«Привет. Только что обнаружила от тебя эсэмэску».

Мои пальцы зависли над дисплеем: мысленно я прикидывала, какое у него может быть расписание на завтра. Наверняка с утра его атакует пресса, затем после обеда он будет репетировать со своим оркестром, проверяя и перепроверя снова и снова качество звучания и все остальное. Скорее всего, раньше восьми не освободится.

«Завтра днем у меня никак не получится. Деловая встреча по поводу рекламной кампании парфюма. Домой вернусь не раньше восьми».

Перечитала весь свой текст и осталась вполне довольна. Можно смело отправлять. И буквально через пару секунд прилетел ответ от Митча.

«Тогда можно в девять у тебя? Устроит?»

И тут мне захотелось немедленно принять ванну. Я включила свою стереосистему на полную мощность и улеглась в благоухающую пенную воду, закрыла глаза и стала слушать последние записи Митча. Через какое-то время вылезла из ванны. Меня распирало чувство гордости от того, что я все же сумела проявить выдержку и продемонстрировать Митчу (хотя бы ради разнообразия) свой характер. После чего поплелась в спальню и взяла в руки мобильник.

«Да, ровно в девять меня устроит. До встречи».

Я нажала на кнопку отправки и только тогда позволила себе улыбнуться. *«А самое лучшее во всей этой истории, – мелькнуло у меня, пока я разглядывала себя в зеркале, – что я смогу предстать перед ним в своем новом и любимом наряде».*

* * *

Всю ночь я не сомкнула глаз; утром, вопреки данному себе самой слову и близко не прикасаться к коксу, зная о том, что Митч учует его запах за целую милю от себя, я все же не удержалась и соорудила одну полоску, чтобы хоть немного расслабиться, прежде чем отправиться на утреннюю деловую встречу, на которой предстояло обсуждение всех подробностей предстоящей рекламной кампании парфюма.

– С вами все в порядке? – первым делом спросила у меня Мариам, когда я вышла из туалетной комнаты.

– Да, все отлично. Так мы идем?

После переговоров, которые продлились пару часов, мы снова вышли вместе с ней на улицу. Я была рада, что все это время Мариам была рядом со мной, скрупулезно фиксируя все мельчайшие детали предстоящей рекламной фотосессии, которая должна будет пройти в Бразилии, сама рекламная кампания стартует в самом начале октября. Единственное, что я запомнила из всех наших переговоров, так это то, что к концу встречи я провоняла духами, словно какая дешевая проститутка, – мой клиент, присутствующий на переговорах, видно, упросил кого-то заранее облить всю комнату парфюмом, который мне предстояло рекламировать.

– Ну и ну! – удивленно констатировала Мариам, когда лифт повез нас на первый этаж. – А они не жалеют денег на свою рекламную кампанию. Я еще никогда не была в Рио. А вы?

– Сразу даже и не вспомню. Но, по-моему, тоже не была.

– Кажется, вы говорили, что ваша старшая сестра живет в Рио?

– Наверняка говорила, – рассеянно подтвердила я, прикидывая в голове, хватит ли у меня времени, чтобы заскочить на обратном пути к своей маникюрше.

– Тогда вы сможете навестить ее, когда будете там, – не отставала от меня Мариам.

– Конечно, навещу, – кивнула я в ответ, пробираясь вслед за ней к тому месту, где нас поджидала машина. Устроившись на заднем сиденье своего роскошного лимузина, мы двинулись в обратный путь.

– Что вам заказать на ланч? – поинтересовалась у меня Мариам.

– Спасибо, ничего. Думаю, я вполне обойдусь тем, что есть у меня дома.

– Электра, ваш холодильник пуст, а вам надо регулярно питаться. Это важно. И потом, не забывайте, ровно в три у вас съемка: реклама часов марки Жежер-Лекультр.

– Что? – уставилась я на нее в ужасе. – Какая еще съемка? Вы вчера ничего не говорили мне о ней.

– Говорила, Электра, – спокойно возразила мне Мариам. – Разве вы забыли, как на прошлой неделе нам прислали восхитительный комплект этих часов, отделанных розовыми бриллиантами, чтобы вы могли примерить их? Такая дорогущая модель, что ее доставили в сопровождении двух охранников.

К несчастью, я *ничего не забыла*.

– Черт! – пробормотала я себе под нос, ибо уже успела заметить, что Мариам всегда недовольно морщится, когда я ругаюсь при ней вслух. – А отменить никак нельзя? Сослаться, что мне нездоровится?

– В принципе, наверное, можно. Только я не понимаю, зачем это делать.

– Дело в том, что у меня на вечер есть одно дело, о котором я совсем забыла.

– На какое время у вас назначено это мероприятие?

– Где-то около восьми, – ответила я, зная, что мне понадобится, по меньшей мере, час времени, чтобы подготовиться к встрече с Митчем.

– Что ж, тогда мы успеваем. Они хотят провести съемки при заходе солнца, а к половине восьмого стемнеет уже по-любому. Думаю, вы попадете как раз вовремя, если сразу же после фотосъемок отправитесь домой.

– Но мне же надо время, чтобы как-то подготовиться! Привести себя в порядок! Боже! Нельзя ли отложить эти проклятые съемки хотя бы на неделю? Ведь сама рекламная кампания стартует еще не скоро. Сколько им нужно времени, а?

– Электра, я, конечно, вам не указчик, но...

– Да, вы уж точно не подходите на эту роль! Впрочем, как и любой другой, кто может возомнить, что он меня контролирует!

Я увидела, как лицо Мариам покрылось краской, но она лишь молча опустила глаза.

– Прошу простить меня, – сказала она после короткой паузы, – если вы истолковали мои слова как посягательство на вашу частную жизнь.

Внезапно мне стало страшно не по себе. В конце концов, я же сама виновата. При чем здесь Мариам?

– Нет, это я *должна* просить у вас прощения. Я сегодня с утра не в своей тарелке. Какая-то вся дерганая... Но вы, конечно, правы. – Я тяжело вздохнула. – Будет некрасиво с моей стороны, если я подведу этих людей. Тогда постараюсь быть пайнкой, чтобы съемки прошли максимально быстро. Обещаю выложиться по полной.

– Уж кто-кто, а вы, Электра, умеете делать это, как никто. Ладно! Так вы уверены, что не хотите ничего из съестного?

– Закажите мне васаби с японской лапшой и немного капусты.

– Хорошо. Сейчас я отправляюсь к Сюзи, но ровно в половине третьего я вернусь за вами. Так?

– Да.

Вернувшись к себе, я тут же насыпала пару дорожек из кокса, потому что мои нервы были уже на пределе. После чего с легкой душой принялась за обед, обильно сдабривая лапшу своей любимой французской водкой «Грей гуз». Серый гусь, если по-английски. Затем выхлебала,

по меньшей мере, пинту воды, долго и упорно полоскала рот, израсходовав почти полбутылочки зубного эликсира, сжевала подушечку мятной жевательной резинки и наконец присела на постель, пытаясь расслабиться с помощью специальных дыхательных упражнений, которые мне порекомендовал мой психотерапевт.

Упражнения не помогли. Для того чтобы расслабиться, мне нужны либо «Серый гусь», либо его заменитель – порошок кокаина, который я любовно называю «Белым раем».

– Ну почему тебе не помогает что-то хорошее? То, что помогает другим? – жалобно спросила я себя и сделала еще пару затяжек, зная, что кокс – это на сегодняшний день единственное снадобье, которое поможет мне успокоиться.

* * *

– Добрый день, Электра! Как всегда, ослепительны! – приветствовал меня на выходе из дома Томми, мой фанат номер один.

– Спасибо.

– Чем могу быть вам полезен сегодня? – услужливо поинтересовался он у меня.

– Спасибо, но на сегодня никаких поручений. – Я одарила его благодарной улыбкой, проходя мимо, и заторопилась к поджидающей меня машине.

– Какой он славный! – воскликнула Мариам, залезая в машину вслед за мной. – И так преданно вас охраняет. Может, стоит подумать о том, чтобы нанять его в качестве вашего официального телохранителя? Невооруженным глазом видно, что под своим старым свитером он весь полыхает огнем.

– Мариам! – Я повернулась к ней лицом, картинно вскинув брови. – Я очень удивлена!

– Честное слово, Электра! Да, я не употребляю спиртного и не ругаюсь, но во всем остальном... Знаете, я все нормально чувствую, – добавила она с улыбкой, пока наша машина вырывалась на проезжую часть, чтобы влиться в поток транспорта. – Ваше вечернее мероприятие так важно для вас, да?

– О, это просто приватный ужин с одним... приятелем.

– Тогда мы сделаем все от нас зависящее, чтобы доставить вас домой вовремя.

* * *

Я вернулась домой еще до восьми вечера: страшно ныло плечо, так как пришлось держать руку в строго определенном положении до тех пор, пока у них не получилось сделать идеальный снимок часов. Увидев, что Томми не дежурит, по своему обыкновению, на входе, я обрадовалась: обычно он любит сопровождать меня вплоть до самых дверей моей квартиры. Но сегодня мне меньше всего хотелось, чтобы кто-то увидел спешащего ко мне в гости Митча. Конечно, Митч – мастер маскировки и все такое: у него дома целый чулан всяких накладных бород, усов и бакенбард, однако все равно рисковать не стоит. Как только консьерж доставил меня в мой пентхаус, я тут же побежала наполнить ванну, потом обозрела в зеркале тот макияж, который остался на моем лице после съемок, прикидывая, оставить ли все, как есть, или лучше смыть его напрочь. Я знала, что Митч предпочитает видеть меня в естественном, так сказать, облике, а потому сняла с лица макияж и с наслаждением погрузилась в воду, стараясь не замочить волосы. О, как я мечтала иметь *действительно натуральные* шелковистые волосы. Может, в один прекрасный день я наберусь смелости и подстригусь на манер Алек Век, еще одной модели, с которой я изредка пересекаюсь на всяких показах. Все же короткая стрижка – это гораздо проще.

Выбравшись из ванны, я пошлепала на кухню, чтобы добавить немного льда в водку и тем самым понизить ее градус.

– Черт! – снова выругалась я, обнаружив, что Мариам, как всегда, оказалась права: мой холодильник был пуст. Митч появится на пороге с минуты на минуту, а у меня даже не получится угостить его холодным зеленым чаем.

«А с другой стороны, плевать мне на то, что он там любит пить. Разве не так?» – тут же успокоила я себя, вернулась в ванную и принялась чистить зубы. – *Не забывай, он отшвырнул тебя, как ненужную тряпку! Можно сказать, он разбил тебе сердце».*

– Именно так! Разбил! – подтвердила я уже вслух, обращаясь к своему отражению в зеркале и нанося на губы специальный блеск.

Зашла в гостиную и глянула на часы: без четверти девять. Из одежды на мне по-прежнему было лишь одно банное полотенце, и этого вполне достаточно, а потому я занялась более насущным делом: перелила водку в пустую пластиковую бутылку из-под воды. Пусть будет под рукой на всякий случай. Вдруг мне понадобится срочная подпитка, а Митч и не догадается, что я вместо воды хлебаю водку. Потом схватила свое портфолио, извлекла из него самые лучшие последние фотографии и рассыпала их в живописном беспорядке на журнальном столике так, будто я стараюсь выбрать из этого вороха какой-то один подходящий снимок. Потом подошла к стереосистеме и замялась в нерешительности. Что поставить? Записи Брюса Спрингстина, которого Митч просто боготворит? Или какую-нибудь поп-музыку восьмидесятых, которую я очень люблю, зато Митч ее на дух не переносит. Нашлось компромиссное решение: обойтись без музыки.

– Боже, я так волнуюсь! – пробормотала я, присаживаясь на диван. И тут же учуяла кисловатый запах пота, снова бросилась в ванную комнату, вытерла себя насухо и сбрызнула тело туалетной водой. Пожалуй, в последний раз я так волновалась, когда впервые выходила на подиум в Париже.

«А что, если он действительно хочет вернуться? Бросишься в его объятия с покорностью ягненка? Или как?»

«Бросишься, бросишься... Ты и сама это знаешь, Электра...»

Однако времени для углубленного самоанализа уже не было: снизу позвонил консьерж и сообщил, что ко мне посетитель, некто «мистер Майк».

– Пусть поднимается, – бросила я в трубку домофона и швырнула ее на рычаг. Снова побежала в ванную и, зачерпнув пригоршню воды, плеснула ее себе на плечи. Еще раз глянув на свое отражение в зеркале, приготовилась к звонку в дверь. Но никакого звонка не последовало, а вместо него я услышала знакомый голос, но уже из гостиной.

– Электра, ты где?

«Боже! Митч уже в моей квартире!»

– Иду-иду! – Я сделала погромче шум льющейся воды, снова сбрызнула плечи ароматизированным дезодорантом. Потом еще раз удостоверилась, что белое махровое полотенце обвивает мою талию самым соблазнительным образом, после чего двинулась в гостиную.

И вот он передо мной, живой и невредимый, тот самый мужчина, который оставил меня с разбитым сердцем. Он уже стянул с головы бейсболку и сорвал фальшивую бороду. Высокий, статный и до ужаса сексапильный, как это ни прискорбно! Словом, такой, каким я его и помню: поношенные джинсы, рубашка в клетку, ковбойские ботинки, которые он всегда носит. Если нужно какое-то мужское олицетворение Америки, так вот он, Митч, стопроцентный американец во всем! А волосы он немного отрастил, по сравнению с тем, что было раньше, заметила я, и не успел побриться: вон какая густая щетина на подбородке. Мне захотелось подбежать к нему и тут же начать срывать с него одежду.

– Но как ты вошел? – удивилась я.

– Да дверь у тебя была открыта, – пожал он плечами в ответ. – Наверное, забыла закрыть ее, как положено.

– О господи! Это со мной случается постоянно. Когда-нибудь меня прирежут в собственной постели.

– Надеюсь, такое все же не случится. – Митч окинул меня внимательным взглядом с головы до ног, потом отвел глаза в сторону. – Я наверняка помешал тебе. Ты даже одеться не успела.

– Я... да, не успела. Заторопилась, услышав твой голос. Я только что после ванны. Съёмки затянулись немного дольше, чем я предполагала.

– Все в порядке. Я никуда не спешу. Ступай, одевайся.

– Ладно! – ответила я и направилась к себе в спальню, крайне раздосадованная первой неудачей. Ведь в глубине души я была абсолютно уверена в том, что при виде меня полуобнаженной, едва прикрытой полотенцем, Митч немедленно сорвет с меня это полотенце и тут же заключит в свои объятия. Однако, судя по всему, нам снова предстоит повторить конфетно-букетный этап ухаживаний, как это уже было в прошлом.

Запасного варианта, так сказать, плана Б, для подобного развития сценария у меня не было, а потому я бросила полотенце на пол и уставилась на обилие вещей в своей гардеробной, не имея ни малейшего представления, что же мне выбрать. Но, в конце концов, я остановила свой выбор на любимых джинсах, а сверху надела короткую майку ярко-зеленого цвета с открытыми плечами. Как-никак, а Митч – горячий парень с Юга, наверняка сумеет по достоинству оценить плотно облегающие джинсы.

Тяжело дыша и обмахиваясь рукой, ибо я снова вспотела от напряжения и нервов, я вернулась в гостиную, Митч сидел на диване и разглядывал мои фотографии.

– Клянусь всеми святыми, ты стала еще краше с тех пор, как я видел тебя в последний раз. Причем я говорю не столько об этих фотографиях, сколько о тебе самой, такой, какой я сейчас тебя вижу. – Он улыбнулся.

– Спасибо. Что-нибудь выпьешь?

– Если только у тебя завалилась бутылочка колы.

– А я думала, ты пьешь исключительно травяные чаи.

– Сегодня у меня выдался очень напряженный день. Иногда, знаешь ли, хочется немного взбодриться, так что капля кофеина мне совсем не мешает.

– Пойду, взгляну, что там у меня имеется в наличии, – сказала я и отправилась на кухню. К счастью, на дверце холодильника обнаружили две банки кока-колы.

– Вот, пожалуйста! – Я протянула ему банку, зная, что он никогда не пьет колу из стакана. Считает, что это не по-мужски.

– Итак, – обронила я, тоже усевшись на диван, но на некотором расстоянии от Митча, и взяв в руки бутылку со своей якобы водой. – Как поживаешь?

– Да вот работы по горло с этим гастрольным туром. Завтра вечером даю очередной концерт, уже сотый по счету.

– Поздравляю! Это событие! – Я потянула через соломинку водку, проглотила и одобрительно кивнула. – Но, насколько я понимаю, гастрольный тур близится к своему завершению, да?

– Да. Не поверишь, не могу дождаться, когда снова вернусь к себе в Малибу. Нужно сбавить обороты и устроить небольшую разгрузку. А как у тебя дела, Электра? Где побывала за это время?

– Да вроде все нормально. Работы полно. Словом, кручусь, как белка в колесе. Все время занята. Как и ты.

– Рад слышать. Выглядишь потрясно. Честно!

– Ты тоже неплохо смотришься.

– Спасибо на добром слове, но это скорее комплимент, чем правда. Знаешь, когда месяцами приходится спать не в своей постели, это сильно выбивает из колеи. Вот отыграю зав-

трашный концерт и уйду в тень на несколько месяцев. Стар я уже стал для таких напряженных гастрольных графиков, – обронил он с ленивой улыбкой, снова глянув на меня. Скольких миллионов женщин эта его знаменитая улыбка сводила с ума.

– Не говори ерунды, Митч. Старые рокеры никогда не умирают. Бери пример с «Роллинг Стоунз».

– Да, ты абсолютно права! Тут и спорить не о чем! – Митч шутливо округлил глаза. – Ну, ступай же ко мне! Обними своего Митча.

Дважды просить меня не пришлось. Я с радостью упала в его распростертые объятия, с нетерпением ожидая того момента, когда он запрокинет мне голову и начнет целовать. Но вместо поцелуя он лишь ласково погладил меня по макушке.

– В сравнении со мной, ты еще сущее дитя, правда ведь?

– Совсем даже *не дитя*! Знаешь, при моей работе взрослеешь очень быстро. Порой я чувствую себя уже такой старой... Старше, чем ты. – Я взглянула на Митча, призывно раскрыв губы, но он глянул на меня сверху вниз с каким-то странным выражением глаз.

– Не держишь на меня зла?

– С чего бы?

– Ну, все же... я обошелся с тобой не очень хорошо...

– Это правда, ты поступил плохо. Но это же все в прошлом. Понимаю, у тебя на то были свои причины.

– Ты необыкновенно добра ко мне, Электра, но все равно я чувствую себя немного подонком. Хотя, с другой стороны, и понимал тогда умом, что нам с тобой пора завязывать... Все равно ничего не получится.

Я замерла в ожидании, что сейчас он скажет: «но хотя...»

Однако никаких «но» не последовало. Вместо этого он сказал другое.

– Я искренне рад, что ты преодолела этот кризис в наших с тобой отношениях и пошла вперед. Меньше всего на свете мне хотелось причинять тебе боль.

– Да говорю же тебе, со мной все в порядке. В полном порядке!

Да, наш разговор с Митчем развивается совсем не в том направлении, в каком бы мне этого хотелось. Я высвободилась из его объятий и снова потянулась к своей бутылке с «водой». Сделала еще один глоток.

– Такое впечатление, что ты завязала с наркотой, да?

– Завязала, – подтвердила я и отхлебнула еще один большой глоток водки. Пора открывать карты. – И все же, зачем ты явился ко мне?

– Потому... потому что хочу кое-что сообщить тебе.

– Да? Как интересно! И что же такого ты хочешь сообщить мне?

– Видишь ли, я хочу, чтобы ты узнала первой... Еще до официального объявления... У меня такое чувство, что я обязан поступить именно так. Как никак, а я – твой должник.

Я молча уставилась на Митча, не имея ни малейшего представления о том, что именно он приготовился рассказать мне, но одно я уже понимала точно: никакого повторного признания в любви не будет. С разговорами о неумирающей страсти покончено раз и навсегда.

– Я собираюсь жениться, – выпалил он. – На одной прекрасной женщине, с которой познакомился во время этого последнего тура. Она выступала у меня бэк-вокалисткой на некоторых концертах. Она тоже южанка, как и я. Понимаешь, мы с ней полностью подходим друг другу.

Я не раз слышала о том, как при определенных обстоятельствах кровь может превратиться в лед. Как это там говорят? Кровь застыла в ее жилах... Нечто подобное произошло и со мной в эту самую минуту.

– Мои поздравления! – с трудом выдавила я из себя, задыхаясь от нехватки воздуха.

– Спасибо. Наверное, я поступил по-дурачки, заявившись сюда, чтобы лично сообщить тебе эту новость. Потому что вижу, все у тебя прекрасно, и ты процветаешь...

– О да, так оно и есть. У меня действительно все прекрасно и замечательно, – обронила я, собрав в кулак все остатки своей выдержки, чтобы не схватить со стола тяжелую бронзовую статуэтку и не запустить ее в его красивую самодовольную рожу.

– Да, это чувствуется, – с готовностью согласился он. – А я вот собираюсь на завтрашнем концерте объявить своим фанатам, что женюсь. Выведу Шэрон на авансцену и сообщу все, как есть.

При последних словах Митч удовлетворенно кивнул головой, словно признавая еще раз, что весь сценарий предстоящего действия продуман им до мелочей и что он поступает правильно. Я молчала, интенсивно потягивая водку через соломинку. К сожалению, водка закончилась.

– Хочешь, я пришлю тебе билеты в ВИП-ложу на завтрашний концерт? – поинтересовался он у меня.

– Сожалею, но завтра вечером я занята, – равнодушно отреагировала я.

Митч поднялся с дивана.

– Тогда я, пожалуй, пойду. Рад был увидеть тебя в такой прекрасной форме. Будь здорова. А мне надо ухватить хоть пару часиков сна. Завтра будет очень напряженный день.

– Да, похоже, завтра у тебя будет насыщенный день, – промолвила я, не шевелясь.

Митч глянул на меня, и, видно, что-то в выражении моего лица его насторожило. Или он наконец все понял?

– Думаешь, я поступил плохо, что пришел к тебе? Но просто я...

– Митч!

– Да?

– Убирайся вон ко всем чертям из моей квартиры! *Немедленно!*

Я поднялась с кушетки и встала рядом с ним.

– Сейчас-сейчас! Уже уйду! Прости меня, Электра, – пробормотал он растерянно, направляясь к двери. – Меньше всего на свете мне хотелось доставить тебе новую порцию огорчений.

– Знаешь, у тебя это отлично получилось! На все сто!

Я опередила его и широко распахнула перед ним дверь.

– Прощай, Митч. Желаю тебе счастья с молодой женой, – выдохнула я из последних сил.

К счастью, у него хватило ума промолчать, потому что, скажи он еще хоть слово, я бы убила его прямо на месте. Едва он переступил порог, как я с громким стуком захлопнула входную дверь. Удар получился такой силы, что задребезжали стаканы, стоявшие в кухонном буфете. А потом я медленно сползла по стенке на пол и зашлась в безутешных рыданиях, изливая в слезах всю свою злость и боль.

6

– Что-нибудь еще, мисс Деплеси? – поинтересовался у меня бортпроводник.

– Да, пожалуйста, стакан воды с тоником и льдом.

– И с лимоном?

– Нет, спасибо. Без лимона.

– А что насчет еды?

Я огляделась в поисках меню.

– Вот вам, пожалуйста, карта меню, – протянул он мне карту.

У меня сильно кружилась голова, и я с трудом смогла сконцентрироваться на тексте.

– Пожалуй, я закажу жареную лапшу по-японски и салат с гарниром.

– Отличный выбор! А вино какое предпочитаете?

– Без вина. Только вода с тоником.

Бортпроводник согласно кивнул в ответ и пошел по проходу в салон первого класса. Я открыла багажный отсек для ручной клади, куда положила свою сумочку и то, что я успела купить в магазине дьюти-фри, огляделась по сторонам, чтобы убедиться, что за мной никто не подглядывает, после чего извлекла оттуда заветную бутылочку «Серый гусь», отвернула пробку и отхлебнула изрядный глоток. К тому моменту, когда передо мной снова возник бортпроводник с моим тоником, я уже оприходовала полбутылки водки. После чего откинулась на сиденье и закрыла глаза, и перед глазами, несмотря на сомкнутые веки, тут же заплескали разноцветные огни. Я понимала, что минувшей ночью приняла слишком много кокса, да и таблетки экстази мне не пошли. В любом случае, нервное возбуждение мне удалось снять только под самое утро, где-то часам к семи, но к этому времени я умудрилась проглотить еще и пару снотворных пилюль. Остальное помню смутно... Кто-то отчаянно трясет меня за плечи, пытаюсь разбудить. С трудом разлепляю глаза и вижу склонившуюся надо мной Мариам, которая объявляет, что нам уже пора в аэропорт, чтобы не опоздать на свой рейс.

– Добрый день, – слышу я снова ее голосок над своим ухом.

«*Легка на помине*», – думаю я с некоторым раздражением, разглядывая Мариам, которая припелась ко мне из своего салона бизнес-класса.

– Привет, – здороваюсь я.

– Как себя чувствуете? – спрашивает она у меня.

– Все нормально, спасибо. Вчера засиделась допоздна и потому не выпалась.

– Нам лететь до Сан-Пауло часов десять, не меньше. Думаю, у вас будет время немного отоспаться, прежде чем мы сделаем пересадку в тамошнем аэропорту и полетим дальше до Рио уже на частном самолете. А завтра у вас весь день плотно занят съемками.

– Знаю. Думаю, сумею привести себя в порядок к завтрашнему дню, – твердо обещаю я ей.

– Кстати, вы уже связывались со своей сестрой?

– Пока еще нет.

– Думаю, завтра вечером вы бы могли с нею встретиться. Или, в крайнем случае, в четверг, поскольку мы улетаем обратно ночным рейсом.

– Да. Я обязательно позвоню ей, как только мы приземлимся.

– И замечательно! Что ж, если вам что-то понадобится от меня, пошлите бортпроводника, и я тут же подбегу, – улыбнулась Мариам.

– Обязательно, – кивнула я в ответ, к счастью, в эту минуту мне подали мой тоник со льдом и орешки кешью.

– Спасибо, – поблагодарила я бортпроводника, но, как только они на пару с Мариам удалились, я, отпив полбутылки воды с тоником, одобрила напиток очередной порцией водки, как это и задумывалось изначально.

Минувшие две недели были самыми кошмарными в моей жизни. «*Ничего более страшного в ней еще не было*», – подумала я, сделав еще два больших глотка. Куда бы я ни пришла, меня везде встречали фотографии счастливого Митча на пару со своей Очень Заурядной Невестой, которые красовались на обложках всех журналов и газет; по телевизору постоянно крутили кадры того судьбоносного момента, когда во время концерта в Медисон-сквер-гарден Митч вышел на авансцену и объявил о том, что собирается жениться. Во время съемок только и разговоров было, что об этой предстоящей свадьбе. Естественно, стоило мне появиться, и все тотчас же умолкали. Однако сам кошмар продолжал вертеться у меня в голове наподобие бесконечного повтора одних и тех же новостей на канале Си-эн-эн. Просто цирк какой-то! Само собой, в этих условиях я не могла позволить себе *выглядеть так*, будто это меня как-то занимает или сильно печалит. Представляю, с каким остервенением немедленно наброси-

лась бы на меня вся желтая пресса, узри они хотя бы малейшее проявление грусти на лице бывшей подружки рок-звезды. Но я им такого шанса не дала, с головой погрузившись в светскую жизнь. Что ни вечер, меня видели либо на очередной кинопремьере, либо в престижном ночном клубе, либо на вернисаже в какой-нибудь гламурной галерее, и везде меня неизменно сопровождали самые знаковые представители мужского пола из тех, что подвернулись под руку. К счастью, Зед тоже оказался на месте, и мы с ним регулярно «светились» на всех великосветских мероприятиях; по городу даже поползли слухи, подкрепленные многочисленными публикациями в колонках великосветской хроники, что мы с ним уже почти официально «пара». Все это делалось мной вполне сознательно и специально, потому что *никто и никогда* не должен был увидеть меня плачущей.

– Никто! – снова повторила я вслух с вызовом в голосе и осушила свой стакан до дна.

– Вот ваша лапша и салат, мисс Деппеси, – сообщил мне бортпроводник, внезапно возникнув передо мной наподобие феи Динь-Динь. Он выдвинул столик, а его помощник принялся сервировать – скатерть, серебряные приборы и все остальное. Наконец перед мной поставили еду.

– Что-нибудь еще, мисс Деппеси?

– Пожалуй, бокал шампанского, – одарила я бортпроводника лучезарной улыбкой.

– Сию минуту, – послушно кивнул он головой и забрал у меня почти пустой стакан из-под воды с тоником.

– И, пожалуйста, освежите тоник, если можно.

– Конечно, мисс Деппеси.

«*Боже*, – мелькнуло у меня, – *как же это утомительно – быть мисс Деппеси*». Даже находясь над землей на высоте тридцать две тысячи футов, я не перестаю притворяться, что что-то собой представляю. Хотя на самом деле не представляю ровным счетом ничего. А вот поди ж ты! Изображаю из себя такую трезвомыслящую девушку, на дух не переносящую наркотики, у которой все и всегда под контролем.

Доев лапшу, я запила ее новой порцией тоника с водкой, потом рассеянно проглядела список кинофильмов, предлагаемых для просмотра. Но, не досмотрев и до половины последнюю серию про Гарри Поттера (почему-то я не обнаружила в перечне ни одной романтической комедии, видно, за их полной невостребованностью), я погрузилась в сон. Проснувшись, когда все остальные пассажиры уже выключили свет рядом с собой и дремали в своих креслах, укутавшись одеялами, пристегнув их сверху для пущей надежности ремнями. Я тихонько пробралась в уборную и через пару минут снова вернулась в салон: он утопал в каком-то мрачном голубоватом свете, что почему-то сразу же вызвало у меня ассоциации с летающей космической лабораторией. «*Спящие люди, они так беззащитны*», – мелькнуло у меня, пока я пробиралась к своему месту, которое за время моего отсутствия каким-то чудодейственным образом трансформировалось в кровать для сна. Да, беззащитность, продолжала я размышлять, это именно то, что я не имею права демонстрировать другим. Прояви я хоть минутную слабость, и средства массовой информации тут же растреляют на весь мир, сколько у меня проблем и как я с ними борюсь. И все жители планеты от Таллахасси до Токио, сидя за ужином, будут сочувственно покачивать головами и говорить один другому, что именно чего-то такого они и ждали от меня. И наконец, *свершилось!* Ибо такова она, цена истинного успеха.

Я глянула в окно иллюминатора: целая россыпь огней светилась где-то далеко внизу. «*Наверное, это уже Южная Америка*», – подумала я. А ведь я никогда не стремилась попасть туда. Да я и вообще никуда особо не стремлюсь. Сколько разных селебрити из числа моих знакомых не раз и не два доверительно признавались мне, как они с самого раннего детства мечтали о богатстве и славе. А я вот всю жизнь мечтала оказаться в таком мире, в котором не чувствовала бы себя чужаком, в таком мире, частью которого я являюсь. Вот это действительно мое единственное и самое заветное желание.

* * *

– Боже, какая же тут жара! Нельзя ли нам устроить небольшой перерыв? – обратилась я к режиссеру съемок. Еще только три часа дня, а я уже была, можно сказать, на последнем издыхании.

– Пожалуйста, Электра! Еще один снимок, и обещаю, на сегодня все! Должен заметить, что вы, дорогая, сегодня просто неотразимы.

Пришлось прикусить язык. Мое золотое правило – никогда не жаловаться на ужасные условия во время съемок, разве что слегка побрюзжать. Я снова вернулась на шелковистый песок пляжа Ипанема и заняла обусловленную позицию. Визажистка уже была наготове: свежий слой пудры прикрыл пот, обильно выступивший на моем лице.

– Готово! – крикнула визажистка, завершив работу и перекрывая своим криком сильный порывистый ветер, обжигающий испепеляющим жаром сверху.

– Отлично, Электра! – объявил режиссер в свой мегафон. – Сделайте три шага вперед и начинайте поднимать руки вверх. Тяните их до тех пор, пока я не скажу: «Снято».

Я вскинула палец, давая ему понять, что готова.

– Итак, внимание... Мотор!

И вот я снова вышагиваю по песку, наверное, уже в десятый раз, и молюсь лишь об одном: чтобы все это поскорее закончилось. И тут же содрать с себя это белое шифоновое платье с развевающимся сзади капюшоном наподобие парашюта, отлепить прилипшее к телу потное белье и броситься с головой в ревущие волны океана, вздымающиеся пеной за моей спиной.

– Стоп! Снято!

Однако я осталась на прежнем месте, ожидая, пока режиссер вместе с оператором еще раз проверят качество полученных кадров.

– Ребята, на сегодня достаточно! Свободны!

Я прямо на ходу стала срывать с себя платье, не дожидаясь, пока добреду по пляжному песку до тента с раздевалкой.

– Плавать пойдете? – спросила я у режиссера и у Мариам, которые одновременно просунули свои головы в палатку.

– Не уверен, Электра, что ваш страховой полис предусматривает купание в океане, когда там такие сильные волны, – тут же предупредил меня режиссер.

– Ах, перестаньте себя накручивать, Кен, – отмахнулась я от него. – Я своими глазами видела, как совсем рядом в воде барахтается малышня.

– Давайте отложим водные процедуры до завтрашнего дня, ладно? Где-то после обеда, когда мы уже точно закончим все съемки, – дипломатично возразил он. – Обещаю, я даже позволю вам утонуть, если вы сами захотите этого. Только что приехал Жоакин. Так что пока все идет по плану.

– Хорошо. Тогда я возвращаюсь в отель и поплаваю в их бассейне. А сейчас прошу извинить, но мне надо переодеться.

– Конечно, дорогая! Что за разговор! – Кен поспешил покинуть палатку, а Мариам осталась. Она протянула мне бутылку воды.

– Отличная работа, – сказала она, улыбаясь. – На пленке все смотрится просто потрясающе.

– И слава Богу! А сейчас поскорее выметаемся отсюда, – пробормотала я себе под нос и, повернувшись к ассистентке, помогающей мне с гардеробом, улыбнулась приторной улыбкой.

– Спасибо вам. Вы мне сегодня очень помогли.

– Работать с вами, Электра, для меня одно удовольствие. Увидимся завтра, ровно в семь утра, – ответила она на английском, но с очень сильным местным акцентом.

На подходе ко «Дворцу Копакабана» меня уже поджидала толпа фанатов, жаждущих автографов. Не успела я выйти из машины, как раздался радостный рев десятков голосов. Я тут же наклеила на лицо улыбку, дежурно улыбаясь направо и налево в их фотоаппараты, попутно подписывая свои фотографии и оставляя автографы в блокнотах.

Очутившись в вестибюле, я тут же ринулась к лифту: не могу дождаться, когда попаду к себе в номер.

– Мне поехать с вами? – поинтересовалась у меня Мариам.

– Не надо. Я сейчас приму холодный душ и лягу немного отдохнуть. Сегодня такой тяжелый день.

– Но вы же собирались пойти в бассейн, – напомнила мне она, когда растворились дверцы лифта.

– Может быть, но попозже, – ответила я, входя в кабинку, и тут же нажала на кнопку своего этажа. – Я вам перезвоню, – крикнула я уже в закрывшиеся дверцы.

У себя в номере я первым делом ринулась к своей сумке и сразу налила себе водки. Руки у меня заметно тряслись, когда я поднесла стакан ко рту. Само собой, отправляясь в путь самолетом международных авиалиний, я и подумать не могла о том, чтобы прихватить с собой запасы наркотиков. Решила, что разберусь с этим на месте: наверняка ведь в съемочной группе отыщется кто-то, кто поделится со мной своим добром. Однако, как назло, команда подобралась образцовая: все, как один, чистенькие (судя по имеющейся у меня информации), да и не нашлось никого, кому я могла бы полностью довериться.

Однако же я как-никак в Южной Америке, где наркотрафик – это, пожалуй, самый прибыльный в мире бизнес. Если уж что, то в самом крайнем случае обращусь к консьержу. В конце концов, это же Бразилия: наверняка он мне поможет.

Не успела я переступить порог душевой кабинки и включить душ, как зазвонил стационарный телефон в номере. Но я проигнорировала звонок. Мало ли кому вздумалось трезвонить мне? Лично я на данную минуту не желаю общаться ни с кем.

Стоя под струей холодной воды, я изрыгала вслух потоки всевозможных ругательств. Пожалуй, Ма содрогнулась бы от ужаса, услышав, как я умею ругаться. Ведь она учила нас, сестер, с самого раннего детства, что ругаться – это плохо, даже очень плохо. Впрочем, Митч сполна заслужил все мои словарные изыски, все, до единого. Схватив банное полотенце, я снова вернулась в комнату и увидела, как мигает мой мобильник, уведомляя о поступлении голосового сообщения. Я взяла его в руки и нажала на клавишу прослушивания: наверняка это кто-нибудь из обслуживающего персонала. Интересуются, когда можно подойти в номер и поменять постельное белье.

Однако, включив голосовой ящик, я услышала ласковый голос своей старшей сестры Майи.

«Здравствуй, Электра. Какая жалость, что я ничего не знала о твоём приезде в Рио. Флориано случайно высмотрел твою фотографию в сегодняшней утренней газете, они сообщили, что ты поселилась во “Дворце Копакабана”. Не знаю, как долго ты пробудешь у нас, но я бы так хотела встретиться с тобой. Я ведь живу совсем рядом с отелем, буквально за углом. Мой номер телефона...»

Я схватила карандаш, лежавший рядом с телефоном, и пометила номер Майи в блокноте. Потом мысленно прикинула свои планы на предстоящий вечер. Намечался общий ужин для всей съемочной группы в каком-то фешенебельном ресторане, и я пообещала, что тоже приду на него. Хотя, конечно, могу с легкостью и отказаться, сославшись на страшную усталость. По словам Майи, она живет рядом. Так что мешает мне проигнорировать совместный ужин с коллегами, заменив его на визит к старшей сестре? Заодно познакомлюсь и с ее новой родней.

Но, по правде говоря, мне в равной степени не хотелось ни в ресторан, ни в гости к сестре. Я бы с радостью зарылась сейчас с головой в подушку и начисто забыла о том, где я и кто я.

– Боже! Мне позарез нужен кокс! Немедленно! – воскликнула я вслух и впервые подумала о том, что единственным недостатком моего нового пресс-секретаря является то, что Мариам вся такая чистенькая и неиспорченная. Помнится, с Эми мне было гораздо проще разрулить подобные ситуации: она всегда помогала мне раздобыть дозу, да, наверное, и сама была не чужда этой слабости. А вот Мариам наверняка сразу же грохнется оземь и лишится чувств, если я только заикнусь ей о том, что хочу водку с тоником. Не говоря уже о чем-нибудь другом...

Раздался звонок в дверь, но я оставила его без внимания. Где-то через полминуты звонок повторился.

– Кто там? – спросила я громким голосом.

– Это я, Жоакин, – ответил мужской голос за дверью. Такой глубокий баритон...

– Жоакин? – удивилась я. «А кто это такой?»

Но тут меня ударило по темечку, как сказал бы папа: так это же коллега, фотомодель-мужчина, мой новый партнер по съемкам, приобретший в последнее время бешеную популярность в Нью-Йорке. Помнится, режиссер упомянул в разговоре, что он уже прилетел сегодня в Рио и готов к завтрашним съемкам.

– Одну минутку! Уже иду.

Я схватила халат и поспешно набросила его на себя, а потом пошла открывать дверь.

– *Ola*, Электра.

Парень улыбнулся ленивой улыбкой, черные кудри обрамляли густой копной его красивое лицо. Пожалуй, его красота ничуть не уступала моей, да и своей известностью он уже почти догнал меня. Я окинула его взглядом с головы до ног и тоже улыбнулась.

– Здравствуй. Проходи.

– Для меня большая честь познакомиться с тобой, Электра. Я тебя не побеспокоил?

– Ничуть! Проходи же! – Я распахнула дверь пошире.

– Я вот тут подумал, коль скоро нам с тобой завтра предстоит целоваться на съемках, то не мешает все же для начала представиться тебе лично.

– Ты прав! – Я жестом указала на диван. – Присаживайся.

Я молча проследила за тем, как он пересек комнату, и тут же решила про себя, что да! – парень то что надо! Самый настоящий мачо!

– Что-нибудь выпьешь?

– А что у тебя есть?

– Что скажешь... Содержимое мини-бара в нашем распоряжении. Но можем заказать и в номер, – неопределенно пожала я плечами в ответ.

– Тогда давай по бокалу шампанского, *sim*?

– Давай, если тебе хочется.

Я позвонила вниз и заказала бутылку шампанского «Тетенже» со льдом.

– Знаешь, это просто фантастика! – широко улыбнулся Жоакин, обнажив в улыбке белоснежные ровные зубы.

– Что фантастика?

– Да вот еще год тому назад я жил в Рио, ровнял песок на местном пляже, здесь, прямо через улицу. – Он показал в окно на ровную белую полосу пляжа Ипанема, который раскинулся под нами. – А потом ко мне подошла какая-то американка и сказала, что сделает из меня звезду. И вот я сижу здесь, в самом лучшем номере отеля «Дворец Копакабана», и разговариваю с одной из самых известных женщин в мире.

– Со мной тоже произошло нечто аналогичное. Тоже такое, знаешь ли, волшебное превращение. Как в сказке, не правда ли?

– *Sim*, и правда, как в сказке. И вот завтра мы с тобой будем стоять на том самом пляже, на котором я совсем недавно ровнял песок, и я буду целовать тебя. И получу за это больше денег, чем заработал здесь за пять лет.

Я окинула парня более внимательным взглядом. На вид не больше двадцати. Совсем еще мальчишка! В сравнении с ним я почувствовала себя старухой.

– Электра, можно я тебе признаюсь кое в чем?

– Ради бога!

– У меня до сих пор висят над кроватью в спальне, которую я раньше делил со своими младшими братьями, твои фотографии. Ты для меня – как это там говорится? – красавица с обложки!

– Как мило! Спасибо! – В дверь позвонили. Подали шампанское.

– Итак, – подняла я свой бокал, когда официант удалился. – Пью за твой успех. Я видела твои портреты на билбордах по всему Нью-Йорку. Ты уже знаменитость.

– Ну, положим, до твоей известности мне еще далеко, – улыбнулся Жоакин по-мальчишески озорно и весело, а потом сделал глоток из своего бокала.

– Знаешь, наша работа, она во многом похожа на американские горки. Но если тебе понадобится когда-нибудь мой совет, я к твоим услугам. И в твоём распоряжении. Мне через многое пришлось пройти, – добавила я с чувством.

– Но ты по-прежнему в тренде и востребована на все сто! А вот мой агент постоянно твердит мне, что моя известность скоротечна, как пламя свечи. Слава увянет, как только догорит свеча. А потому я должен вкалывать и вкалывать, чтобы свеча продолжала гореть. Не хочу снова возвращаться сюда и разгребать песок на пляже. – Жоакин снова кивнул в окно. – Мне надо вести себя подобающим образом, да?

– Пожалуй, что так. Ты же, наверное, уже понял, какая это коварная штука – слава.

– Еще как понял! Люди не дают мне прохода на улицах или в баре. Все хотят сфотографироваться со мной, просят автографы. А уж графики работы! Мама миа! – Жоакин шутливо взъерошил на голове свои кудри. – Я тут прикинул, что только за последний месяц умудрился побывать аж на трех континентах. Просыпаюсь и сам не знаю, где я. Но я не жалею! Потому что понимаю, как мне сказочно повезло.

– Да, для всего этого нужна изрядная сила духа, – промямлила я, осушив свой бокал до дна и снова налив ему и мне шампанского. – Вот и шампанское позволяет немного взбодриться.

– О, я иногда позволяю себе не только шампанское. Взбадриваю себя тем, чем не должен.

Он сунул руку в карман своих джинсов и извлек оттуда маленький пакетик с белым порошком.

– Не возражаешь, если я...? – Он жестом показал на пакетик.

В эту минуту я вполне искренне поверила в то, что Бог есть. И Санта-Клаус, и этот восточный Будда тоже.

– А что, если я скажу, что возражаю? – улыбнулась я в ответ, наблюдая за тем, как он отсыпал немного порошка на столик.

Он сразу же переменялся в лице, глянув на меня с испугом.

– Тогда я, конечно, не стану, Электра. Но те люди, которые работают с тобой, сказали мне, что ты... как бы не против...

Наступила моя очередь испугаться, хотя я постаралась ничем не выдать своего смутения.

– Ну, изредка балуюсь, это правда. Но при этом, естественно, стараюсь, чтобы подобные опыты не вошли в привычку.

– Однако же мы сейчас с тобой во «Дворце Копакабана», и сегодня я впервые увидел тебя живьем. Хочешь попробовать?

«Хочу ли я?» Я из последних сил пыталась сохранить спокойствие.

– Почему бы и нет? – невозмутимо спросила я.

– Тогда ты первая. Это очень хороший порошок. Один приятель в Рио достал мне его по случаю.

Меня уже переполняло радостное предвкушение будущего блаженства, и я громко рассмеялась.

– *Отличная новость!* Может, дашь мне на всякий случай номер телефона твоего приятеля? Вдруг мне тоже понадобится взбодрить себя?

– За сегодняшний вечер не переживай, Электра. У меня с собой хватит на двоих.

Жоакин отыскал стереосистему и включил музыку. Потом мы с ним устроились на террасе с видом на пляж Ипанема. Внезапно жизнь моя снова стала прекрасной, а мой новый приятель с каждой минутой становился все более и более привлекательным.

– Собираешься на сегодняшний ужин? – спросил он у меня.

– Вообще-то я собиралась, да, но что-то мне уже расхотелось.

– И мне тоже не очень хочется. Я ведь у себя дома, в родном городе. Хочется гулянуть в хорошей компании. Я могу пригласить тебя в такое место, о котором иностранцы даже и не подозревают. Знают только местные.

– С удовольствием отправлюсь побродить с тобой по Рио. Мне редко удается *хорошенько познакомиться* с теми городами, в которых я бываю.

Я поднялась с дивана, чтобы позвонить Мариам, и Жоакин тут же подскочил ко мне сзади и обнял за талию.

– А давай устроим вечеринку прямо здесь, у тебя в номере. Только ты и я!

Я почувствовала, как его гибкие бедра энергично раскачиваются в такт музыке. Но вот он развернул меня к себе лицом и, не теряя времени даром, впился горячим поцелуем.

Где-то через час в дверь номера позвонили. Само собой, я никак не отреагировала на звонок. Но тут забарабанил уже мой мобильник.

– Подожди минутку, – сказала я, целуя Жоакина, выскользнула из постели и, набросив на себя халат, поплелась в гостиную за телефоном.

– Электра, это Мариам. Я стою у вас под дверью.

– Этого еще не хватало! – пробормотала я в сердцах и пошла открывать дверь, попутно подобрав конверт, который кто-то просунул мне в дверную щель.

– Привет! – поздоровалась я со своей секретаршей, напустив на себя заспанный вид, хотя на самом деле все во мне бурлило полной жизнью.

– Электра, вы еще не одеты, а через пятнадцать минут нам пора отправляться на ужин.

– Прошу простить меня, но что-то я сегодня расклеилась. Извинитесь за меня перед остальными, скажите, что мне нездоровится. И что я собираюсь пораньше лечь спать.

– Ладно...

Я видела, как Мариам буравит меня своим внимательным взглядом. Я протянула ей конверт, который только что подняла с пола.

– И вот с этим разберитесь, ладно? Обещаю, завтра я уже с самого утра буду в полном порядке. До завтра!

– Ладно! – снова повторила она. – Только не забудьте зарезервировать себе звонок от дежурного на шесть тридцать, чтобы не проспять.

– Обязательно!

– Поправляйтесь.

– Спасибо. Приятного вечера.

Я тут же захлопнула дверь, предусмотрительно заперев ее еще и на цепочку. Потом подошла к журнальному столику и соорудила себе еще одну кокаиновую дорожку, после чего, удовлетворенная и умиротворенная, вернулась в страстные объятия Жоакина.

7

Наверное, потому что мы с Жоакином успели за минувшую ночь, что называется, притереться друг к другу, съемки прошли фантастически гладко, как говорят в таких случаях, без сучка и задоринки. К четырем все уже было отснято.

– Помните, я говорила вам, что письмо, которое оставил вам консьерж под дверью вашего номера, это от вашей сестры Майи? – спросила у меня Мариам, пока я переодевалась в палатке.

– Помню, почему же мне не помнить? У меня еще пока с мозгами полный порядок, – окрысилась я в ответ, натягивая на себя шорты.

– Может, позвоните ей, когда вернетесь к себе в отель? Она пишет, что сегодня вечер у нее свободный, а мы отправимся в аэропорт часов в десять, не раньше.

– Конечно, позвоню, – ответила я, чувствуя, как во мне нарастает новая волна раздражения. В последнее время я все чаще стала замечать, что Мариам ведет себя как самая настоящая мамаша, такая чересчур требовательная и очень-очень заботливая мамочка. Тем не менее у себя в номере я набрала номер телефона Майи, который записала вчера.

– *Oi!* – услышала я мягкий голос сестры на другом конце провода.

– Привет, Майя. Это я, Электра.

– Электра! Не могу поверить, что ты в Рио! Как долго ты еще у нас пробудешь?

– Улетаю сегодня в полночь.

– Так загляни хотя бы на пару часиков к нам. Познакомлю тебя с Флориано и с Валентиной.

– Вряд ли получится, – ответила я, вспомнив, что уже буквально через двадцать минут у меня очередное любовное свидание с Жоакином. – Давай пересечемся по-быстрому в баре тут же при отеле часов в восемь, перед тем, как мне ехать в аэропорт.

– Хорошо. Я обязательно приду.

– Попроси консьержа, чтобы он позволил тебе пройти прямо ко мне в номер. А я его заранее предупрежу, что ты придешь.

– Ладно! Не могу дожидаться той минуты, когда увижу тебя, Электра.

– Я тоже. Пока.

Я положила трубку на рычаг, быстро соорудила себе кокаиновую дорожку из тех запасов, что мне оставил вчера ночью Жоакин, и отправилась в душ. Потом позвонила вниз на ресепшн и заказала в номер бутылку водки и бутылку шампанского со льдом. Минут через десять Жоакин появился в моем номере, и мы почти сразу же завалились в постель.

– Ты бесподобна! – шептал он мне на ухо. – Я не могу насытиться тобой.

Почти сразу же после любовных утех мы оба уснули, а когда проснулись, то снова нюхнули кокса и опять занялись любовью. А когда я пожаловалась ему, что с трудом заставляю себя бодрствовать, чтобы не уснуть, он тут же извлек из своего бумажника пару каких-то таблеток.

– Попробуй вот это, Электра. Они тебя взбодрят, как ничто другое на свете.

Я проглотила одну таблетку и запила ее шампанским, Жоакин последовал моему примеру. Минут через десять мы снова занялись любовными упражнениями, потом вместе приняли душ и отправились на террасу. Все время громко смеялись, пока Жоакин обучал меня голую, как надо правильно танцевать самбу.

– А вдруг нас кто-нибудь сейчас увидит? – испугалась я в какой-то момент, глянув через балюстраду вниз, туда, где виднелся бассейн.

– И что такого? По-моему, мы красиво смотримся вместе, – улыбнулся он и поцеловал меня в губы.

– Нет-нет!

Даже в состоянии алкогольно-наркотического помутнения я понимала, что подобные игры весьма опасны, а потому быстро оттолкнула Жоакина от себя и потащила его назад в комнату.

А там нас уже поджидали, стоя в гостиной, моя старшая сестра Майя и Мариам.

– Вот так сюрприз! – воскликнула я, пытаясь рукой прикрыть свой срам. Глянула на Жоакина, который схватил подушку с дивана и тоже закрыл ею свое причинное место. Глянув на ошарашенные лица своего пресс-секретаря и Майи, я разразилась истеричным смехом.

– Полагаю, барышни, вы стучали в дверь?

– И стучали, и звонили, но, в конце концов, стали волноваться, вызвали администратора, и он впустил нас в номер, – принялась объяснять мне Мариам. В эту минуту я бы с большим удовольствием отхлестала пресс-секретаря по ее наверняка еще невинным щечкам, не знакомым с алкоголем и прочими радостями жизни. – Сейчас принесу вам халат, Электра.

– Пожалуй, мне лучше уйти, – подал голос Жоакин, устремляясь вслед за Мариам в спальню.

– Пожалуйста, присаживайся, – обратилась я к Майе, когда Мариам подала мне халат.

– Через сорок минут мы выезжаем в аэропорт. Пойду, упакую ваши вещи, – тихо промолвила она.

– Спасибо.

Из спальни возник уже полностью одетый Жоакин, и я сердечно обняла его на прощание.

– До встречи в аэропорту? – спросила я у него.

– Нет, я еще остаюсь в Рио, а потом лечу в Мехико. У меня там съемки для мужского глянцевого журнала «Джи Кью».

– Ладно! – понимающе кивнула я. – Но ты не теряйся из виду, будь на связи, ладно?

– Я сразу же позвоню тебе, как только вернусь в Нью-Йорк, – пообещал мне Жоакин. – Чао, Электра. *Adeus, senhora*, – раскланялся он с Майей, покидая номер.

– Шампанского хочешь? – предложила я сестре, взяла бутылку, стоявшую на журнальном столике, и слегка встряхнула ее. – Ого! Да тут почти ничего уже не осталось! Я сейчас закажу новую бутылку.

– Не надо, Электра. Спасибо.

– А что еще тебе предложить? – поинтересовалась я у сестры и плеснула себе в стакан немного водки из той бутылки, которую заказала ранее.

– Ничего мне не надо. Спасибо. Все чудесно. А у тебя?

– И у меня тоже. В восторге от Рио! Обалденный город!

Майя молча наблюдала за тем, как я пью водку. Осушив стакан до дна, я поставила его на стол и принялась внимательно разглядывать старшую сестру.

– Знаешь, ты действительно красавица номер один в нашей семье. Это ты должна была делать мою работу. Честно!

– Спасибо за комплимент.

– Нет, я серьезно говорю, – сказала я, разглядывая черные блестящие волосы на ее великолепной головке, безупречно чистую и гладкую кожу, огромные карие глаза, которые сразу же напомнили мне глаза Жоакина. – Ты самая настоящая красавица и, по-моему, стала еще красивее с тех пор, как я видела тебя в последний раз, – добавила я, сопроводив последние слова энергичным кивком головы.

– Наверное, это потому, – ответила Майя своим нежным, таким задушевым голосом, – что я сейчас счастлива. А ты, Электра? Ты счастлива?

– О! – Я широко развела руки в стороны. – Я в полном экстазе! Скажи, ну разве Жоакин не чудо? Кстати, он бразилец. Если все бразильские мужчины такие же красавцы, как он, то я подумаю над тем, чтобы перебраться сюда на постоянное место жительства. Почему бы и нет?

– Нам пора в аэропорт, Электра, – услышала я за спиной голос Мариам. – Я сложила все вещи, которые вы обычно надеваете в дорогу, прямо на кровати.

– Спасибо, – поблагодарила я и схватила со стола стакан с водкой. И меня тут же повело в сторону. – Надеюсь, про белье вы не забыли? – глупо хихикнула я. – Я скоро! – добавила я, обращаясь к Майе и слегка махнув ей ручкой, после чего исчезла у себя в спальне.

Мне было слышно, как моя сестра и Мариам о чем-то негромко переговариваются между собою явно встревоженными голосами.

– Послушайте, Мариам! – крикнула я через закрытую дверь. – Я проголодалась! Закажите мне большой бутерброд с ветчиной, ладно?

– Хорошо, – ответила Мариам.

Я уселась на кровать и попыталась натянуть на себя лосины, но вскоре поняла, что про-сунула ногу не в ту штанину, что снова вызвало у меня приступ хохота. И тут я подумала, надо же, как они похожи друг на друга, Майя и Мариам. Обе такие уравновешенные, невозмутимые... Никогда не догадаешься, о чем они там думают. *И к тому же...*

– А знаете что? Мне только что пришло в голову, что ваши имена очень похожи. Мариам можно легко переделать в Майю! – объявила я им, снова возникая в гостиной, и со всего раз-маха плюхнулась на диван. – Круто, правда?

Они как-то странно улыбнулись, но тут в дверях появился мужчина в униформе.

– Вы за мной? – игриво поинтересовалась я у него и тут же хихикнула.

Мариам подошла к нему и перекинулась парой слов. Мужчина исчез так же незаметно, как и появился.

– Да шучу я! Шучу! Ясное дело, он пришел, чтобы отнести мой багаж вниз.

– Послушай, Электра, – обратилась ко мне Майя. – Мы тут с Мариам переговорили и вот что подумали. А что, если ты останешься в Рио вместе со мной еще на пару деньков? Тем более ты сама только что сказала, что город тебе очень понравился.

– Понравился. Но не в последнюю очередь потому, что я провела здесь прекрасное время с Жоакином. Понимаешь меня? Все было просто супер-пупер!

– Понимаю, – согласилась со мной сестра. – То, что у вас все на мази, как говорится, было заметно и невооруженным глазом. Вы с ним действительно отлично ладили.

– Что правда, то правда.

– Так как ты смотришь на то, – продолжила Майя после короткой паузы, – чтобы остаться здесь еще на одну ночь? Постараешься немного поспать, а завтра решим, хочешь ты остаться еще на день-другой или нет.

– В вашем рабочем графике нет никаких срочных дел вплоть до самых выходных, – тут же подала голос Мариам.

– Я... я сама не знаю, – протянула я задумчиво и тут же сладко зевнула. Однако перспек-тива улечься на огромную удобную кровать, поджидающую меня за дверью спальни, вместо того чтобы тащиться сейчас в аэропорт, а потом лететь бог знает сколько часов... И все для того, чтобы в итоге попасть – куда? – в свою пустую квартиру, такая перспектива во всех отно-шениях представлялась мне более привлекательной.

– Жоакин тоже завтра еще будет в Рио, – попутно вспомнила я и улыбнулась. – Он сам мне сказал.

– Все так, – подтвердила Майя.

– Так что решаем? – Мариам подошла ко мне ближе. – Остаемся? Устроим себе неболь-шие каникулы?

– Остаемся, – согласилась я.

– Тогда я иду вниз. Нужно продлить ваше проживание в номере, а потом перерегистри-ровать наши авиабилеты на другое число. Так?

– Все верно.

Когда Мариам ушла, Майя приблизилась к дивану, уселась рядом и взяла меня за руку.

– Мариам – чудесная девушка, не правда ли?

– Да, сущий ангел во плоти. Что порой раздражает и даже несколько выводит из себя, – добавила я, многозначительно вскинув брови.

Я почувствовала, как Майя буквально пожирает меня взглядом.

– Что не так? – спросила я у нее, заметно нервничая.

– Все так. Я вот сижу и думаю, как же я тебя люблю, моя младшая сестренка.

– Я тебя тоже люблю, моя самая старшая сестра.

Я глянула на нее и увидела, что ее глаза полны слез.

– Это что еще такое?! Почему ты плачешь? Или ты не рада видеть меня?

– Очень рада, Электра! Честное слово! Я счастлива нашей встрече! А сейчас, – продолжила она, заметив, как я снова зевнула, – пойдем к тебе в спальню, я уложу тебя в постель, как укладывала когда-то, когда ты была совсем маленькой, а потом расскажу тебе какую-нибудь занимательную историю.

На меня мгновенно нахлынули воспоминания далекого детства: Майя, подросток, наверное, лет тринадцати, не более, сидит возле моей кровати и читает мне вслух сказки. Как-то она сказала мне, что в переводе с греческого ее имя Майя означает «мать». Помню, я тогда еще подумала, что если бы у меня была родная мать, то очень хотелось бы, чтобы она была похожа на мою старшую сестру.

– Идем! – с готовностью согласилась я, поднимаясь с дивана и все еще не очень уверенно держась на ногах, и побрела вместе с Майей к себе в спальню.

– Эй, ты где? – окликнула я сестру, сворачиваясь калачиком на кровати и разглаживая простыни, измятые после всех тех упражнений, которые мы с Жоакином проделали на них. – Здесь и для тебя достаточно места! Ложись рядом!

Майя слегка разгладила рукой покрывала на своей половине кровати и осторожно улеглась на них сверху. И сразу же протянула мне свою руку. Я взяла ее и сжала изо всех сил, чувствуя, что туман в моей голове после всех излишеств в виде таблеток экстази и кокаина начинает мало-помалу рассеиваться.

– Знаешь, а ведь я всегда считала тебя своей самой любимой сестрой, – доверительно сообщила я Майе, поворачиваясь к ней лицом.

– Правда? Как это мило с твоей стороны, Электра. Тогда и я признаюсь тебе в том, что с самого раннего детства ты мне казалась совершенно необыкновенным ребенком. Несмотря на все твои крики и постоянные ночные концерты.

– А я знала, какую кличку вы с Алли мне придумали.

– Неужели?

Я увидела, как Майя вспыхнула от смущения, даже ее лебединая шейка покрылась краской стыда.

– Да, знала. Вы же между собой обзывали меня «Трики». Типа та еще штучка! Но почему именно такое прозвище вы для меня выбрали?

– Ну, ты же Электра, то есть *электричество*. Отсюда и эта Трики. Прости, милая, если это обижало тебя. Мы ведь просто подшучивали над тобой, только и всего. Никаких намеков на твой трудный характер.

– В детстве я обижалась, да. Но, возможно, вы были правы. К тому же с тех пор я не сильно изменилась. Как была непредсказуемой, так и осталась. – Я почувствовала, как у меня защипало в глазах от подступивших слез.

– Вполне возможно, в твоей жизни и случались какие-то временные срывы и неурядицы, но во многом, скажу тебе, ты у нас – самая яркая из всех сестер. И очень умная к тому же... Я помню, как во время наших летних круизов на папиной яхте он всегда устраивал для нас всякие математические игры и викторины, и ты неизменно выходила победительницей.

– Правда? Тогда чего же я росла такой тупицей? Ты же знаешь, я успешно завалила все свои школьные экзамены.

– Да тебе было просто на них наплевать. Ты же не готовилась ни к одному из них, вот и завалила.

– Это правда, чистая правда, – согласилась я с сестрой. – Майя, можно мне чашечку кофе, как думаешь? Что-то меня совсем сморило.

– Сейчас закажу. Тебе с кофеином или без?

– Только с кофеином и никак иначе! – воскликнула я, глядя, как она берет телефонную трубку. – Эта гадость без кофеина, якобы для здоровья... Она только для таких, как Митч. Тот уж больно печется о своем здоровье. Для него его тело – это самый настоящий храм.

– Даже так? – рассеянно обронила Майя, ожидая ответ администратора. – Я недавно видела его фотографию в каком-то журнале. Больше похож на старую развалюху.

Майя принялась диктовать в трубку заказ на кофе, а я невольно хихикнула. Подумать только! Развалюха... Но смех как-то сам собой трансформировался в стон, который сменился громкими всхлипами.

– Что случилось, девочка моя? – ласково спросила у меня сестра.

– Ай, да ничего такого... точнее, все сразу! – ответила я сквозь слезы, которые градом катились по моим щекам. – И конечно, прежде всего Митч. Наш с ним разрыв дался мне тяжело. Очень тяжело...

– Понимаю тебя, родная моя. Очень понимаю. Догадываюсь, что ты к тому же должна была держаться изо всех сил и не показывать никому своих истинных чувств. Так ведь?

– Именно так! Вся эта желтая пресса... Представляю, какую пляску они устроили бы на моих костях! А я не хочу, чтобы меня кто-то жалел.

– Но я, слава богу, не из желтой прессы. Я твоя сестра, сестра, которая любит тебя. Иди же ко мне.

Майя обняла меня и прижала к груди, и я с наслаждением вдохнула в себя естественный аромат ее тела.

– Прямо как когда-то дома, – невольно улыбнулась я.

– Как приятно слышать это.

– Знаешь, несколько недель тому назад я побывала в Атлантисе, но я не почувствовала себя там дома. – Я энергично потрянула головой. – Атлантис перестал казаться мне родным домом.

– Понимаю тебя, Электра. Это потому что там больше нет папы.

– И не только папы. Вы ведь все тоже разлетелись кто куда. Довольно грустно было коротать время в обществе только Ма и Клавдии.

– Но Алли говорила, что вы с ней встретились и ты даже познакомилась с ее сынишкой Бэром.

– Да, чудесный малыш. Просто супер! Повезло ей! У нее сейчас есть кого любить и кто будет любить ее. А я... А у меня никого нет. Мне некого любить...

И я снова разрыдалась, уткнувшись сестре в грудь и орошая потоками слез ее белоснежную блузку, такую же чистую и свежую, как и она сама.

– Прости... что-то я совсем расклеилась... Это все, наверное, из-за порошка, которого я нанюхалась.

Слова сорвались с моих уст сами собой, и я поняла, что впервые озвучила причину всех своих бед постороннему человеку.

– Я знаю.

– А еще, – я громко шмыгнула носом, – хочу повиниться за то, как я скверно обошлась с тобой, когда приехала в Атлантис сразу же после смерти папы.

– Да? А я что-то ничего не помню такого.

– Да, я, как всегда, была несносна. Помнишь, как я бросила тебе прямо в лицо, что все равно, как ты выглядишь, коль скоро, сидя в этой дыре, ты месяцами не видишь ни одной живой души. Честно, я не хотела тогда обидеть тебя, Майя. Ты же такая славная, добрая... Само совершенство! В тебе есть все то, чего и близко нет в моем характере.

В дверь позвонили, и Майя, поднявшись с кровати, пошла забрать у официанта кофе.

– Вот твой кофе, – промолвила она через минуту, протягивая мне чашку. Я села на постели, голова раскалывалась, там внутри что-то грохотало и гремело. Чувствуя позывы к тошноте, я снова откинулась на подушки.

– Через пару минут, ладно?

– Конечно! Дорогая моя Электра.

– Слушаю тебя.

– А тебе не кажется разумным на какое-то время завязать со всеми этими твоими привычками и даже обратиться за помощью к кому-нибудь?

– Да помощников у меня хоть отбавляй! – подавила я тяжелый вздох. – Только за последние несколько месяцев я сменила целых пять психотерапевтов.

– Да, не очень весело. Но я имею в виду несколько другое: может, тебе нужна более... грамотная помощь, что ли?

– Как это?

– Я знаю одно очень хорошее место в Аризоне. Там в свое время проходил курс лечения друг Флориано, после чего словно родился заново. Я...

Несмотря на головокружение, я снова уселась на постели и сверкнула на сестру глазами.

– То есть ты на полном серьезе хочешь упечь меня в какую-то клинику для наркоманов, да? На реабилитацию, так сказать.

– Может быть, и так. По словам Мариам, – Майя подавила вздох, замолчав на какое-то время, видно, подбирая нужные слова, – тебя колошматит все последнее время.

– Ничего меня не колошматит! А то, что настроение скверное, так оно и понятно. Любовь всей моей жизни ничтоже сумняшеся объявляет мне, что он собирается жениться на другой женщине. Естественно, все средства массовой информации словно с цепи сорвались, набросившись на эту новость. Так что, по-твоему, я должна была делать? Прыгать от радости?

– Ты его любила по-настоящему, да?

– Да, любила. Но я постараюсь как-то пережить это. Просто выдалось несколько плохих недель подряд, только и всего. А с чего это Мариам вдруг пустилась рассказывать тебе про меня всякий вздор?

– Ничего такого она не рассказывала, Электра. Но она беспокоится за тебя, волнуется...

– Она волнуется, чтобы не потерять свою гребаную работу! Вот за что она беспокоится!

– Электра, милая, пожалуйста, успокойся!

– Вау! – взорвалась я окончательно. – Как же я ненавижу эту фразу! Именно ее! Не счесть, сколько раз вы все вместе, папа, Ма и вы, сестры, твердили мне эти самые слова!

– Прости, я просто хотела помочь и...

– А ты не хоти! Сама со всем справлюсь, и все у меня будет в порядке! – Последнюю реплику я сопроводила яростным кивком головы. – Именно так! В полном порядке. Давай поговорим о чем-нибудь другом. Ну, пожалуйста...

– Хорошо, Электра, но...

– Никаких «но»! Лучше расскажи мне какую-нибудь занимательную историю. Ты же у нас большая мастерица по части историй.

– Ладно... – Майя бросила на меня нерешительный взгляд. – О чем тебе рассказать?

– Расскажи мне свою историю. О том, как ты познакомилась со своим парнем в Рио и как потом влюбилась в него.

– Хорошо. Но, может, для начала выпьешь свой кофе?

– Нет, пока не буду... Чувствую себя отвратительно, просто выворачивает меня наизнанку. Ну, давай же, рассказывай! Ты и Флориано – кстати, у него чертовски красивое имя – и что было потом? Постарайся отвлечь меня от моего собственного дерьма. – Я призывно похлопала рукой по покрывалу рядом с собой, и Майя снова вскарабкалась на кровать. Я тут же положила ей голову на грудь, но глаза оставались открытыми, потому что всякий раз, как я только пыталась закрыть их, у меня начинала кружиться голова. Майя принялась гладить меня по волосам, и это так успокаивало.

– Впервые мы встретились с ним, когда я поехала знакомиться с нашей достопримечательностью номер один. Я имею в виду статую Христа Спасителя. Тебе тоже не мешает побывать там до своего отъезда из Рио, потому что эта статуя потрясает воображение, настолько она прекрасна. Так вот, Флориано работал там экскурсоводом, и так получилось, что мы...

Я выслушала историю любви своей сестры. Она была такой же романтичной и красивой, как и те сказки, которые она когда-то мне рассказывала.

– И после этого вы зажили вместе и жили долго и счастливо, да?

– Надеюсь, что так. Конечно, мой Флориано вовсе не принц на белом коне, и денег у нас в обрез, но мы счастливы, и это главное.

– А что о той родственнице, которую тебе помог отыскать Флориано? Ты познакомилась с ней?

– Да. Но на тот момент она уже была очень больна и, к великому сожалению, умерла вскоре после нашей встречи. Думаю, мне повезло, что я провела хоть немного времени рядом с ней.

– Тогда расскажи мне всю свою семейную историю, Майя, – тут же набросилась я на сестру, стараясь всеми возможными способами отвлечь свое внимание от кокса, который лежал совсем рядом со мной, в ящике прикроватной тумбочки. Я понимала, что, приняв еще одну дозу, я никогда не усну. А сон – это именно то, что мне было отчаянно нужно. Господи, как же хорошо мне спалось, когда рядом со мной был Митч.

Тогда Майя принялась рассказывать мне про того человека, который задумал и изваял статую Христа Спасителя, и о молодом скульпторе, в которого влюбилась ее прабабушка и...

И тут я, кажется, уснула. Потому что вдруг почувствовала, как Майя целует меня в лоб и выключает свет в комнате.

– Ты куда? – схватила я в темноте ее руку.

– Мне пора домой, Электра. А тебе нужно поспать.

– Майя, пожалуйста, не бросай меня здесь одну. Побудь со мной хотя бы еще немножко. И, пожалуйста, включи снова свет. Я боюсь темноты.

– Ты раньше никогда не боялась темноты, даже когда была маленькой, – ответила мне Майя, но послушно включила ночник на прикроватной тумбочке.

– А с некоторых пор стала бояться. Знаешь, я тоже хочу встретить такую любовь, как у тебя и Флориано. Или как у Изабеллы и Лорана. – Я улыбнулась.

– *Cherie*, тебе еще только двадцать шесть лет. Не забывай, мне уже тридцать четыре. Я старше тебя на целых восемь лет. Уверена, у тебя впереди еще куча времени, чтобы найти свою любовь.

– Надеюсь, твои слова сбудутся. Но я не хочу ждать еще целых восемь лет. – Я недовольно повела плечами. – Я и без того чувствую себя слишком старой.

– Конечно же, ты не будешь ждать столько лет. – Майя положила руку мне на лоб, ее ладонь так приятно холодила мою кожу. – Вся беда в том, что ты слишком быстро повзрослела и стала самостоятельной. Я права?

– Наверное.

– Но ты у нас, Электра, такая смелая и сильная.

– Ничего я не сильная! – Я с сомнением покачала головой. – Хочешь узнать один мой маленький секрет?

– Очень хочу, – усмехнулась в ответ Майя.

– Знаешь, почему я все время канючила и плакала, когда была маленькой?

– Почему?

– Потому что я ненавидела одиночество. Мне не хотелось быть одной. И теперь не хочется.

– Так заведи себе какую-нибудь подругу для совместного проживания.

– Ну кто захочет со мной жить?

– Электра, перестань накручивать себя. Или ты забыла, что являешься иконой стиля для миллионов и миллионов женщин по всему миру? Как бы я хотела свозить тебя на нашу фазенду. Она расположена в горах вдали от Рио. Фазенда – это на португальском языке означает «ферма». Я унаследовала ее от своей бабушки и организовала на ней учебно-воспитательный центр для детей из малообеспеченных семей, которые живут в фавелах. Если бы ты там появилась вместе со мной, представляю, какой бы случился ажиотаж. Дети не поверили бы своим глазам, решили бы, что им это все снится. Разве ты не понимаешь, что и для этой детворы ты тоже источник вдохновения?

– Может быть, и так, но они же меня совсем не знают, правда? Вот я смотрю на тебя, восхищаюсь тем, как ты распорядилась полученным наследством, пустив его на благие цели. А я за всю свою жизнь ничего не сделала для других. Только для себя любимой!

Я услышала, как Майя подавила очередной горестный вздох. Но что я могла поделать? На сей раз приступ моей меланхолии был *таким глубоким*, что я не могла из него выкарабкаться. А потому я просто закрыла глаза, страстно желая лишь одного – поскорее заснуть.

* * *

На следующее утро я проснулась со страшной головной болью после вчерашнего похмелья; тут же проглотила пару таблеток тайленола и адвила от головной боли и запила их целой бутылкой воды. Глянула на часы: только начало шестого. Я заказала себе кофе в номер и корзинку свежих, еще горячих ватрушек; кажется, вкуснее я доселе ничего и не пробовала. В ожидании заказа стала перебирать в памяти все события минувшего дня. Меня даже бросило в жар, когда я представила себе эту живописную картину: мы с Жоакином танцуем абсолютно голыми на террасе, потом возвращаемся в гостиную и видим перед собой Майю и Мариам. Какие же у них были ошарашенные лица...

– Ты уже совсем рехнулась, Электра, – простонала я, сползая с постели, чтобы подойти к двери и открыть официанту. Потягивая горячий кофе, я также вспомнила, что добровольно призналась сестре в том, что балуюсь наркотиками, и это мое признание, как ни странно, не стало для нее неожиданностью. Что и понятно, с учетом того, в каком состоянии она меня застала: явно подшофе, голую, да еще в компании с каким-то случайным партнером. Потом в моей памяти всплыли обрывки разговора о том, чтобы задержаться в Рио подольше, еще на пару дней, как предложила мне Майя. А еще она что-то там плела о том, что мне следовало бы обратиться в специализированную клинику и пройти там курс реабилитации...

Дерьмовая новость! Полное дерьмо... А хуже всего то, что Мариам, кажется, на полном серьезе следит за мной. Что ж, тогда больше никаких местных развлечений. НИКАКИХ! И не собираюсь я ехать на эту потешную ферму. Да, вчера у меня был плохой день, но только и всего. А потому я не намерена выслушивать наставления и советы святой Майи, которыми она станет меня потчевать. Мне уже вполне хватило общения с ней. Я схватила трубку стационарного телефона и набрала номер Мариам.

– Доброе утро, Электра. Как самочувствие?

– Великолепно! Все замечательно, – бодро солгала я, мысленно вопрошая, когда Мариам спит. В какое бы время я ни позвонила ей, она всегда бодрствует. – Хочу, чтобы вы незамедлительно перерегистрировали наши билеты на ближайший рейс до Нью-Йорка.

На другом конце провода повисла короткая пауза.

– Хорошо. Но я думала, вы планировали остаться в Рио еще на пару деньков, провести время с сестрой...

– Ничего я не планировала. Это просто был один из вариантов, предложенных Майей. Я же думаю, что мне пора возвращаться в Большое Яблоко.

– По-моему, я говорила вам о том, что в вашем рабочем графике ничего не запланировано на ближайшие дни, а потому вы можете смело остаться здесь и...

– Повторяю вам еще раз! Я хочу, чтобы вы немедленно перерегистрировали наши билеты на ближайший рейс. Хорошо? Мой багаж уже собран и упакован, и я готова в любую минуту двинуться в путь.

По моему голосу Мариам поняла, что я не в том настроении, чтобы вступать с ней в дальнейшие дискуссии, а потому уже где-то через час мы с ней были на пути в аэропорт. Я отбила Майе прочувствованную эсэмэску с благодарностью за минувшую ночь и написала, что с нетерпением буду ждать встречи с ней в Атлантиде, где мы все соберемся в июне, чтобы отправиться в круиз памяти на папиной яхте в годовщину его смерти.

Когда самолет оторвался от взлетной полосы и взмыл ввысь, я облегченно вздохнула. Кажется, пронесло, и на сей раз я сумела вырваться. Никто и никогда не посмеет держать меня взаперти. *Никогда!*

8

Тот срыв, который случился со мной в Рио, изрядно меня напугал, и по возвращении домой я вознамерилась предпринять серьезные усилия, чтобы за выходные дни очиститься от наркоты. Выпила тонны воды, заказала себе всяческие смузи, сдобренные витамином С. В субботу я стойко продержалась до обеда, даже не прикоснувшись к водке. Знала, стоит мне сделать хотя бы небольшой глоток, и меня тут же понесет по накатанной. А потому я поспешила на улицу, чтобы устроить себе небольшую пробежку по Центральному парку.

– С вами все в порядке, Электра? – поинтересовался у меня Томми, с которым я столкнулась нос к носу, возвращаясь домой после пробежки.

– Все отлично. А как у вас дела?

– Тоже все хорошо. Спасибо. Знаете, пока вы были в Рио, к вам навещалась одна женщина. Очень похожа на вас.

Я замерла на месте, как вкопанная.

– Вот как? – Я удивленно вскинула брови. – Если она объявится здесь еще раз, пожалуйста, предупредите, что меня нет дома. Наверняка одна из тех бесчисленных соискательниц, убежденных, что приходятся мне родней.

– Хорошо. Но если честно, то она действительно *очень похожа* на вас. Возможно, вас и связывают какие-то родственные узы. До завтра, Электра.

Поднявшись к себе в квартиру, я тут же стянула с себя все свои спортивные одежки, намокшие от пота, и уже приготовилась идти в душ, но тут позвонил консьерж.

– Слушаю, – бросила я в трубку.

– Добрый день, мисс Деппеси. Тут вам посылка: пара каких-то картонных коробок. Поднять к вам?

– Поднимайте, конечно. Только вначале проверьте, нет ли там какого взрывного устройства, – вяло пошутила я в ответ.

Минут через пять на пороге моей квартиры появился портье в сопровождении своего помощника. Они катили перед собой тележку, на которой стояли две большие картонные коробки; коробки они сгрузили прямо на пол в моей гостиной.

– А кто это, интересно, мне прислал? В такие коробки люди обычно складывают свои пожитки, когда переезжают с одного места в другое.

– Привез какой-то парень на фургончике и тут же укатил прочь. Но оставил вот это! – Портье вручил мне конверт. – Вам помочь, мэм, разобрать коробки?

– Нет, спасибо. Сама управлюсь.

Сгорая от любопытства, словно ребенок, которому только что вручили подарок и ему не терпится узнать, что там внутри, я сняла крышку с первой коробки. Она была забита одеждой – *моей одеждой*. Сверху лежала коробка из-под обуви. Я открыла ее и обнаружила там свою шелковую маску для сна, бальзам для губ, беруши, солнцезащитные очки... *И в довершение всего* на самом дне коробки среди прочего хлама я узрела пухлый конверт из бежевого пергамента. Письмо Па Солта!

Я извлекла конверт наружу, и мне сразу же стало ясно, откуда ко мне прибыл этот груз. В этих коробках собрано все, что осталось после меня в доме Митча в Малибу. В частности, в обувную коробку Митч сгрузил содержимое тумбочки, стоявшей рядом с кроватью, на которой мы когда-то спали вместе с ним. Тогда я даже воображала, что буду спать на этой кровати до конца своих дней...

– Нет, Электра! Ты Не Позволишь Ему Снова Причинить Тебе Боль. Ни За Что! Блин! Хватит С Тебя Унижений!

Я позвонила консьержу и велела ему скатить коробки вниз.

– Разрешаю забрать себе все, что вам понравится, для своих жен или девушек. Все содержимое обеих коробок в вашем полном распоряжении. А все, что не нужно, отправьте в какой-нибудь благотворительный фонд, – проинструктировала я портье, когда он опять водрузил коробки на свою тележку.

– Хорошо, мисс Деплеси. Так и сделаем. Большое вам спасибо.

Я вышла на террасу, держа в руке конверт с письмом от Митча, которое он приложил к отправляемому им багажу. В другой руке я несла книжечку картонных спичек. Чиркнула спичкой и сожгла конверт, даже не вскрывая его. После чего снова вернулась в комнату, подошла к бару и плеснула себе немного водки с тоником и льдом. В конце концов, я вполне заслужила *такое маленькое послабление*. Но, несмотря на все свои старания направить мысли в другое русло, не думать об этих проклятых ящиках с моими пожитками, а лучше порадоваться хорошей новости, что отыскалось наконец письмо отца, я ничего не могла с собой поделать. Снова и снова я рисовала в своем воображении картины того, как Митч возвращается в свой дом в Малибу после завершения гастрольного тура. И вот, зная, что его невеста может нагрять к нему в любой день, он выгребает из дома все мои вещи, уничтожая всякую память обо мне, как будто меня и не было в его жизни.

Я сделала еще один большой глоток, а потом повторила порцию. В конце концов, это же не кокс, а только водка, так почему нельзя? Какое-то время я отрешенно пялилась на конверт с папиным письмом. Оно по-прежнему лежало на журнальном столике и безмолвно тикало, словно бомба с заведенным часовым механизмом.

– Открыть мне тебя? – обратилась я к конверту.

А потом подумала, что все мои сестры благодаря тем письмам, которые оставил им отец, уже вытащили свои счастливые билетки и обрели вполне благополучное будущее. После чего хлебнула еще один мегаглоток водки, схватила конверт со стола и вскрыла его.

*Атлантис
Женевское озеро
Швейцария*

Моя дорогая Электра...

– О боже! – выдохнула я, чувствуя, как мои глаза сами собой наполнились слезами и слова стали расплываться передо мной.

В глубине души я сильно сомневаюсь в том, что ты вообще станешь читать это письмо: наверняка зашвырнешь его куда-нибудь, отложишь на потом, а может, и вообще сожжешь его, не распечатав конверт. Не знаю, не знаю, какой вариант ты предпочтешь: ты же у меня самая непредсказуемая из всех моих дочерей. Но, по иронии судьбы и самая беззащитная и ранимая.

Электра, знаю, наши с тобой отношения всегда складывались непросто: мы оба сильные, решительные и независимые личности. Потому между нами случались и стычки. Однако мы с тобой из той породы людей, кто умеет любить страстно и беззаветно. Вот еще одно качество, которое роднит нас с тобой.

Но для начала позволь мне попросить у тебя прощения за нашу последнюю встречу в Нью-Йорке. К превеликому сожалению, в тот вечер мы оба оказались не на высоте. Что касается меня, то, не скрою, меня глубоко задело и ранило то, что моя необыкновенная во всех отношениях младшая дочь не может высидеть даже ужин с отцом, не подпитав себя по ходу вечера наркотиками. Тебе хорошо известно мое отношение к подобной дряни; могу лишь молиться и надеяться на то, что ты уже решила или решишь в ближайшем будущем предпринять все необходимые шаги для того, чтобы завязать со всей этой гадостью раз и навсегда. Родителям всегда до отчаяния больно видеть, как их любимое чадо разрушает и уничтожает себя собственными руками. Но в любом случае помочь этому несчастному может только один-единственный человек он сам. Вот и ты, Электра, помни о том, что тебе никто не поможет, кроме тебя самой.

Однако хватит об этом. Я хочу попытаться объяснить, почему, как тебе казалось, я не очень-то гордился твоими достижениями и успехами, хотя должен был, по твоему мнению. Во-первых, позволь признаться, что всякий раз, когда я видел твою фотографию в том или ином журнале, сердце мое переполняла гордость за то, какая ты у меня красивая и элегантная. Разумеется, и за твой талант тоже: я ведь хорошо понимаю, какой это дар – заставить камеру полюбить себя. А еще сколько терпения и выдержки нужно для всех этих изнуряющих съемок. Пожалуй, у меня бы никогда не хватило столько терпения. И уж менее всего я думал, что его хватит у тебя! Но ты как-то научилась этому непростому ремеслу и делаешь свою работу блестяще, чем я искренне восхищаюсь.

Что касается того, почему я так бурно реагировал на твои школьные неурядицы, так это, в первую очередь, потому, что я прекрасно видел, какая ты у меня умная девочка, обладающая врожденным интеллектом. Пожалуй, не будет большим преувеличением, если я скажу, что ты самая умная из всех своих сестер. Надеюсь, что когда-нибудь ты сумеешь счастливо объединить свою славу, которую ты заработала честным трудом, и свои мозги, с которыми ты появилась на свет. И если это случится, ты станешь очень значимой величиной, с которой, поверь мне, придется считаться всем. Нет таких вершин, которых бы ты не смогла достичь: ты можешь стать

голосом, способным говорить от лица всех тех, кто не может сделать этого сам.

Наверное, поэтому, в силу твоих уникальных талантов и способностей, мне часто трудно быть твоим отцом; видеть, как твой ребенок, обладающий таким огромным потенциалом, не понимает всех своих возможностей, поверь, это очень сложно, и это по-настоящему напрягает. Наверное, я в итоге оказался плохим отцом, и все же ответь мне на один-единственный вопрос, на который ты так и не дала мне вразумительного ответа. Почему ты так ненавидела все эти закрытые школы? Пожалуй, если бы ты мне доверяла, я бы смог помочь тебе, совместными усилиями мы бы разрулили эту ситуацию, но я же знаю, какая ты у меня гордая.

К моему великому сожалению, тебе придется уже самостоятельно разбираться в себе, в том, какой яркой личностью ты можешь стать. Однако кое-какую помощь и содействие я все же предложу. Ты уже знаешь, все твои сестры получили от меня аналогичные письма, и каждой из них я сообщил достаточно подсказок для того, чтобы найти свои корни, своих настоящих родителей, если они захотят этого. Тебе же я сообщаю напрямую, безо всяких подсказок, имя и контактный телефон твоей бабушки, которая живет совсем недалеко от тебя. Она – одна из самых необыкновенных, самых ярких эсенин, с которыми я имел честь познакомиться за свою жизнь. Жалею лишь об одном, что наше с ней общение было не таким долгим, как мне того хотелось бы. К своей информации я еще присовокупил фотографию. Сходство просто поразительное, никаких сомнений в том, что вы – родная кровь. Очень надеюсь, что она придет тебе на помощь и будет рядом с тобой, когда меня уже не станет.

Моя дорогая Электра, хочу, чтобы ты знала и помнила всегда: твой отец любит тебя и будет любить всем сердцем и душой до конца своих дней.
Па Солт

Я отхлебнула еще немного водки и слепо уставилась на письмо отца. Наверное, мой мозг, задурманенный всяческой отравой, не мог отчетливо воспринимать все, о чем мне написал отец; а может быть, я и не хотела этого делать. Я подавила вздох и достала из конверта небольшую черно-белую фотографию и...

И, о боже! Да она же...

Я снова бросила внимательный взгляд на фотографию. Никаких сомнений! Точно такую же фотографию я видела несколько недель тому назад: ее прислала мне какая-то женщина, назвавшаяся моей бабушкой.

Я стала вглядываться в черты лица: да, женщина на фотографии очень похожа на меня. Или, вполне возможно, это я похожа на нее. Я вспомнила, как Мариам сказала мне, что спрятала письмо от той женщины в сейф. Я направилась к сейфу, чтобы достать его. Взяла конверт, извлекла из него фотографию и положила ее рядом с той, которая была в письме папы. Две абсолютно одинаковые фотографии.

Я перевернула фотографию от папы и прочитала на обратной стороне адрес и номер телефона. Затем глянула на измятый конверт и скомканное письмо, которое так старательно разглаживала Мариам, и прочитала адрес в верхнем правом углу письма.

И снова полное совпадение. Потом я прочитала письмо (написанное на дорогой качественной бумаге); тем же красивым каллиграфическим почерком был написан и адрес на конверте.

Квартира 1

Сидней-Плейс

Бруклин 11201

Дорогая мисс Делеси, или можно называть Вас Электра?

Меня зовут Стелла Джексон, и я – Ваша родная бабушка. Уверена, Вы получаете много подобных писем. Предполагаю, что в большинстве из них содержатся просьбы о помощи. Сразу же спешу Вас успокоить, ничего подобного я не собираюсь делать. Просто решила, что пришло наконец время сообщить Вам о моем существовании.

Знаю, Вы – очень занятой человек, и все же полагаю, было бы неплохо, если бы мы с Вами встретились. Ваш приемный отец описал меня Вам как такую «живую подсказку». Не уверена, что заслуживаю всех тех хороших слов, которыми он меня охарактеризовал. К письму я прилагаю фотографию, на которой запечатлены я и Ваша мать. Меня легко можно разыскать по тому адресу, который указан на конверте, а мой сотовый телефон работает круглосуточно.

С нетерпением жду от Вас весточки.

С самыми добрыми пожеланиями,

Стелла Джексон.

Кем бы ни была эта «Стелла», но по всему видно, что человек она образованный. Ну, и что ей ответить? С чего начать? Судя по тону письма, такое впечатление (довольно неоднозначное, кстати), будто она предлагает встречу какому-то соседу, с которым до сего дня не была знакома, чтобы обсудить с ним предстоящий ремонт мест общего пользования. Нет, совсем не так представляются родные бабушки своим родным внукам, с которыми они давно потерялись по жизни. Если я только, конечно, прихожусь ей внучкой...

Но при всем своем цинизме я не могу отрицать очевидного: женщина не притворяется, не выдает себя за кого-то другого, кем она на самом деле не является.

– Боже мой! – воскликнула я, обводя глазами пустую комнату, потом прошлась по ней. – Вот у меня и родственница отыскалась! Итак, Электра! Что собираешься делать? – спросила я саму себя, имитируя гнусавый говор Терезы, будто бы это она сейчас разговаривает со мной. – Что чувствуешь, узнав, что у тебя имеется кровная родня, которая живет по соседству с тобой?

– Сама не знаю, Тереза. Я ведь ее еще даже не видела.

– А собираешься?

– Пока не решила.

– Да, дело серьезное. Нужно все хорошенько обдумать. Для этого потребуется какое-то время. Ты должна подготовиться как следует к самой встрече.

– Что ты хочешь этим сказать, Тереза? Что она мне может не понравиться? Или что другое?

– Нет. Я лишь хочу предупредить тебя, что не стоит возлагать слишком большие надежды на подобную встречу. Тогда и твое разочарование, если оно случится, не будет столь уж сильным.

– Можешь не беспокоиться. Уж я подготовлюсь к встрече, как должно. Выпью полбутылки водки и высыплю себе пару кокаиновых дорожек перед тем, как идти. Обещаю.

– Отличная идея, Электра. Тебе и впрямь следует расслабиться перед встречей с бабушкой...

Я весело хихикнула и направилась к своему особому горшочку, в котором храню свои стратегические запасы Белого Рая. В конце концов, попыталась я оправдаться в собственных глазах, не каждый день человек обнаруживает, что у него еще есть живая бабушка.

«И чем же ты намерена заняться сегодня и что собираешься делать завтра, Электра?» – спросила я саму себя. – *Твой рабочий график на ближайшие двадцать четыре часа не изобилует съемками, так?»*

«Наверное, так. Но и видеть мне никого не хочется».

«Даже Жоакина?»

«Разве ты забыла? Он же в Мехико. Гадкий, гадкий мальчишка, вот кто он!» – Я выразительно помахала пальцем перед своим воображаемым *alter ego*, которое все никак от меня не отставало.

Вернулась к журнальному столику, чтобы снова взглянуть на фотографии бабушки. Получается, что ребенок, которого она держит на руках, это моя мама. Я сделала глубокий вдох и взяла в руки мобильник. Набрала номер, тот же самый, что указан и в письме папы, и стала ждать, пока мне ответят.

– Стелла Джексон слушает.

– О, добрый день. Меня зовут Электра Деппеси и...

– Электра! Ну надо же! – Голос непривычно знакомый. Откуда? Но тут я наконец сообразила, что в ее голосе те же самые интонации, что и у меня.

– Да, это я. Получила ваше письмо. Вот решила позвонить.

– И правильно сделали! Я очень рада. Когда можно будет вас навестить?

– Я... пожалуй, завтра?

– Завтра воскресенье, у меня не получится. А что, если сегодня вечером? К тому же я уже стораю от нетерпения. Как мне переждать еще целый день до встречи с родной внучкой?

– Ладно, – сдалась я перед ее напором. – Приходите сегодня вечером. Ровно в семь вас устроит?

– Да, вполне. У меня есть ваш адрес. Ровно в семь я буду у вас. До встречи, Электра.

– Э-э-э... Да, до встречи. – Я отключила телефон и, глянув на часы, поняла, что до нашего свидания с бабушкой осталось чуть больше часа.

– Хорошо-хорошо! – повторяла я сама себе, кивая в такт головой и меряя шагами квартиру в состоянии легкого головокружения. – Совсем скоро ко мне сюда пожалует моя бабушка. Моя родная бабушка! Но это же, если честно, круто... И как такое могло случиться со мной?

«Хорошая новость состоит в том, – думала я, поспешно возвращаясь в гостиную, чтобы смести с журнального столика малейшие следы белого порошка, – что я не впала в депрессию, не расклеилась по полной из-за Митча и его коробок, которые он любезно переслал мне». Наверное, мой психотерапевт назвал бы мою реакцию на сие событие самым настоящим прорывом. Наведя относительный порядок в гостиной, я пошла к себе в гардеробную и остановилась в нерешительности перед рядами нарядов. Интересно, в чем бы родная бабушка захотела впервые увидеть свою внучку? Я остановила свой выбор на твидовом жакете от «Шанель», решив, что с жакетом отлично будут смотреться джинсы в тон.

«Но ты же не на улицу собралась, Электра. Ты будешь дома. Вон, взгляни в окно, как солнце жарит».

В конце концов, я все же осталась в джинсах, но вместо жакета надела обычную белую майку, а на ноги – туфли без каблуков, но от «Шанель»: нужно же хоть как-то продемонстрировать свой класс. Следующая остановка – кухня: старые люди обычно пьют чай, если я не ошибаюсь. Я порылась в кухонных шкафчиках, ничего похожего на чайную посуду я там не обнаружила. Вот тебе и супер-пупер крутой пентхаус в центре Нью-Йорка! Даже чайника с чашками нет в наличии.

– Перестань себя накручивать, Электра! – приказала я себе. – Пусть увидит тебя такой, какая ты есть. Словом, как есть, так и есть! Вместо чая предложу ей воды или водки с тоником, – невольно хихикнула я.

Какое-то время я колебалась, не позвонить ли мне Мариам и не попросить ли ее заказать для меня через службу доставки все необходимое для чая и торт, но, по каким-то необъяснимым причинам, мне не хотелось, чтобы моя пресс-секретарь узнала, что я сегодня встречаюсь со Стеллой Джексон. Пусть это будет моим маленьким секретом, к тому же по-настоящему хорошим секретом сугубо положительного свойства.

Времени на дальнейшие размышления уже не было, потому что в этот момент мне позвонил консьерж и уведомил, что ко мне посетительница – мисс Джексон, и спросил, можно ли ее отсылать наверх.

– Да, конечно, – ответила я в домофон и в оставшиеся пару минут снова пробежалась по квартире, чувствуя, как колотится сердце в груди. И вот звонок в дверь, я делаю глубокий вдох, стараясь не думать о том, что этот звонок означает уже лично для меня. Что, если я возненавижу эту женщину с первого же взгляда? Ведь подобная реакция вполне типична для меня, подумала я, направляясь к двери, особенно на фоне всех тех хеппи-эндгов, которыми увенчались поиски всех моих сестер.

– Добрый вечер, – широко улыбнулась я, скорее, по привычке лыбиться на камеру, а может, и для того, чтобы соответствовать судьбоносному моменту встречи.

– Здравствуйте, Электра. Меня зовут Стелла Джексон, и я – ваша бабушка.

– Пожалуйста, проходите.

– Благодарю.

Женщина переступает порог и останавливается передо мной, а я чувствую, что, пожалуй, переживаю сейчас самое странное дежавю в своей жизни. Ведь Томми совсем даже не шутил, когда сказал мне, что женщина очень похожа на меня. Так оно и есть. Моя точная копия, только постарше.

– О, вы такая молодая! – не удержалась я от дежурного комплимента.

– Спасибо на добром слове. Вообще-то мне уже шестьдесят восемь.

– Вау! Я бы вам не дала более сорока пяти. Пожалуйста, присаживайтесь.

– Спасибо, – еще раз поблагодарила меня Стелла и огляделась по сторонам. – У вас тут что-то типа квартиры-студии, да?

– Да, и это очень удобно.

– Я когда-то жила в этом районе, но только по другую сторону парка. Хороший район. И совершенно безопасный.

– Вы жили в Верхнем Ист-Сайде? – бросила я на нее удивленный взгляд, зная, какой это фешенебельный район.

И вот она, моя бабушка, стоит передо мной. Блузка, скорее всего, сшитая на заказ, и черные брюки безупречного кроя. Вокруг шеи небрежно повязан шарф, явно от французского дома моды «Гермес», на голове высокая прическа из мелких завитков в стиле «афро». А в целом смотрится стильно и элегантно. И богато!

– Да, какое-то время жила там, – ответила Стелла.

Я почувствовала на себе ее взгляд. Пожалуй, она разглядывает меня так же пристально, как и я ее.

– Какой у вас рост? – спросила она у меня.

– Чуть больше шести футов.

– О, тогда я вас перегнала. У меня шесть футов и полтора дюйма.

– Что будете пить?

– Спасибо, ничего.

– Ладно. Тогда я сооружу что-нибудь для себя. – Я подошла к бару и сделала вид, что пытаюсь отыскать там бутылку с водкой, потом плеснула себе в стакан водки и добавила тоник.

– Любите водку? – поинтересовалась у меня Стелла.

– Иногда, да. А вы? – спросила я и отхлебнула немного из стакана.

– Нет. У меня вообще нет пристрастия к спиртному.

– Это хорошо, – выдавила я из себя. – Вы написали в своем письме, что хотели бы встретиться со мной.

– Да.

– Но зачем?

Какое-то время Стелла молча глядела на меня, потом едва заметно улыбнулась.

– Наверное, вы все время спрашиваете себя, чего же мне от вас надо, не так ли? Скорее всего, полагаете, что я притащилась сюда, пытаюсь прилепиться к вашей славе или воспользоваться вашим богатством.

Я почувствовала, как краска ударила мне в лицо. А эта дама явно не из тех, кто ходит вокруг да около. Сразу же берет быка за рога.

«И кого же она тебе напоминает, Электра, а?»

– Не скрою, подобные мысли посещали меня. – Я решила не лукавить и тоже говорить начистоту. Огонь, как известно, лучше всего тушить огнем.

– Так вот, заверяю тебя, Электра, – неожиданно перешла она на «ты», – я пришла не за тем, чтобы просить у тебя деньги. У меня хватает и своих.

– Хорошо, – сказала я, вслушиваясь в ее ярко выраженный американский акцент, но произношение самое рафинированное. Иными словами, передо мной дама экстра-класса. Классная девчонка, как выразилась бы я в подростковом возрасте. – Все же присаживайтесь, пожалуйста. – Я указала жестом на диван, но Стелла Джексон подошла к одному из двух кресел с высокой спинкой и устроилась там.

– Не хочешь задать мне какой-нибудь судьбоносный вопрос?

– Какой именно? – пожала я плечами в ответ. – У меня к вам куча вопросов.

– Ну, например, для начала спросить у меня, откуда ты родом. – Стелла оглядела меня внимательным взглядом.

– Пожалуй, для начала – да, – согласилась я с ней и постаралась сделать небольшой аккуратный глоток, но не получилось, и я выпила водку залпом.

– Ты из древнего и очень знатного кенийского рода, принцесса.

– Кения в Африке?

– Да, ты права. Кения находится в Африке.

– И вы там родились?

– Да, я родилась в Кении.

– Тогда каким ветром вас прибило сюда? Или это моя мама сюда приехала?

– О, это очень длинная история.

– Но я готова выслушать ее с самого начала и до конца, если вы, в свою очередь, готовы поведать мне ее.

– Конечно, я готова. Ведь именно ради этого я и пришла к тебе, – промолвила Стелла. – Однако дай мне для начала стакан воды, пожалуйста.

– Сию минуту! – Я подхватила со своего места и пошла на кухню, достала бутылку воды из холодильника и налила в стакан. Голова моя кружилась, но это уж точно не от водки. Женщина, поджидавшая меня в гостиной, была совсем не похожа на то, что я ожидала увидеть. Вопрос, который прожигал мои мозги каленым железом, был до обидного прост: как же так вышло, что она, судя по всему, весьма обеспеченная дама, а я оказалась приемной дочерью в чужой семье? Где же моя мать? И кто она такая, в конце концов?

– Спасибо, – поблагодарила меня Стелла, когда я протянула ей стакан с водой. Она сделала небольшой глоток. – Садись и ты.

Я присела, чувствуя некую неловкость от всего происходящего.

– У тебя испуганный вид, Электра. Такое впечатление, что ты боишься. Я права?

– Наверное, – согласилась я.

– Понимаю. Да я и сама уже столько лет не обращалась к этой истории. Что ж, разделим наш груз пополам. Согласна?

– Да, конечно.

– Итак, с чего же мы начнем?

Я увидела, как моя бабушка слегка похлопала себя по бедру. Вот еще один знакомый жест: я и сама так постоянно делаю, особенно когда о чем-то размышляю. Пожалуй, этот последний штрих окончательно развеял все мои сомнения касательно тех претензий, которые предъявляла эта женщина на право называться моей родственницей.

– Папа всегда в таких случаях говорил, что нужно начинать с самого начала.

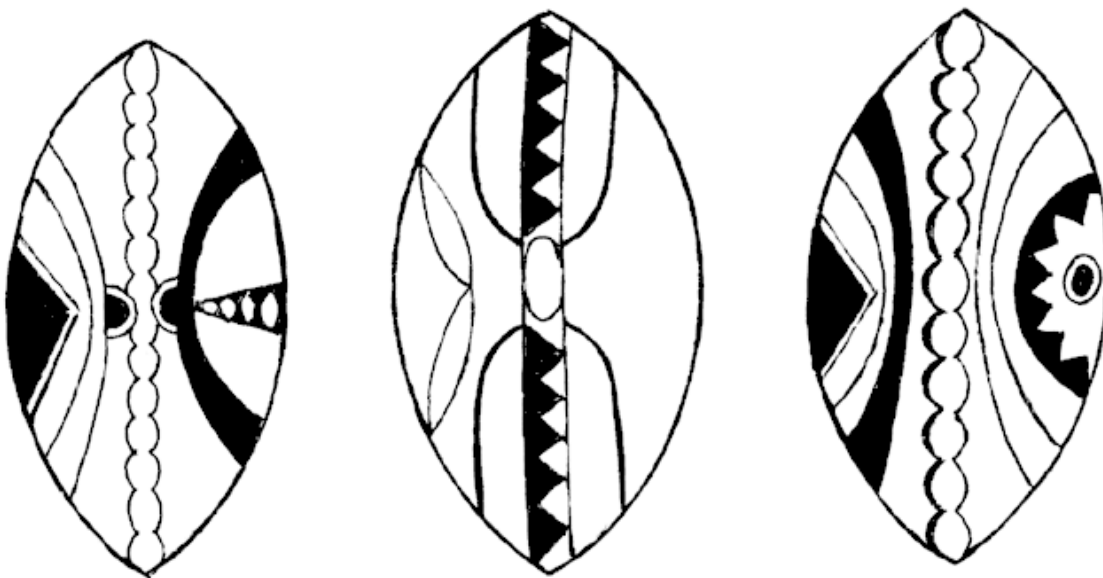
Стелла улыбнулась.

– И твой дорогой отец абсолютно прав. Вот я и начну...

Сесили

Нью-Йорк

Вечер накануне Нового года, 1938 год

Боевые щиты для охоты на буйволов кенийского племени масаи

9

– Сесили, детка моя, ну что ты валяешься в кровати целый день? Нам ведь через полчаса уходить на вечер.

– Я никуда не пойду, мама. Я же тебе еще за обедом сказала.

– А я тебе сказала, что обязательно нужно пойти. Еще не хватало, чтобы весь Манхэттен сплетничал о том, что ты не явилась на званый ужин по случаю празднования Нового года.

– Да мне дела нет до всех этих сплетен, мама. К тому же, не сомневаюсь, у всех этих кумушек, любительниц посплетничать, есть темы и поважнее, чем разговоры о моей разорванной помолвке. – С этими словами Сесили Хантли-Морган снова целеустремленно погрузилась в чтение «Великого Гэтсби».

– Что ж, если тебе все равно, моя юная мисс, то мне – совсем нет. Категорически не хочу, чтобы люди решили, что моя дочь глаз не кажет из дому даже в новогодний вечер, и все потому, что у нее, видите ли, разбито сердце.

– Но все так и есть, мама. Я действительно прячусь от людей в новогодний вечер. И у меня действительно разбито сердце.

– Вот, выпей.

Доротея Хантли-Морган протянула дочери бокал с шампанским, наполненный до самых краев. – Давай вместе выпьем за наступающий Новый год. Только обещай мне, что ты выпьешь весь бокал до дна, ладно?

– Мапочка, я не в том настроении, чтобы...

– А по-моему, отличный повод, милая. В новогодний вечер все пьют шампанское, даже если у кого-то и скверное настроение. Ну что, готова? – Доротея призывно вскинула свой бокал.

– Хорошо, но и ты пообещай мне, что после этого оставишь меня в покое.

– За наступающий 1939 год! За новые начинания и свершения!

Доротея чокнулась с Сесили.

Та неохотно повиновалась и выпила свой бокал до дна, как просила мать. Пенящееся вино мгновенно вызвало у Сесили позывы к тошноте, наверное, не в последнюю очередь потому, что за минувшие четыре дня она практически ничего не ела, разве что проглотила несколько ложек супа.

– Я знаю, это будет замечательный год, особенно если ты и сама *постараешься*, – с энтузиазмом воскликнула мать.

Сесили позволила матери обнять себя и прижать к своей объемной груди, на нее сразу же пахнуло спиртным: наверняка мама уже успела не раз приложиться к алкоголю в течение дня. И опять же, во многом по ее вине: Джек Гэмблин разорвал их непродолжительную помолвку за два дня до наступления Рождества, как раз тогда, когда ее семья собиралась отбыть на предстоящие праздники в их имение в Хэмптонсе. Они с Джеком знали друг друга с детства, у его родителей было имение по соседству в Западном Хэмптоне. А потому каждое лето дети проводили вместе. Сесили уже и не помнила, когда именно она влюбилась в своего соседа. Кажется, она была влюблена в него всегда. Даже тогда, когда ей было лет шесть и мальчишка больно подшутил над ней: они стояли с Джеком на берегу залива, и тут он объявил, что приготовил для нее подарок, а потом вручил Сесили краба, который тут же цапнул ее за палец. Сразу пошла кровь, перепачкавшая весь ее купальник. Но Сесили даже и не подумала тогда дать слабину и зареветь от обиды и боли; и сейчас, семнадцать лет спустя, она тоже не заплакала, когда он сообщил, что не может жениться на ней, потому что полюбил другую.

До нее уже доходили слухи об этой другой: Патриция Огден-Форбс. А кто в высшем свете Нью-Йорка не слышал это имя? Богатая наследница из Чикаго, единственная дочь в баснословно богатой семье. Стоило ей лишь появиться на рождественских балах на Манхэттене, как все тут же в один голос стали восхищаться ее красотой. Джек, дальний родственник Вандербильтов, о чем Доротея не переставала постоянно напоминать своей дочери и всем, кто имел желание ее слушать, тоже, судя по всему, совсем потерял голову, ослепленный внешностью мисс Огден-Форбс. Ему хватило лишь одного взгляда на юную красавицу, чтобы мгновенно забыть все свои прежние обещания. Включая и предстоящие свадебные торжества с Сесили.

– Не забывай, дорогая, – тяжело дыша, прошептала ей на ухо мать. – У этой Патриции нет никакого воспитания. В конце концов, она всего лишь дочь владельца какого-то мясокombината.

«А ты сама – дочь производителя зубной пасты», – подумала Сесили про мать, но вслух ничего не сказала.

Она часто размышляла над странностями так называемого высшего общества в Америке, сплошь и рядом состоящего из коммерсантов и банкиров. Благородством тут изначально надеялись те семьи, которые владеют самыми крупными состояниями, а голубая кровь при этом не имела никакого значения. Ее, эту голубую кровь, даже не брали в расчет. Конечно, в этом нет ничего страшного, ведь, в отличие от Европы, у них в Америке нет лордов, герцогов и всяких там принцев. У них Страна Свободы.

– Ну почему бы тебе не пойти на этот вечер, Сесили? Хотя бы на часок, если уж на большее ты не согласна, – снова умоляюще обратилась Доротея к дочери.

– Может, и стоит пойти. Но *она ведь там* тоже будет, мама. Вместе с ним.

– Знаю, милая, знаю. Но ты же – Морган, а мы, Морганы, люди смелые и сильные духом. Мы не боимся встречаться со своими врагами лицом к лицу! – Доротея взяла дочь за подбородок и развернула ее лицом к себе. – Ты сможешь! Я знаю, ты сможешь! Я уже приказала Эвелин погладить твоё зеленое атласное платье, а еще я одолжу тебе на вечер бриллиантовое кольцо моей матушки, оно от Картье. Уверю тебя, ты произведешь фурор одним своим появлением. И кто знает, кого ты встретишь в бальной зале. Быть может, этот человек уже поджидает тебя.

Сесили прекрасно понимала, что ее поджидает: *унижение, одно сплошное унижение* при виде того, как ее бывший нареченный будет с гордостью демонстрировать свою богатую чикагскую красавицу, вальсируя с ней в бальной зале «Вальдорф Астория» на глазах у всех сливок высшего нью-йоркского общества. Но в одном мама права: у Сесили много недостатков, но вот храбрости ей не занимать.

– Хорошо, мама, – подавила она вздох. – Будь по-твоему.

– Вот это моя дочь! Сейчас же прикажу Эвелин принести тебе бальное платье, помочь с прической и приготовить ванну. От тебя слегка отдает потом, милая.

– Фу! Спасибо, мама. – Сесили приняла информацию к сведению. – Пожалуй, мне еще потребуется шампанское! – воскликнула она, когда за матерью закрылась дверь. – Много шампанского! Целые корзины! – Она скорчила недовольную рожицу, кладя закладку в книгу, которую читала. *«Любопытно получается у автора “Великого Гэтсби”»*, – подумала она, слегка покачав головой. По его мнению, с помощью любви и огромного особняка можно покорить весь мир.

У самой Сесили было и то и другое. Но она понимала, что лично ей не удалось покорить ничего, а значит, Фицджеральд ошибается.

* * *

Хорошая новость была одна: бал в «Вальдорф Астория» был таким многолюдным, что любой, приехавший на бал, сразу же чувствовал себя так, будто он ступил на Орегонский тракт, на ту самую длинную дорогу, по которой в прошлом веке переселенцы двигались в направлении Тихоокеанского побережья. Ослепительная хрустальная люстра свисала с высокого потолка с углублениями-нишами по краям для дополнительной подсветки; балконы, обрамляющие бальную залу, тоже сверкали и переливались множеством огней. Обилие ковров и бархата скрадывало шум разговоров и смех. В дальнем конце зала разместилась эстрада, на которой уже сидели музыканты и настраивали свои инструменты. Сверкающий паркет был готов к началу бала. Вдоль стен расположились столы, сервированные по высшему классу: белоснежные салфетки и скатерти из льна, тончайший фарфор, переливающийся всеми цветами радуги хрусталь, изысканные цветочные композиции. Вот появился официант с подносом, уставленным фужерами с шампанским, и Сесили тут же схватила один фужер, зажав его в потной ладони.

Все, кто что-то значил в Нью-Йорке, были сегодня здесь. А как же иначе? Новогодний бал! *«Драгоценностей, которыми были увешаны дамы, пожалуй, хватило бы на то, чтобы купить за вырученные деньги достаточно большую страну и поселить там сотни тысяч обездоленных и нищих, которые обитают в их большой стране»*, – уныло подумала Сесили, отыскав карточку со своим именем на одном из столов, и тут же уселась за него. Хорошо, что она сидит спиной к залу, упревав взгляд в стену: не хочется ей лицезреть эту кричащую демонстрацию роскоши и богатства или снова подвергать себя неизбежному унижению, если, не дай бог! – случится неожиданная встреча с Джеком и Патрицией... Хотя, по ее прикидкам, такого не должно случиться.

– Боже мой! Кого я вижу, дорогая моя!

Сесили подняла голову и встретилась глазами с ясным и чистым взглядом одной из самых титулованных красавиц высшего света Нью-Йорка: Кики Престон собственной персоной. Они сердечно обнялись, и Сесили успела заметить, как моментально расширились зрачки у ее крестной матери, став похожими на две огромные сферы в обрамлении радужной оболочки.

– Моя дорогая девочка! Мама рассказала мне о твоих *неприятностях*... Не переживай, дорогая моя! Поверь, таких, *как он*, полно вокруг. – Кики многозначительно подмигнула. Потом ухватилась за спинку стула, на котором сидела Сесили, и слегка покачнулась, после

чего уселась на соседний стул, достала сигарету, вставленную в мундштук из слоновой кости, и неторопливо закурила.

Сесили не видела свою крестную мать добрых лет десять. Пожалуй, в последний раз, когда они встречались, ей было лет двенадцать-тринадцать, но сейчас она не могла отвести своего восхищенного взгляда от женщины, про которую когда-то мать доверительно рассказывала, что у той была любовная связь с каким-то британским принцем, чуть ли не с прямым наследником английского престола. Сесили была в курсе, что Кики долгие годы прожила в Африке, однако ее кожа осталась такой же белой и прозрачной, как и нити жемчуга, обвившего ее лебединую шею, плавно перетекающую в глубокое декольте на спине в стильном бальном платье от «Шанель». Темные волосы были собраны в высокую прическу, открывающую лицо с изысканными высокими скулами и высокий лоб, из-под которого сверкали огромные зеленые глаза, невольно гипнотизируя своим взглядом.

– Ну разве это не радость встретить свою крестную мать после стольких лет? – ликующе воскликнула Доротея, обращаясь к дочери. – Кики, почему ты не сообщила мне, что снова в Нью-Йорке? Я бы непременно устроила вечер в твою честь.

– Скорее уж поминальный обед, – пробормотала вполголоса Кики, выпуская тонкую струйку дыма. – Столько смертей за последнее время... Я-то и приехала сюда, чтобы встретиться с адвокатами...

– Знаю, моя дорогая, знаю. – Доротея уселась по другую сторону от Кики и взяла ее за руку. – Последние несколько лет действительно стали для тебя самой настоящей адской мукой.

Сесили молча наблюдала за тем, как ее мать принялась утешать экзотическую красавицу, сидящую рядом, и впервые за последние дни в ней самой тоже затеплилось нечто, отдаленно похожее на надежду. Надежду на то, что в ее жизни все как-то образуется и наладится. Сесили знала, что Кики потеряла кучу родственников, в том числе и своего мужа Джерома. Целая вереница смертей, причем при самых трагических обстоятельствах. И тем не менее Кики, которой по всем прикидкам уже где-то около сорока, прекрасна, как никакая другая женщина. Хотя, с другой стороны, крестная мать – это живое подтверждение того, что красота далеко не всегда приносит счастье.

– С кем ты сидишь за ужином? – спросила у подруги Доротея.

– Понятия не имею, – небрежно ответила Кики. – Да они все тут сплошные зануды. А что, если я останусь за этим столом? Рядом с тобой?

– Мы с Сесили будем только рады такому соседству. Сейчас попрошу официанта, чтобы он принес еще один прибор.

Доротея поспешила на поиски официанта, а Кики снова повернулась к Сесили и обвела ее внимательным взглядом, потом протянула ей свою руку. Сесили слегка пожала ее, длинные тонкие пальцы Кики были холодны, как лед, и это несмотря на то, что в помещении было очень жарко.

– Ты правильно сделала, что взяла себя в руки и явилась сюда, – промолвила Кики, загасив окурочек в пепельнице. – Лично мне наплевать на всех, кто сегодня присутствует здесь. Ничего стоящего, поверь мне. – Кики вздохнула, взяла бокал с шампанским, который оставила Доротея, и залпом осушила его до дна. – Как любит повторять моя приятельница Алиса, все мы со временем превратимся в прах. А при этом неважно, сколько у нас этих гребаных бриллиантов. – Кики устремила свой взор куда-то вдаль, словно хотела пробуравить глазами стены «Вальдорфа», чтобы посмотреть, что там делается снаружи.

– А какая она, эта Африка? – спросила Сесили, исключительно для того, чтобы хоть как-то поддержать разговор, ибо видела, что ее крестная мать задумалась о чем-то своем и витает сейчас совсем в ином мире.

– О, волшебная, ужасная, таинственная и... полностью непредсказуемая. Знаешь, у меня есть свой дом на берегу озера Наиваша в Кении. Просыпаешься по утрам и видишь, как в озере

купаются гиппопотамы, жирафы прячут свои высокие головы в тени деревьев, маскируясь под их ветви... – Кики негромко рассмеялась низким грудным смехом. – Ты обязательно должна приехать ко мне в Кению. Надо же тебе вырваться, в конце концов, из этого каменного гетто, в котором буквально задыхаешься от нехватки воздуха. Пора взглянуть на настоящий мир, такой, какой он есть на самом деле.

– О, с удовольствием воспользуюсь вашим приглашением... когда-нибудь.

– Дорогая моя, что это значит – «когда-нибудь»? Реально в нашем распоряжении только то, что есть сейчас... В эту самую минуту... А может быть, и в сотую долю секунды...

Она умолкла и потянулась рукой к своей вечерней сумочке, похоже, расшитой десятками крохотных сверкающих бриллиантиков. – Прошу простить меня, детка, но мне надо отлучиться в дамскую комнату. Скоро вернусь.

Кивнув на прощание своей элегантной головкой, Кики удалилась, грациозно лавируя между столиками. Она вдруг напонила Сесили героиню из «Великого Гэтсби», которую обожал главный герой – Дейзи Бьюкенен: такая вся из себя стильная штучка из двадцатых годов, ветреная и взбалмошная. Однако сегодня времена другие. Ревущие и кипящие двадцатые уже стали историей, хотя некоторые, в том числе мать и ее подруги, продолжают жить так, словно они все еще в угаре от всех тех безумств, которыми полнилось то замечательное время, следовавшее сразу же после окончания мировой войны. Однако за стенами этой бальной залы все иначе: остальные американцы по-прежнему сражаются с нищетой, обрушившейся на них после Великой депрессии. Сесили имела личные воспоминания о том страшном времени, хотя на тот момент ей было всего лишь тринадцать лет. Она до сих пор хорошо помнит, как безутешно рыдал ее отец, уткнувшись в плечо матери, рассказывая жене о том, как его самый лучший друг выбросился из окна в тот самый день, когда объявили о финансовом крахе на Уолл-стрит. Потом Сесили буквально вырвала из рук их экономки Мэри папину газету, которую та уже собиралась выбросить в урну, и постаралась сама вникнуть во все, что творилось в стране, вникнуть и понять. Удивительно, но факт: тема Великой Депрессии никогда не обсуждалась в Спенсе, закрытой привилегированной школе для девочек, которую посещала Сесили, хотя она сама при случае не раз и не два задавала наводящие вопросы своим учителям. После окончания школы Сесили стала уговаривать отца, чтобы тот отпустил ее учиться дальше в колледж в Виссаре. Она хотела заняться изучением экономики. При этом сослалась на то, что две ее одноклассницы, имеющие весьма просвещенных родителей, уже получили их согласие на продолжение учебы в Брауне. К немалому удивлению Сесили, Вальтер Морган тоже не стал возражать против поступления дочери в колледж. Вот разве что выбор специальности его не устроил.

– Экономика? – Он сосредоточенно нахмурил брови, после чего сделал большой глоток из стакана со своим любимым бурбоном. – Моя дорогая Сесили, экономика и все, что с ней связано, это исключительно прерогатива мужчин и подспорье для становления их карьеры. Почему бы тебе не заняться изучением истории? Тебе это будет совсем не сложно. И потом всегда сможешь поддержать интеллектуальный разговор с друзьями и коллегами своего будущего мужа.

Разумеется, Сесили пошла на компромисс, согласившись с предложением отца, но в качестве факультативных дисциплин все же выбрала курс по экономике. Она с удовольствием посещала занятия по алгебре, статистике и лекции мисс Ньюкамер по ее знаменитой экономике-105. Одно удовольствие было сидеть в аудитории, стены которой обшиты деревянными панелями, в окружении всяких умных и незаурядных женщин, общение с которыми не могло не вдохновлять.

И как так получилось, что после столь многообещающих лет, потраченных на учебу, Сесили снова очутилась в своей детской спальне фамильного особняка на Пятой авеню без какой-либо надежды на будущее? Да и сейчас тоже торчит за столом в гордом одиночестве.

Сесили обвела зал глазами, ища мать, и снова отхлебнула немного шампанского из своего фужера, чтобы хоть как-то отвлечься от невеселых мыслей, которые непрестанно лезли в голову.

Летом она закончила учебу в Виссаре и отправилась к родителям, которые в то время отдыхали в своем имении в Хэмптонсе. Сесили буквально хотелось ущипнуть себя, когда она вдруг поняла, что Джек стал на полном серьезе ухаживать за ней, все время привечал ее на всяких вечеринках, выделяя из толпы других девушек, постоянно звал поиграть с ним в теннис, не скупился на комплименты и осыпал подарками, что в равной степени забавляло и волновало Сесили. Ее родители наблюдали за развитием их отношений с видимым удовлетворением, наверняка они уже даже обсудили между собой вариант с возможной помолвкой их дочери. И действительно, в сентябре Джек сделал ей предложение, по роковому стечению обстоятельств, именно в тот день, когда на Лонг-Айленд неожиданно, без всяких предупреждений от метеослужб обрушился мощнейший ураган, который натворил на острове множество бед. Она до сих пор вспоминает тот страшный день: вся семья Джека вместе со слугами неожиданно появились в доме Морганов с побелевшими от страха лицами. Особняк Гэмблинов в Западном Хэмптоне был практически разрушен разбушевавшейся стихией. Более того, ему грозило полное затопление. Имение же ее родителей располагалось чуть дальше и на более высоком месте, а потому практически не пострадало; к тому же у них имелся огромный подвал, в котором можно было переждать непогоду. Все они сгрудились в этом подвале, прислушиваясь к свирепому ветру, бушевавшему вверху, сносившему крыши домов, валившему наземь многовековые деревья. И вот в этот столь драматичный момент Джек отвел Сесили в сторону и слегка прижал к себе.

– Сесили, моя дорогая девочка, – прошептал он ей на ухо, трепещущей в его объятиях. – Сегодняшние события особенно остро напоминают нам о том, как чертовски коротка наша жизнь... Выходи за меня замуж.

Она уставилась на него в полном недоумении.

– Ты, наверное, шутишь, Джек!

– Напротив! Я говорю серьезно. Умоляю тебя, дорогая, скажи мне «да».

И конечно, она сказала «да». Хотя уже тогда в глубине души, в самых дальних ее уголках, она понимала, что все это слишком хорошо, чтобы быть правдой; однако удивление от того, что он выбрал именно ее, помноженное на огромную любовь, какую Сесили всегда питала к Джеку, воистину затуманили ей сознание, можно сказать, что на тот момент она лишилась разума. И вот спустя всего лишь каких-то три месяца помолвка расторгнута, и Сесили встречает Новый год в полном одиночестве, чувствуя себя абсолютно раздавленной и униженной.

– Сесили! И ты тут! Здорово! Я и подумать не могла, что ты приедешь на бал.

Из состояния глубокой задумчивости Сесили вывела ее самая младшая сестра Присцилла, возникшая прямо перед ней в роскошном платье из розового шелка; ее красивые белокурые волосы рассыпались по плечам искусно уложенными волнами. В эту минуту она была очень похожа на своего кумира, одну из самых ярких звезд Голливуда Кэрол Ломбард: не удивительно, что сестра постаралась максимально точно скопировать ее стиль. К великому сожалению, мужу Присциллы было далеко до Кларка Гейбла, который был женат на Кэрол Ломбард. Роберт был весьма невысокого роста, и Присцилла в своих туфлях на высоченном каблуке возвышалась над ним, словно каланча. Он протянул свои небольшие и слегка влажные ручки Сесили, приветствуя ее.

– Моя дорогая свояченица! Мои соболезнования по случаю твоей утраты. – В эту минуту у Сесили возникло непреодолимое желание оборвать зятя на полуслове и сказать ему, что вообще-то Джек не умер, а жив, здоров и процветает. – И тем не менее с Новым годом! И с новым счастьем!

Сесили позволила Роберту обнять себя за плечи и расцеловать слюнявыми поцелуями в обе щеки. Она до сих пор не могла взять в толк, как может Присцилла каждую ночь уклады-

ваться в кровать с этим некрасивым до безобразия, худым и малорослым человечком с бледным одутловатым лицом, по цвету похожим на вчерашнюю овсянку.

«Наверное, лежит рядом с ним и считает его доллары в банке», – подумала Сесили с неожиданной злостью.

За спиной Присциллы маячила их средняя сестра Мейми. Ей двадцать один, всего лишь на тринадцать месяцев младше Сесили. Ее всегда отличали плоская грудь и фигура, как у мальчишки, но сейчас она беременна, уже на седьмом месяце. Надо сказать, беременность преобразила сестру: платье из голубого атласа удачно подчеркивало ее пополневшие груди и уже довольно заметно обозначившийся животик с будущим младенцем.

– Привет, дорогая! – поздоровалась Мейми с сестрой, тоже расцеловав ее в обе щеки. – Сматривайся просто потрясающе, особенно с учетом всех обстоятельств.

Сесили так и не решила, что это было – комплимент или откровенное оскорбление.

– Правда ведь, Гюнтер? – обратилась Мейми к мужу, который, в отличие от Роберта, довлел своим высоким ростом над женой.

– Красавица! – согласился с женой Гюнтер и тоже обнял Сесили, обхватив ее руками за плечи с такой силой, будто перехватил на лету футбольный мяч.

Сесили очень нравился Гюнтер. Собственно, он ей понравился с первого же взгляда, с того самого момента, когда Мейми впервые привела его в прошлом году к ним домой. Можно сказать, Гюнтер определенно числился в ее любимчиках. Светловолосый, кареглазый, с ослепительно белыми зубами, выпускник Йельского университета, он получил диплом с отличием, после чего пошел по стопам своего отца и начал работать в их семейном банке. Гюнтер, несомненно, умен и вообще очень неординарный человек во всех отношениях. Во всяком случае, у Сесили вызывало уважение то, что он работал в банке за оклад, чтобы содержать свою семью, хотя Мейми не раз жаловалась, что муж тратит непозволительно много времени в Юнион клубе, обедая там в обществе своих клиентов. Сесили надеялась, что сегодня за ужином Гюнтер станет ее соседом по столу, и тогда она сможет подробно расспросить его о том, что он думает по поводу аннексии Гитлером Судетской области и как это может сказаться на американской экономике в целом.

– Леди и джентльмены! Любезно прошу вас занять свои места за столами, – раздался чей-то зычный голос у входа в бальный зал.

– А вот и папа! – воскликнула Сесили, заметив спешившего к их столику Вальтера Хантли-Моргана.

– Столкнулся с Джереми Свифтом в фойе, наверное, самый занудливый тип на Манхэттене! – Вальтер тепло улыбнулся Сесили. – А где мое место? – спросил он, не обращаясь ни к кому конкретно.

– Рядом с Эдит Уилберфос, – ответила отцу Сесили. – По другую сторону стола.

– Еще одна зануда! Впрочем, твоя матушка уверяет меня, что она ей нравится. А ты сегодня просто обворожительна, между прочим, – добавил Вальтер, окинув любящим взглядом свою старшую дочь. – Молодец, Сесили, что пришла на бал. Это мужественный поступок. А я люблю смелых людей.

Сесили вымученно улыбнулась отцу, который поспешил занять отведенное ему место. Для немолодого мужчины он еще очень красив, подумала она; лишь едва заметная седина, посеребренная светлые волосы, да небольшое брюшко выдавали его почтенный возраст. Вообще Хантли-Морганы всегда славилась своей красотой. Правда, Сесили считала, что тут она явно подвела свою семью. Иное дело Присцилла, шикарная голубоглазая блондинка, точная копия своего отца. Или Мейми, которая пошла в мать. А что Сесили? Непокорная грива кудрей какого-то неопределенного бурого цвета, то же самое и с глазами: в солнечный день они светло-голубые, а в непогоду – серые. Плюс еще целая россыпь веснушек на носу, которые особенно заметны на солнце. Невысокая, чуть выше пяти футов, стройная, но, как считала

сама Сесили, это та стройность, которая уже граничит с худобой. Словом, самый настоящий карлик, особенно на фоне своих импозантных и красиво сложенных сестер.

– Ты видела Кики, Сесили? – обратилась Доротея к дочери, заняв свое место через три стула от нее.

– С тех пор как она удалилась в дамскую комнату, нет, мама, не видела, – ответила ей Сесили, пока официанты разносили гостям закуску из креветок. Место, специально зарезервированное для Кики, осталось пустым.

«Как раз то, что мне надо... Свободное место рядом...»

Гюнтер наклонился к ней и прошептал:

– Если Кики не объявится в ближайшие десять минут, я пересяду к тебе поближе.

– Спасибо, – поблагодарила его Сесили и отхлебнула немного вина из бокала, который наполнил ей официант. *«Господи, – подумала она с тоской, – как же бесконечно долго будет тянуться эта ночь».*

Кики не появилась и через час, официанты унесли прочь ее прибор, а Гюнтер передвинулся поближе к Сесили. И у них состоялся обстоятельный разговор об общей ситуации в Европе. Сам Гюнтер скептически относился к разговорам о том, что война не за горами. Ведь в начале 1938 года британский премьер-министр господин Чемберлен заключил с Гитлером особое соглашение.

– Но опять же, Гитлер – это такая непредсказуемая персона, которая постоянно нервирует рынки. Вот и совсем недавно был очередной всплеск волатильности, а ведь уже казалось, что все страсти улеглись. Конечно, – Гюнтер наклонился к свояченице поближе, – есть и такие, кто с радостью потирает руки в предвкушении скорой войны в Европе.

– Неужели? – нахмурилась Сесили. – А что их так радует?

– Как что? Для ведения войны нужны пушки, нужны боеприпасы, а Америка может отлично производить и то и другое. Особенно с учетом того, что сами мы не окажемся втянутыми в это военное противостояние.

– Ты так уверен, что Америка не будет вовлечена в военные действия?

– Абсолютно уверен. Даже Гитлеру не придет на ум бредовая идея замахнуться на аннексию Соединенных Штатов Америки.

– И все же трудно поверить, что есть люди, которые *хотят войны*.

– О, но ведь война, Сесили, обогащает людей, а соответственно, и целые страны. Вспомни, какой была Америка до мировой войны и сколько крупных, многомиллионных состояний возникло в ходе той войны. Все в этом мире развивается циклами. Иными словами, как это грубо ни звучит, но то, что идет вверх, должно опуститься вниз, и наоборот.

– Довольно грустный взгляд на развитие мировой истории. Тебе так не кажется?

– Наверное, ты права. Остается лишь надеяться, что люди чему-то учатся на собственных ошибках, и благодаря этому человечество может двигаться вперед. Но тем не менее сегодня Европа балансирует на грани войны. А нам остается, – Гюнтер вздохнул, – лишь верить в благоразумие человека. И может быть, – добавил он, прислушиваясь к первым вступительным тактам музыки и наблюдая за тем, как пары тут же устремились на паркет, – новогодняя ночь – это единственная ночь в году, когда мы должны забыть все свои тревоги и просто праздновать. Потанцуешь со мной? – Он поднялся со своего места и подал Сесили руку.

– С удовольствием, – улыбнулась она в ответ.

Десять минут спустя Сесили снова опустилась на свой стул за опустевшим столом. Все еще танцевали со своими партнерами и партнершами, но самое отвратительное было то, что во время танца она успела мельком заметить ослепительно красивое серебристое платье в комплекте с безупречно длинными ногами, принадлежащими разлучнице из Чикаго. Она вихрем пронеслась мимо в объятиях бывшего жениха Сесили.

Вообще-то Сесили не курила, но тут ее потянуло сделать затяжку-другую, хотя бы для того, чтобы занять себя чем-то. Она взяла пачку, оставленную кем-то на столе, достала оттуда сигарету и закурила, уныло размышляя о том, каким одиноким может чувствовать себя человек в помещении, до отказа заполненном сотнями людей. Она даже подумала о том, чтобы поймать такси и укатить домой, но в этот момент перед ней снова возникла Кики в сопровождении статного красивого мужчины.

– Ах, Сесили! Ну что же ты тут торчишь в гордом одиночестве? Позволь представить тебе капитана Тарквина Прайса. Он мой большой друг из Кении.

– Рад познакомиться с вами, мисс. – Мужчина отвесил Сесили учтивый поклон.

– Хорошо, оставляю вас, молодых, наедине друг с другом. Поболтайте немного, а мне пока нужно отлучиться в комнату для отдыха.

Тарквин уселся на соседний стул и предложил Сесили еще одну сигарету, но она лишь отрицательно покачала головой, думая о том, что у ее крестной матери, судя по всему, весьма серьезные проблемы с мочевым пузырем.

– Так вы крестница Кики? – поинтересовался капитан.

– Да. А вы ее близкий друг?

– О, я бы не рискнул заявлять такое; мы с Кики пару раз пересекались в Найроби в клубе Мутаига. А потом у меня образовался небольшой отпуск, и Кики пригласила меня на Рождество в Нью-Йорк. Ваша крестная мать принадлежит к тому типу женщин, которые легко и просто обзаводятся новыми знакомыми и друзьями. Она ведь очень необычная женщина. Вы не находите?

– Согласна с вами, Кики действительно очень неординарная дама, – ответила Сесили. Ей вдруг захотелось закрыть глаза и просто слушать голос своего собеседника, разговаривающего на типичном для англичан языке со множеством сокращений. – Так вы живете в Кении?

– На данный момент – да. Я служу в британской армии, и меня направили туда несколько месяцев тому назад, когда началась вся эта заварушка с Гитлером.

– И вам нравится жить в Кении?

– О, Кения – необыкновенно красивая страна, не похожая ни на одну другую. И уж совершенно не похожа на нашу старушку Англию, это точно.

Его красивое загорелое лицо в обрамлении густых темных волос расплылось в добродушной улыбке, карие глаза тоже заискрились смехом.

– А вам уже доводилось видеть там живых тигров и львов?

– Прошу прощения, но я вынужден вас немного поправить, мисс...

– Пожалуйста, зовите меня просто Сесили.

– Хорошо, Сесили. Спешу вас заверить, что наличие тигров в Африке – это весьма распространенное заблуждение. На самом деле тигров в Африке нет. Но вот львов мне уже приходилось видеть. Одного я даже застрелил в буше несколько недель тому назад.

– Правда?

– Да, – энергично кивнул головой Тарквин. – Зверюга шлялся непосредственно возле нашего лагеря. А эти черномазые все как один уснули, а когда пробудились, то тут же разбежались в разные стороны. Хорошо, что я услышал крики, схватил ружье и пристрелил незваного гостя, пока он не успел слопать нас всех на ужин. А ведь в лагере были и женщины.

– Вот как? Дамы тоже сопровождают вас в походе?

– Да. И надо сказать, кое-кто из них стреляет гораздо лучше мужчин. А вообще-то, когда живешь в Африке, то нужно уметь обращаться с ружьем независимо от того, мужчина ты или женщина.

– А я вот ни разу в жизни не держала в руках ружья, не говоря уже о том, чтобы стрелять из него.

– О, уверен, вы бы очень быстро освоили это дело. Во всяком случае, большинство учится стрелять сравнительно быстро. А чем вы, Сесили, занимаетесь здесь, в Нью-Йорке?

– Главным образом, помогаю маме во всех ее благотворительных делах. Состою в нескольких комитетах и...

Сесили оборвала себя на полуслове. Какая нелепость – рассказывать офицеру британской армии, который к тому же недавно собственноручно застрелил льва, о том, как она участвует во всяких благотворительных обедах.

– То есть, я хочу сказать, что могла бы сделать много больше, но...

«Ну, давай же, Сесили! Давай! Хотя бы попытайся сказать что-то более убедительное... Ведешь себя как несчастная девица, оставшаяся на балу без кавалера... Впрочем, так оно и есть».

– Между прочим, я всерьез интересуюсь экономикой, – неожиданно для себя самой выпалила она.

– Даже в эту самую минуту? А почему бы нам не совершить круг по паркету? А вы бы за это время доходчиво объяснили, куда мне выгоднее всего вкладывать свое жалкое армейское жалование.

– Я... хорошо, – согласилась она. Уж лучше танцевать, чем мучиться в поисках слов и тем для разговора. Зазвучала бравурная музыка Бенни Гудмана в исполнении его великолепного оркестра. Сесили с облегчением подумала, что даже если бы ей в голову и пришло что-то стоящее или смешное, о чем можно было бы рассказать Тарквину, то вряд ли он ее услышал бы в этом шуме и грохоте. Попутно она не без удовольствия отметила про себя, что англичанин танцует гораздо лучше Джека. А уж когда они столкнулись буквально нос к носу с Джеком и его богиней в серебристом платье, то Сесили даже испытала нечто очень похожее на злорадное удовлетворение. Наконец наступила полночь, над головами гостей взмыли сотни разноцветных шаров и устремились вверх.

– С Новым годом, Сесили. С новым счастьем! – Тарквин слегка подался вперед и расцеловал ее в обе щеки.

Оркестр с воодушевлением заиграл мелодию знаменитой шотландской песни на слова Роберта Бернса «Старое доброе время», которую в обязательном порядке исполняют с наступлением новогодней полночи, а потом снова зазвучала танцевальная музыка, и Тарквин тут же снова пригласил Сесили на танец. И не отходил от нее ни на шаг, пока не объявилась Кики, возникнув ниоткуда, словно привидение, и не повисла на его руке.

– Тарквин, будьте пайнкой и сопроводите меня в мой номер. Я уже наплясалась всласть, мои бедные ноженьки меня больше не держат. Мне надо немедленно сбросить с себя эти ужасные туфли. Я пригласила к себе наверх пару человек, так что мы можем продолжить веселиться и у меня. Сесили, дорогая! Ты обязательно должна пойти вместе с нами.

– Спасибо, Кики. Но за нами уже приехала машина, шофер ждет на улице.

– Так пусть подождет немного подольше, – рассмеялась в ответ Кики.

– Нет, не могу. Мне нужно домой. – После нескольких бессонных ночей Сесили действительно уже настолько устала, что готова была заснуть прямо на руках Тарквина.

– Что ж, коли нужно, тогда другое дело. Но мы еще увидимся с тобой до моего отъезда в Кению. Я уже говорила Сесили, что ей обязательно нужно приехать ко мне в гости, – добавила Кики, обращаясь к Тарквину.

– Прекрасная идея! – поддержал ее Тарквин, бросив на Сесили влюбленный взгляд. – Был счастлив познакомиться с вами. – Тарквин взял ее руку и поднес к своим губам. – Буду очень рад снова увидеться с вами уже в Кении, если вы и правда надумаете приехать к нам. Надеюсь на скорую встречу. Всего вам доброго.

– Всего доброго.

Сесили молча проследила за тем, как Тарквин повел Кики, пробираясь сквозь толпу гостей, потом принялась отыскивать глазами родителей. А про себя подумала, что если она даже никогда больше не увидит капитана Тарквина Прайса, то сегодня он оказался рядом с ней весьма кстати, став на этот вечер ее рыцарем в сверкающих доспехах.

10

Как и все жители Нью-Йорка, Сесили не любила январь, однако нынешний январь выдался, пожалуй, самым унылым и нудным за всю ее жизнь. Обычно у нее всегда поднималось настроение, когда она смотрела из окна своей спальни на заснеженный Центральный парк, но в этом году снега не было, весь месяц лил дождь, дорожки были покрыты серой липкой грязью, под стать такому же тусклому и серому небу.

До того момента, как Джек самым неожиданным образом выпал из ее жизни, Сесили, помогая маме и ее многочисленным приятельницам в их неустанных благотворительных хлопотах, днями напролет предавалась мечтам о будущей свадьбе. Что же касается самих благих дел, то, по мнению Сесили, они сводились главным образом к бесконечным дебатам и обсуждениям, куда и на что именно пустить деньги, полученные от очередного дарителя, после чего не менее обстоятельно обсуждалось меню следующего благотворительного обеда. Отдельно и очень скрупулезно велась работа над списком приглашенных гостей: здесь главным критерием было то, сколько долларов пожертвует на нужды благотворительности тот или иной приглашенный. Доротея напирала и на старшую дочь, требуя у нее полной информации о том, кто из ее подруг вышел замуж, а главное – за кого. Если жених или молодой муж был состоятельным человеком, то Сесили была обязана пригласить на обед и эту молодую пару.

Умом Сесили понимала, что и мама, и ее престарелые подружки хлопочут на ниве добрых дел, как говорится, не жалея себя, однако же она никогда не видела перепачканными в грязи их безупречно белые шелковые перчатки, когда дамы посещали то или иное богоугодное заведение, на которое выделялась очередная сумма благотворительного взноса. Однажды Сесили вызвалась самостоятельно поехать в Гарлем и навестить тамошний сиротский приют, для которого на последнем благотворительном обеде было собрано более тысячи долларов, но мама лишь взглянула на нее с таким видом, будто дочь сошла с ума.

– Сесили, дитя мое, что за вздор лезет тебе в голову?! Все эти черномазые обернут тебя до нитки еще до того, как ты вылезешь из машины. Твоя обязанность – это изыскивать средства для бедных и несчастных цветных детишек! И этого для тебя более чем достаточно.

После крупных беспорядков, случившихся в Гарлеме в 1935 году, как раз тогда, когда Сесили училась на втором курсе колледжа, она постоянно чувствовала напряжение, витавшее в воздухе, и была более или менее в курсе того, что там происходит сегодня. Порой, правда, у нее возникал соблазн расспросить поподробнее обо всем горничную Эвелин, тоже негритянку, которая работала в их доме уже более двадцати лет. Пусть бы рассказала все, как есть, в том числе и о своей жизни. Но негласное правило номер один в их доме: никто из семьи не должен никогда и ни при каких обстоятельствах вступать в обсуждение любых личных вопросов со слугами. Эвелин жила здесь же, у них в доме, в мансарде вместе с другими женщинами, подвизавшимися на кухне. Отлучалась в город она только по воскресеньям, чтобы сходить в «свою церковь», как она ее называла. Их шофер Арчи и его жена Мэри, работавшая у них экономкой, жили в Гарлеме, но опять же информация об их тамошней жизни была Сесили недоступна. В колледже Сесили удалось познакомиться с несколькими девушками передовых взглядов, открыто требовавшими социальных перемен в обществе. Так, к примеру, ее подруга Теодора часто по выходным отлучалась из студенческого кампуса, чтобы поучаствовать во всяких сходках, посвященных обсуждению гражданских прав, в знаменитом доме собраний с залом общества милосердия, более известном под названием «19-я палата». К себе в комнату

подруга возвращалась в воскресенье, далеко за полночь, пробираясь через окно. От нее разило табаком, и она буквально кипела от ярости.

– Нет, в этом мире определенно нужны перемены, – шептала Теодора со злостью, натягивая на себя ночную сорочку. – Может, с рабством мы и покончили, но все равно обращаемся с целой расой так, словно они не люди: повсюду сегрегация, неграм никуда нет хода. Как же мне все это осточертело, Сесили...

В январе наступал мертвый сезон и для всех благотворительных дел: никаких заседаний комитетов и прочей суеты. А потому Сесили целыми днями торчала дома наедине со своими невеселыми мыслями. Даже новости, сообщаемые по радио, не сильно радовали или обнадеживали: Гитлер продолжал выступать со своими подстрекательскими речами, обрушиваясь в присущей ему манере на «британских и еврейских милитаристов».

– Зима 1939 года – ужасное время для жизни, – бормотала себе под нос Сесили, рискуя выбраться на прогулку в Центральный парк, утопающий в густом тумане. Но надо же хотя бы изредка показаться на улице.

Доротея уехала в Чикаго навестить свою мать. Сесили, сидя за ужином вместе с отцом за огромным столом в столовой, выходящей окнами на заснеженный сад, все никак не отваживалась предложить отцу перебраться для совместных трапез в более уютную утреннюю гостиную, где стоит небольшой столик.

– Ну, как тебе нравится новый стильный декор в нашем доме? – поинтересовался Вальтер у дочери, сделав глоток вина и неопределенно махнув рукой на ультрамодную сверкающую мебель.

Их особняк на Пятой авеню с внушительным каменным фасадом, обращенным к Центральному парку, был сравнительно недавно, по распоряжению Доротеи, полностью обновлен внутри. Сейчас интерьер дома был выдержан в модном стиле «ар-деко», который поначалу приводил Сесили в полное замешательство. Повсюду обилие зеркал, и в каждом маячит твое отражение. Словом, бесконечная череда зеркальных поверхностей. По правде говоря, Сесили было жалко, что из родительского дома исчезла громоздкая мебель из красного дерева, которая была знакома ей с детства. Единственным напоминанием о тех давних годах в ее спальне остался старый потрепанный мишка по имени Гораций.

– Если честно, то наш прежний интерьер мне нравился больше, но мама, кажется, очень довольна новым обликом нашего дома, – осторожно заметила Сесили.

– И это – главное, – обронил отец и погрузился в молчание.

Тогда Сесили рискнула затронуть тему, которая ее действительно волновала.

– Папа, – нерешительно начала она, – я стараюсь следить за новостями и хочу спросить тебя вот о чем. Почему Гитлер продолжает запугивать всех своими агрессивными речами? Ведь он же получил по Мюнхенскому соглашению все, чего хотел. Разве не так?

– Потому, моя дорогая, – ответил Вальтер, отрываясь от собственных мыслей, – что этот человек – психопат, причем в прямом смысле этого слова. То есть ему не знакомы ни чувство вины, ни стыд. Скажу даже более того: маловероятно, что он вообще будет придерживаться или соблюдать те соглашения, которые заключил.

– Значит, в Европе может начаться война?

– Бог его знает, – неопределенно пожал плечами Вальтер. – Все зависит от того, с какой ноги Гитлер встанет в тот или иной день и какая моча ударит ему в голову. Однако, с другой стороны, экономика Германии сейчас на подъеме. Все же он сумел запустить экономические процессы в нужном направлении. Иными словами, сегодня немцы вполне могут позволить себе войну, если того пожелает их вождь.

– Получается, что все опять упирается в деньги, да? – вздохнула Сесили, ковыряя вилкой телячью котлетку, лежащую перед ней на тарелке.

– Многое действительно зависит от денег, но далеко не все. Чем занималась сегодня?

– Абсолютно ничем. Пробездельничала весь день, – честно призналась отцу Сесили.
– С подругами не встречалась за обедом?
– Папочка, все мои подруги уже давно замужем, и сейчас они либо беременны, либо нянчатся со своими малышами.

– Ничего-ничего! Скоро и ты приберешься к их берегу, – успокоил ее отец.
– Лично я в этом совсем даже не уверена. Папа?
– Что, Сесили?
– Я... Я тут подумала, что поскольку замужество в обозримом будущем мне точно не грозит, то, может, ты все же сочтешь возможным взять меня на какую-нибудь работу в свой банк. – Сесили нервно сглотнула. – Может, у вас открывается новое отделение?

Вальтер аккуратно вытер салфеткой усы, потом так же аккуратно сложил салфетку и положил ее рядом со своей тарелкой.

– Сесили, мы уже с тобой много раз обсуждали эту тему. И мой ответ остается неизменным. Я говорю тебе «нет».

– Но почему? Сегодня в Нью-Йорке столько работающих женщин! И они не сидят и не ждут, когда к ним на помощь придет какой-нибудь мужчина. И не боятся того, что мужчины могут потеснить их на работе. В конце концов у меня степень, и я хочу использовать свои знания на практике. Неужели в твоём банке не найдется для меня какой-нибудь работы? Когда мы с тобой встречаемся в городе, чтобы вместе пообедать, я вижу, как девушки толпами выходят из твоего банка. Значит, что-то же они там делают...

– Ты права, именно что-то! Они трудятся машинистками в машбюро, целыми днями стучат на машинках, печатают всякие директивные письма и прочие бумаги, потом заклеивают конверты с этими письмами, наклеивают на них марки и относят корреспонденцию в почтовую службу банка. Ты такой работы хочешь?

– Хотя бы такой! Во всяком случае, я буду делать хоть что-то полезное.

– Сесили, ты не хуже меня понимаешь, что ни одной из своих дочерей я не позволю работать машинисткой в своём банке. В противном случае мы с тобой рискуем превратиться в объект для всеобщих насмешек. Эти девушки, которые трудятся у нас, они ведь совсем из другого круга...

– Я все это понимаю, папа, но, честно говоря, меня меньше всего волнует все то, что связано с социальным статусом. Я просто хочу... мне нужно чем-то заполнить свои дни, только и всего. – Сесили почувствовала, как к глазам подступили слезы отчаяния.

– Моя дорогая, я тоже все прекрасно понимаю. Понимаю, как тебя больно ранило предательство Джека. Можно сказать, оно тебя полностью оглушило. Но я уверен, очень скоро на горизонте появится очередной соискатель твоей руки.

– А что, если я вообще *не хочу замуж*?

– Тогда со временем ты превратишься в одинокую старую деву, окруженную толпой племянников и племянниц. – В глазах Вальтера запрыгали веселые огоньки. – Тебя привлекает такое будущее?

– Нет... то есть да... Я хочу сказать, что на данный момент меня мало волнует собственное будущее. Зачем же ты тогда позволил мне получить высшее образование, если я никогда не смогу применить свои знания на практике?

– Сесили, образование расширило твой кругозор, позволило понять суть многих вещей, происходящих вокруг. Что в свою очередь позволит тебе со знанием дела рассуждать на самые разные темы со своими соседями по столу на всяких званых ужинах...

– Папочка! Ты сейчас говоришь точь-в-точь, как мама. – Сесили уткнулась головой в свои руки. – Неужели нельзя использовать полученные знания более эффективно?

– Сесили, я понимаю, как это горько, когда ты не можешь следовать избранному тобой предназначению, заниматься тем, к чему лежит твоя душа. Вот я, к примеру... Я изучал эко-

номику в Гарварде только потому, что там же учился мой дедушка и еще целая куча всяких прапрадедушек. Когда я окончил университет, я мечтал о том, чтобы отправиться в путешествие по всему миру, а не зарабатывать на жизнь, занимаясь вульгарной коммерцией. В своем воображении я рисовал картины того, как стану великим белым охотником или кем-то еще в этом же роде. – Вальтер невесело усмехнулся. – Само собой, когда я поделился своими планами с отцом, то он лишь глянул на меня, как на сумасшедшего, и я услышал в ответ категорическое «нет». Я вынужден был пойти по его стопам и начать работать в банке, а со временем занял место в совете директоров.

Отец замолчал и сделал еще один большой глоток вина.

– Ты полагаешь, мне нравится все то, чем я занимаюсь изо дня в день? – неожиданно спросил он у Сесили.

– Я... Мне всегда казалось, что тебе нравится твоя работа. Но, по крайней мере, ты хотя бы работаешь.

– Ну, если это можно вообще назвать работой. На самом деле я занят тем, что ублажаю наших клиентов, вожу их на обеды и ужины, делаю вид, что каждого из них мы страшно любим и ценим, а в это время мой старший брат Виктор принимает все ответственные решения по заключаемым сделкам. Иными словами, мне отведена роль такого приятного во всех отношениях малого, состоящего в приятелях у наших клиентов. Не забывай, ведь после Великой депрессии наступили очень тяжелые времена.

– Но твой банк уцелел и выстоял. И у нас еще имеются какие-то деньги, разве не так?

– Так. Но при этом ты должна отдавать себе отчет в том, что наш дом содержится на своем прежнем уровне исключительно благодаря состоянию, которое унаследовала твоя мать, а вовсе не моим деньгам. Понимаю твое нетерпение и неприятие многого из того, что мы видим вокруг, но ничто не совершенно в этом мире, и жизнь полна испытаний, самых разных, а нам остается лишь по мере сил распорядиться своей жизнью наилучшим образом. Вот когда ты станешь замужней женщиной и будешь вести собственное хозяйство, то приобретенных знаний тебе хватит хотя бы на то, чтобы вывести на чистую воду любого из своих слуг, кто попытается обмануть тебя. – Вальтер снова улыбнулся. – Твое предназначение в жизни – быть женой, а мое – стоять рядом с Виктором и наблюдать за тем, как он уверенной рукой ведет наш банк к разорению. А сейчас, если ты уже закончила со вторым, я попрошу Мэри подать нам десерт.

* * *

Один промозглый серый день сменялся таким же унылым серым днем, а Сесили все продолжала размышлять над тем неожиданно откровенным разговором, который состоялся у нее с отцом. До нее наконец дошло, как больно ранит его самолюбие то обстоятельство, что жена гораздо богаче него. Их роскошный особняк на Пятой авеню Доротея унаследовала от своего отца, дедушки Сесили, в честь которого ее, собственно, и называли. Сесил Г. Гомер первым в Соединенных Штатах наладил массовое производство зубной пасты, на чем и сколотил свое немалое состояние. Его жена Жаклин развелась с мужем, когда Доротея было еще совсем ребенком: в официальных бумагах причиной развода была названо то, что Сесил якобы бросил ее, что, как со смехом потом не раз повторяла сама Жаклин, в реальности значило лишь одно: муж променял ее не на другую женщину, а на длинный изящный тюбик мятной зубной пасты. В тринадцать лет Доротея стала единственной наследницей состояния отца, который умер от сердечного приступа прямо за своим рабочим столом, а когда ей исполнился двадцать один год, она уже официально вступила в права владения особняком на Пятой авеню, плюс огромным имением в Хэмптонсе, крупной суммой наличных денег и обширными инвестициями по всему миру.

Вскоре последовал ее брак с Вальтером Хантли-Морганом, прекрасная родословная, безупречная семья и все такое, но так уж получилось, что семейным банком управлял его старший брат, а Вальтеру пришлось довольствоваться лишь вторыми ролями, как он сам невесело шутил на сей счет.

Однако же, как Сесили ни пыталась убедить себя в том, что отец прав и жизнь действительно *полна испытаний и вызовов*, она понимала, что никаких таких особых *испытаний* в ее жизни нет. Порой ей казалось, что еще немного, и она умрет от скуки. К тому же она знала, что даже в самые темные и ненастные январские дни в Нью-Йорке что-то постоянно происходит и светская жизнь продолжает бурлить, но на серебряном подносе в холле не было ни единого приглашения на ланч или даже просто на чашечку чая. Просматривая колонки светских хроник в «Нью-Йорк таймс», Сесили понимала, откуда такое небрежение к ее персоне. Немыслимо было даже представить себе бывшую и нынешнюю невест Джека в одной гостиной, что вполне могло бы случиться, если бы там появилась Сесили. К тому же Патриция Огден-Форбс, судя по всему, затмила Сесили по популярности, снискав полнейшее расположение к себе со стороны всего светского общества. Даже ближайшие подруги Сесили переметнулись на сторону новой избранницы Джека.

Однажды после обеда Сесили налила себе немного бурбона из графина, стоявшего на подсервантике в гостиной, после чего осмелела настолько, что решила сама позвонить своей старинной и самой близкой подруге Шарлотте Эмери. Трубку на другом конце провода подняла экономка, после чего отправилась на поиски Шарлотты, а через какое-то время сообщила, что хозяйка сейчас занята и не может подойти к телефону.

– Но это срочно! – взмолилась Сесили. – Пожалуйста, попросите ее перезвонить мне, когда она освободится. И как можно скорее.

Прошло не менее двух часов, прежде чем экономка Мэри позвала Сесили к телефону, сообщив, что звонит Шарлотта.

– Привет, Шарлотта. Ну, как поживаешь?

– Все прекрасно, дорогая. А как ты?

– Но ты же в курсе: мой красавец-жених меня бросил, а в Европе назревает война. – Сесили издала короткий смешок.

– Ах, Сесили! Мне, право же, очень жаль, что все так вышло.

– Перестань, Шарлотта! Я же просто пошутила. На самом деле у меня все тоже хорошо.

– Чему я только рада. Представляю, как тебе было непросто, когда Джек объявил о своем решении. Да и все остальное тоже...

– Да, ситуация была не из лучших, здесь ты права. А с другой стороны, я жива-здорова и дышу полной грудью. Вот тут подумала, что давно уже не общалась с тобой. Давай завтра встретимся. Попотчует себя чаем с вкуснейшими пшеничными лепешками в «Плаза». У них ведь самая лучшая сдоба в городе.

– К превеликому сожалению, не могу. Розмари устраивает у себя дома небольшое собрание. У нее сейчас гостит какая-то ее приятельница из Англии. Она пообещала научить нас, как надо правильно играть в бридж.

Сесили нервно сглотнула. Розмари Эллис, представительница их поколения, была, бесспорно, королевой светского общества. До недавних пор она тоже числилась в приятельницах у Сесили.

– Понятно. Тогда, может, на следующей неделе?

– Со мной сейчас нет рядом записной книжки с расписанием на следующую неделю. Давай я перезвоню тебе в понедельник, и мы договоримся, когда встретиться.

– Хорошо, – согласилась Сесили, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие и не допустить того, чтобы предательски дрогнул голос. В высшем обществе Нью-Йорка ничто и никогда не делается спонтанно. Визит к парикмахеру, примерка у портнихи, маникюр, не говоря

уже о встрече с подругой, все тщательно планируется и фиксируется в дневниках и записных книжках за недели вперед до означенного мероприятия. А потому Сесили уже заранее знала, что Шарлотта не станет перезванивать ей в понедельник. – Хорошо! Тогда до скорого! – выдавила она в трубку и со всего размаха швырнула ее на рычаг. И тут же разревелась.

Часом позже она лежала в постели, тупо уставившись в потолок. Она не могла заставить себя даже читать. Но тут в дверь тихонько постучала Эвелин.

– Простите за беспокойство, мисс Сесили, но меня послала к вам Мэри. Она сказала, что внизу какая-то леди в сопровождении джентльмена. Они пришли с визитом к вашей матушке, но Мэри объяснила им, что мадам сейчас в отъезде. Тогда дама изъявила желание встретиться с вами.

Эвелин пересекла комнату и протянула Сесили визитную карточку.

Сесили прочитала имя и вздохнула. Внизу ее поджидала крестная Кики. Поначалу Сесили даже решила прикинуться больной, однако она понимала, что мама никогда не простит ей, если узнает, что дочь отказалась принять у себя дома ее старинную подругу.

– Проводи их в гостиную, Эвелин. Скажи, что я спущусь минут через десять, только немного приведу себя в порядок.

– О, но в гостиной камин не горит, мисс Сесили.

– Так займись им, и поскорее.

– Хорошо, мисс Сесили.

Сесили сползла с кровати и глянула на себя в зеркало. Потом небрежно прошла расческой по своим непокорным кудряшкам и подумала, что сейчас она больше похожа на Ширли Темпл, чем на Грету Гарбо. Разгладила рукой блузку и юбку, влезла в туфли, слегка тронула губы помадой и отправилась вниз, чтобы поздороваться с Кики.

– Моя дорогая! – раскудаhtалась Кики, обнимая Сесили. – Ну, как ты?

– Все хорошо, спасибо.

– Но выглядишь ты, милая, не совсем хорошо. Вон как лицо осунулось. И бледненькая такая же, как это серое небо над Манхэттенем.

– Да, немного подстыла, но уже потихоньку поправляюсь, – солгала ей Сесили.

– Чему я совсем не удивляюсь! Манхэттен в это время года – самый настоящий холодильник. К тому же пустой! – Кики рассмеялась и зябко поежилась, поплотнее запахнув норковое манти и направляясь к камину, который уже успели затопить. Достала из сумочки сигарету, вставленную в мундштук. – Могу выразить свое восхищение вкусом твоей матери в том, что касается дизайна. Ар-деко – это стиль не для всех. – Кики широким взмахом руки обвела гостиную, в которой одна стена была сплошь из зеркального стекла. – Надеюсь, ты помнишь Тарквина, да? – спросила она у Сесили, наконец вспомнив, что приехала не одна, а в сопровождении красивого мужчины, с которым Сесили танцевала на балу две недели тому назад, встречая Новый год. Молодой человек был облачен в толстое пальто из твида. Впрочем, даже при заженном камине температура в гостиной была близка к нулевой.

– Конечно, помню. – Сесили приветливо улыбнулась гостю. – Как поживаете, Тарквин?

– Все прекрасно, спасибо, Сесили.

– Какие-нибудь освежающие напитки? Чай? Кофе? – предложила Сесили гостям.

– Лично я не откажусь от бренди. Это именно то, что нужно нам, чтобы согреться. Тарквин, будьте так любезны. – Кики жестом показала на графины со спиртным, которые стояли на подсервантнике.

– Сию минуту, – согласно кивнул молодой человек. – А вам, Сесили?

– Я...

– И ей тоже, – безапелляционно сказала, как отрезала, Кики. – Бренди – это же лекарство, особенно для тех, кто простужен. Я права, Тарквин?

– Абсолютно правы, уверен в этом.

«Но не в половине третьего дня», – подумала про себя Сесили, но промолчала.

– Так, и куда же упорхнула твоя матушка, позвольте спросить? Надеюсь, туда, где потеплее? – спросила Кики у Сесили.

– Отнюдь. Мама уехала в Чикаго навестить свою мать, мою бабушку.

– Боже, какая ужасная женщина эта Жаклин! – воскликнула Кики, взгромоздившись на каминную решетку, установленную перед камином и обитую сверху кожей. – Но при этом богата, как Крез, – добавила она, когда Тарквин подал ей и Сесили стаканы с бренди. – Она ведь, насколько я помню, состоит в родстве с самим семейством Уитни.

– А кто это такие? Имя мне ни о чем не говорит, – промолвил Тарквин, придвигая кресло для Сесили поближе к огню, после чего уселся во второе кресло напротив, а Кики по-прежнему продолжала вещать с каминной решетки. – К сожалению, я не вполне себе представляю, кто есть кто в американском обществе.

– Тогда скажу вам, что если бы мы жили в Англии, то Вандербильты и Рокфеллеры наверняка устроили бы между собой драчку за трон, а вот семейство Уитни в это самое время стояло бы в сторонке, решая для себя, на чью же сторону им переметнуться.

– Получается, что по американским меркам бабушка Сесили – особа королевских кровей, да?

– Именно так! Но у нас это все так запутано. – Кики издала драматичный вздох и бросила окурок в огонь. – Ах, моя дорогая Сесили, какая жалость, что твоей матери сейчас нет дома. Ведь я собиралась предложить ей приехать ко мне в гости в Кению, вполне возможно, даже отправиться в эту поездку вместе со мной, так как сама я покидаю Штаты в конце месяца. Разумеется, мое приглашение распространяется и на тебя. Уверена, там тебе очень понравится: всегда голубое небо, тепло, а уж природа и всякая там живность... Просто дух захватывает.

– Кики, я понимаю, как вам хочется поскорее вернуться в Кению, однако хочу предупредить вас, Сесили, что на самом деле не все так благостно, – снова подал голос Тарквин. – Да, небеса сияют лазурью, но часто идут дожди, и не просто дожди, а самые настоящие ливни, да и все это зверье тоже покажется вам менее очаровательным, если вы столкнетесь с ними нос к носу и они вознамерятся пообедать вами.

– Но мой дорогой! Что за ужасы вы рассказываете! В моем доме в Мундуи такого не было никогда! Дорогая Сесили, вот приедете вместе с мамой и убедитесь в этом сами.

– Спасибо за приглашение, но, боюсь, мама вряд ли согласится оставить мою младшую сестру Мейми накануне ее родов.

– Ах, что за ерунда! Женщины что ни день рожают младенцев тысячами. У меня самой трое детей! Совсем недавно, помню, захожу я на кухню у себя в Мундуи-Хаус, чтобы распорядиться на счет ланча для гостей, и что я вижу? Одна из моих служанок корчится на полу, а между ее ног виднеется головка младенца. Конечно, я тут же стала звать на помощь, но, когда прибежали другие, младенец уже успел благополучно выбраться из нее и валялся в пыли, громко вереща, все еще связанный пуповиной с роженицей.

– Ну и ну! – только и нашлась Сесили. – А малыш выжил?

– Конечно, выжил. Кто-то из родственников роженицы перерезал пуповину, положил младенца на руки матери, после чего препроводил молодую мамашу и ее чадо домой немного отдохнуть. А на следующий день женщина уже как ни в чем не бывало хлопотала на моей кухне. Думаю, сегодня слишком много суеты разводят вокруг этих родов и всего, что с ними связано. Вы согласны со мной, Тарквин?

– Если честно, я как-то никогда об этом не задумывался, – откликнулся Тарквин, который уже успел позеленеть от холода, и сопроводил свои слова большим глотком бренди.

– Словом, я стою на своем. Вы с матерью просто обязаны отправиться со мной в Кению. Я уезжаю в конце января, сразу же после того, как встречу с адвокатами своего покойного

мужа в Денвере. Так что у вас еще предостаточно времени, чтобы все обдумать и подготовиться к поездке. Где у вас здесь туалет?

– По коридору направо. – Сесили подхватила с кресла. – Я провожу вас.

– Знаешь, я находила дорогу даже в буше, а потому, думаю, сумею найти без посторонней помощи удобства и в вашем доме, – улыбнулась Кики и величавой походкой выплыла из комнаты.

– Чем занимались, Сесили, все то время, пока мы не виделись? – спросил у Сесили Тарквин.

– Да, собственно, ничем таким. Я немного приболела. Простуда.

– О, тогда поездка в Кению точно пойдет вам на пользу! А вам самой нравится эта идея?

– Честно говоря, сама пока не знаю. Конечно, в Европе я побывала. Посетила и Лондон, и Шотландию, и Париж, и Рим, но ведь там львы не расхаживают по улицам. Впрочем, даже если бы я и загорелась этой поездкой, знаю наверняка, мама никогда не оставит Мейми, что бы там Кики ни говорила. А эти местные... Они дружелюбны? – осторожно поинтересовалась Сесили у капитана.

– Большинство из тех, с кем мне доводилось встречаться, да, они настроены дружелюбно по отношению к нам, белым. Многие из местных работают на армию, а уж кикую, которые живут рядом с домом Кики, преданы ей всем сердцем и душой.

– Кикую?

– Да, это одно из местных племен, обитающих вокруг озера Наиваша и на окрестных территориях.

– И они бегают вокруг с копьями наперевес и в одних... набедренных повязках? – Сесили покрылась краской смущения.

– Наверное, некоторые племена, например те же масаи, так и ходят до сих пор, но они живут на равнинах, пасут там свой скот. И в общем-то эти люди не представляют никакой угрозы, если только вы сами не затроне-те их.

– Итак, – раздался голос Кики, которая снова возникла в гостиной, нетерпеливо размахивая своим ридикюлем, болтающимся на тоненьком ремешке в ее тонких белых пальцах, – вам удалось убедить Сесили приехать ко мне погостить?

– Пока еще не вполне уверен. Удалось? – спросил Тарквин у Сесили, и глаза его заискрились веселым смехом.

– Скажу лишь, что если судить по рассказам Тарквина, то Кения гораздо более интересное место, чем Нью-Йорк, но...

– Дорогой мой! – Кики положила руку на плечо Тарквина. – Нам нужно идти, иначе мы рискуем опоздать на чай к Форбсам, а вы же знаете, какие они пунктуальные во всем.

– Завтра я уже отправляюсь в Африку, – сказал Тарквин, поднимаясь со своего места. – Мне нужно в течение этой недели прибыть на базу, но я искренне надеюсь, Сесили, что вы все же надумаете приехать к нам в Кению и мы с вами встретимся снова. Причем очень скоро.

– А я, со своей стороны, обещаю, что вскоре снова приеду к вам и постараюсь все же уломать твою маму! – рассмеялась Кики, выходя из гостиной через распахнутую дверь, которую куртуазно придержал для нее Тарквин.

Гости ушли, а Сесили, усевшись на каминную решетку, допила остатки бренди из своего стакана, попутно обдумывая предложение Кики. Когда оно впервые прозвучало в новогоднюю ночь, Сесили решила, что это просто обычная дань вежливости в ходе обычной светской болтовни и ничего серьезного за приглашением посетить Кению не стоит.

– Африка, – негромко обронила Сесили вслух и провела пальцем по ободку стакана. Потом сорвалась с места, примчалась в холл, схватила из шкафа пальто и шляпку и выбежала на улицу. И зашагала в ближайшую библиотеку, торопясь успеть до закрытия.

* * *

Вечером за ужином Сесили рассказала отцу о приглашении Кики.

– Как ты думаешь, папа, мама разрешит мне отправиться в Африку одной, без сопровождения?

– Как я думаю? – Вальтер отставил в сторону свой стакан с бурбоном и, сложив пальцы пирамидкой, задумался над ответом. – Думаю, что я с огромным удовольствием отправился бы с тобой в это путешествие вместо мамы. Я ведь всегда мечтал увидеть Африку. Может быть, поездка к Кики – это именно то, что тебе надо, чтобы забыть Джека и все, что с ним было связано, и двигаться дальше. Ты – моя умница! – ласково добавил Вальтер, поднимаясь из-за стола и целуя дочь в макушку. – Хорошо! У меня сейчас встреча в клубе. Скажи Мэри, что вернусь к десяти. Обещаю, я переговорю с мамой, когда она вернется из Чикаго. Спокойной тебе ночи, милая.

После отъезда отца Сесили поднялась к себе и, улегшись на кровать, разложила вокруг себя три книги, которые она взяла в библиотеке. В каждой обилие зарисовок, живописных картин, многочисленных фотографий черных аборигенов и белых людей, с гордым видом позирующих над тушами убитых львов или держащих в обеих руках огромные слоновьи бивни. Сесили невольно содрогнулась при виде этого зрелища, но одновременно почувствовала, как ее охватывает радостное волнение в предвкушении возможной встречи с величественным континентом во всей его первозданной красоте. К тому же никто в Африке *не слышал ни о ней*, ни о ее расторгнутой помолвке с Джеком Гэмблином.

* * *

– Сесили, подойди к нам с мамой в гостиную, когда будешь готова, – обратился Вальтер к дочери, которая, переступив порог холла, принялась стряхивать хлопья снега со своего пальто. Ее весь день не было дома: утром она отправилась к своему парикмахеру, который сделал ей укладку, потом навестила младшую сестру Мейми.

– Хорошо, папа. Я подойду буквально через пару минут.

Сесили быстро вручила свое пальто Мэри, забежала в ванную комнату, расположенную внизу, и на скорую руку привела себя в порядок у зеркала. Гостиная встретила ее веселым потрескиванием поленьев в камине. Сесили сразу же заметила каменное выражение лица матери, а вот отец был настроен весьма добродушно.

– Присаживайся, милая.

– О чем вы хотели поговорить со мной? – спросила Сесили, пока отец устраивался поудобнее в кресле возле огня.

– Сегодня нас снова навещала Кики и буквально умоляла меня отправиться вместе с ней в Африку. Я сказала ей, что никогда не оставлю Мейми накануне родов, – начала Доротея. – Но вот твой отец полагает, что ты можешь поехать туда и одна, без меня.

– Именно так! – согласно кивнул Вальтер. – Как я уже объяснил твоей матери, эта поездка открывает перед тобой широчайшие возможности увидеть мир. Но это еще не все! Главное, что к моменту твоего возвращения вся шумиха вокруг свадьбы сойдет на нет и ты сможешь спокойно жить дальше своей жизнью.

– Джек и Патриция уже объявили о дне своей свадьбы? – спросила Сесили, стараясь говорить максимально спокойно.

– Да. Свадьба состоится семнадцатого апреля. Сегодня утром эта новость появилась в колонках светских хроник всех ведущих газет.

– А что ты думаешь, мама?

– Я согласна с твоим отцом в том, что бракосочетание Джека и Патриции станет в ближайшие несколько месяцев самой обсуждаемой темой на Манхэттене. Конечно, тебе будет нелегко пережить все эти бесконечные разговоры и сплетни. Но только я не понимаю одного: зачем сбегать в Африку? Совершенно дикое место, как мне кажется. Повсюду бегают полуголые аборигены, всякие дикие звери в любую минуту могут проникнуть к тебе в сад... – В голосе Доротеи послышался нескрываемый ужас. – А все эти ужасные болезни, которые там легко можно подцепить. Почему бы нам, Вальтер, не отправить Сесили к моей маме, если ей нужно куда-то уехать из Нью-Йорка?

Сесили тут же обменялась с отцом красноречивым взглядом, мысленно содрогаясь от подобной перспективы.

– Однако же Кики как-то выжила, проведя в тамошних местах более двадцати лет, – резонно заметил Вальтер. – И потом там, как тебе известно, имеется хорошо организованная и весьма многочисленная община эмигрантов.

– Все это я прекрасно знаю! – резко возразила мужу Доротея. – Но скандальная известность многих из этих людей меня волнует еще больше, чем обилие африканских львов. Если судить по газетам, то у некоторых эмигрантов откровенно запятнанная репутация. Помнишь ту приятельницу Кики? Как же ее звали...

– Алиса де Жанзе, – ответил Вальтер. – Так когда все это было... Сто лет тому назад.

– Что было? – тут же поинтересовалась Сесили, заметив, какими многозначительными взглядами обменялись ее родители.

– Да так... – слегка пожала плечами Доротея. – Хотя сама по себе история скандальная. Алиса и Кики обе проживали в «Долине Счастья», как именовали ту местность в Кении. Помнится, ходили всякие слухи о свободных нравах, якобы царивших в их компании. Алиса была замужем, однако состояла в отношениях, не очень счастливых, с человеком по имени...

– Раймонд де Траффорд, – немедленно подсказал ей муж.

– Да, именно с ним. Одним словом, Алиса совсем потеряла голову, влюбившись в этого Раймонда по уши. А когда он отказался жениться на ней, то впала в такое отчаяние, что решилась на крайность и выстрелила в него прямо в поезде, уже на подходе к парижскому Северному вокзалу, в тот самый момент, когда он прощался с ней, а потом нацелила пистолет уже на себя. К счастью, оба остались живы, – поспешила уточнить Доротея.

– Ну и дела! – воскликнула потрясенная Сесили. – Ее посадили в тюрьму?

– Нет. Конечно, был суд, и какое-то короткое время она провела под стражей, но, в конце концов, все закончилось тем, что она все же вышла замуж за этого человека!

– Невероятно! – Сесили была поражена до глубины души столь романтической историей любви. Да, Африка – это действительно земля, где происходят самые невероятные и волнующие истории.

– Однако все это случилось много лет тому назад. К тому же я уверен, что Кики никогда не поведет себя столь же безрассудно. – Вальтер твердо подвел черту под рассказом жены. – Она же пообещала нам, что будет беречь нашу девочку, как свою собственную дочь. Весь вопрос лишь в том, Сесили, хочешь ли ты сама отправиться в Африку?

– В принципе... да, хочу. И вовсе не из-за свадьбы Джека. Я уже взрослая женщина и вполне могу совладать со своими эмоциями. Просто Кения представляется мне очень загадочной и притягательной страной.

– И ради этого ты даже готова пропустить рождение племянника? – недовольно поинтересовалась у дочери Доротея.

– Мапочка, но ты ведь будешь рядом с Мейми. Да и я уезжаю не на годы, ты же понимаешь. Мое отсутствие не продлится больше нескольких недель.

– Полностью согласен с тобой, милая, – поддержал дочь Вальтер и повернулся к жене. – На пути в Африку Сесили может сделать короткую остановку в Англии и погостить немного у Одри. Как думаешь?

Одри была не просто подругой Доротеи, а подругой, что называется, «со статусом», пятнадцать лет тому назад сумевшей заарканить себе в мужа настоящего английского лорда. Пожалуй, последний аргумент Вальтера в пользу поездки их дочери был самым убедительным. Беспроигрышный вариант! Одна только мысль о том, что Сесили может какое-то время пожить у Одри, тут же развеяла все сомнения Доротеи. Ведь в доме подруги у Сесили будет возможность познакомиться со множеством достойных молодых людей, вполне годящихся на роль жениха.

– Это правда, такой вариант вполне уместен, – обронила Доротея вслух и тут же добавила: – Но насколько, Вальтер, в Англии безопасно в наши дни? Этот Гитлер...

– А на Манхэттене безопасно в наши дни? – ответил муж вопросом на вопрос, удивленно вскинув брови. – Если человек хочет обезопасить себя на все случаи жизни, то ему лучше вообще не высовывать нос из дому. Итак, мы все решили, да?

– Да, но мне нужно предварительно связаться с Одри. Хотя бы узнать, будет ли она дома, когда Сесили приедет в Англию. Надо же договориться, чтобы ее шофер встретил нашу дочь прямо у трапа судна. Кстати, Кики тоже вполне может навестить Одри, они ведь когда-то были хорошо знакомы друг с другом, еще тогда, когда обе жили в Париже, – задумчиво добавила Доротея.

Вальтер бросил на дочь лукавый взгляд и слегка подмигнул ей.

– Тогда решено, – сказала Сесили. – Если вы оба не возражаете против моей поездки, то я с удовольствием отправлюсь в Африку. Правда, я буду просто счастлива побывать там. – Последние слова она подтвердила энергичным кивком головы.

И впервые за несколько последних недель на ее устах заиграла живая, невымученная улыбка.

* * *

Поскольку на подготовку к путешествию оставалось чуть больше двух недель, то Сесили с матерью целыми днями носились по магазинам, закупая все необходимое в дорогу. Во-первых, вечерние туалеты, которые понадобятся Сесили, если она пробудет неделю у Одри, потом летние платья и блузки из хлопка и муслина (которые шились на заказ, так как на дворе разгар зимы и летними товарами в эту пору не торгуют). А еще юбки и даже шорты, которые Доротея встретила в штыки.

– Господи, куда мы тебя только отправляем! – воскликнула она с недовольной гримасой, наблюдая за тем, как дочь примеряет шорты.

– Мапочка, но там ведь очень жарко! Вспомни, какая жара стоит у нас летом в Хэмптонсе.

Несмотря на постоянное недовольство матери, сама Сесили жила ожиданием, а когда Эвелин стала помогать ей укладывать чемоданы, то ее радостное волнение достигло апогея. Вечером накануне отъезда к ним на ужин пожаловали сестры со своими мужьями. Вальтер подарил дочери новейшую модель фотоаппарата «Кодак Бантам», а сестры вручили ей бинокль, чтобы «выслеживать мужчин», как не преминула заметить Присцилла.

– Береги себя, дорогая моя сестра, – расчувствовалась Мейми, уже прощаясь в холле. – Надеюсь, к твоему возвращению я приготовлю тебе подарок – новорожденного племянника или племянницу.

– Возвращайся обратно счастливой, – напутствовал Гюнтер, целуя Сесили на прощание.

– И удачно замужем, – добавила Присцилла, уже стоя на крыльце.

– Постараюсь! – крикнула им вслед Сесили, глядя, как гости растворяются в снежной ночи.

11

Англия Февраль 1939 года

Приближение парохода к причалу порта в Саутгемптоне Сесили встретила с откровенным разочарованием: Англия предстала перед ней такой же серой и унылой, как и Манхэттен, который она оставила какое-то время тому назад. Сесили нацепила на голову новую шляпку, укутала плечи меховым палантином. В эту минуту в каюту зашел стюард, чтобы забрать ее багаж.

– Вас встречают, мисс? – спросил он.

– Да. – Сесили полезла в сумочку и извлекла из нее приготовленные чаевые и карточку с фамилией шофера, который специально приедет за ней из Вудхед-Холла.

– Спасибо, мисс, – поблагодарил ее стюард. – Пока можете оставаться в своей каюте. Наверху ветрено и морозно. Я приду за вами, как только подъедет машина.

– Спасибо, мистер Джоунз. Вы очень любезны.

Сесили вручила ему полноценных пять долларов на чай, молодой человек вспыхнул от смущения и кивнул в знак особой благодарности.

– Ухаживать за вами, мисс Сесили, было одно удовольствие, честное слово. Надеюсь, мне повезет, и я буду обслуживать вас и на обратном пути домой.

– И я тоже очень на это надеюсь.

Стюард покинул каюту, плотно прикрыв за собой дверь, а Сесили уселась в кресло возле иллюминатора. Первое, что она должна сделать, когда приедет в Вудхед-Холл, это позвонить родителям и сообщить им, что она благополучно добралась до Англии. Последние сутки перед отплытием в Англию неделю тому назад были очень сумбурными. Утром в день отплытия им позвонила служанка Кики и сообщила, что у ее хозяйки бронхит. Лечащий врач предупредил, что бронхит может легко трансформироваться в воспаление легких, если она не проведет несколько дней в постели. Сесили была совсем не против тоже остаться и подождать, когда Кики окончательно поправится, чтобы отправиться в плавание вместе, но Доротея, уже успевшая согласовать все детали предстоящего визита дочери в Вудхед-Холл, не согласилась.

– Кики говорит, что ей для полного выздоровления, позволяющего отправиться в дорогу, потребуется неделя. Вот и замечательно! Что мешает вам встретиться в Англии уже прямо накануне вылета самолета в Кению? А ты, Сесили, за эту неделю сможешь погостить у Одри, познакомишься с ее семьей, тем более что, по словам самой Одри, у нее уже имеются вполне конкретные планы на тебя.

В результате Сесили отбыла из Нью-Йорка в полном одиночестве. Вначале это ее изрядно напрягало и даже пугало, но все обернулось к лучшему, и она получила огромное удовольствие от самого плавания. Она даже стала держаться гораздо увереннее, поскольку за ужином была вынуждена вступать в разговоры с незнакомыми людьми. Ее постоянно приглашали поиграть в карты (а в карточной игре ей было не занимать мастерства), и по меньшей мере трое молодых людей оказывали Сесили явные знаки внимания, пытаясь завоевать ее расположение. Словом, оказавшись на борту парохода, где никто не знал, кто она такая и откуда, да еще вдали от Манхэттена, она очень скоро полностью раскрепостилась и стала самой собой.

В дверь каюты постучали, и показалась голова мистера Джоунза.

– Ваши документы, мисс Сесили, уже проверили, и машина ждет вас на пристани, – объявил он, протягивая ей паспорт. – Ваш багаж уже в машине. Вы готовы?

– Да, готова. Спасибо, мистер Джоунз.

Пронизывающий холодный ветер ударил ей в лицо, когда она спускалась по сходням на пристань. Густой туман укутал все вокруг. Шофер помог Сесили усесться в поджидавший ее «бентли» и включил двигатель.

– Вам удобно, мисс? – спросил у нее шофер, пока она устраивалась на мягком кожаном сиденье. – Там есть еще пара пледов, если вам холодно.

– Все прекрасно, спасибо. А как долго нам ехать?

– Все зависит от того, какой будет туман, мисс. Но в любом случае в Вудхед-Холле мы окажемся не раньше, чем через два-три часа. Если пересохнет в горле, то у меня есть термос с горячим чаем.

– Спасибо, – снова поблагодарила его Сесили, мысленно прикидывая, с чего бы это у нее вдруг «пересохло в горле».

И действительно, дорога заняла более трех часов. Сесили периодически дремала, потом просыпалась, но из-за сильного тумана разглядеть в окно окрестности было практически невозможно. В свой предыдущий приезд в Англию она вместе со своими родителями уже навещала Одри: та тогда приняла их в своем шикарном лондонском особняке на Итон-сквер, они побывали у нее уже непосредственно перед своим отъездом в Париж. Хоть бы погода немного наладилась, размышляла Сесили, иначе она так и не полюбуется знаменитыми английскими пейзажами. Доротея в свое время побывала и в огромном загородном имении подруги, расположенном где-то в Западном Суссексе. По ее словам, там очень красиво. Но, когда машина въехала во двор через массивные кованые ворота и шофер объявил ей, что наконец они приехали, было уже совсем темно. Сесили лишь разглядела очертания огромного дворца в готическом стиле, мрачновато проступившего на фоне сумеречного света. Когда она приблизилась к парадным дверям под величавым портиком, то невольно подавила вздох разочарования, увидев, что фасад здания выполнен из красного кирпича. Совсем не такие дома описывала в своих романах Джейн Остин: там все больше дома из светлого камня, а этот дворец словно сошел со страниц одного из рассказов Эдгара Алана По.

Дверь открыл представительного вида мужчина, вполне подходящий на роль лорда Вудхеда, мужа Одри, но оказалось, что это всего лишь дворецкий. Сесили переступила порог огромного холла, из которого вела наверх внушительных размеров лестница из красного дерева, впрочем, довольно безобразная.

– Моя дорогая Сесили! – Одри, по-прежнему такая же привлекательная и живая, какой ее запомнила Сесили в прошлую встречу, показала в холле, чтобы лично поприветствовать гостью. Она расцеловала ее в обе щеки. – Ну, как твой вояж? Лично я ненавижу все эти трансатлантические переходы через океан. А ты? Все время штормит, и в результате постоянно выворачивает наизнанку. Идем же, я покажу тебе твою комнату. Ты ведь совершенно без сил, я думаю, после такой утомительной дороги. Я попросила служанку, чтобы она растопила у тебя камин. Надо сказать, мой дорогой Эдгар очень скарעדен в том, что касается расходов на отопление.

Оставшись у себя в комнате, Сесили сразу же придвинулась поближе к огню, чтобы согреть озябшие руки, попутно оглядев величественную кровать с балдахином. В комнате было зверски холодно. Как хорошо, что мама предупредила о том, какая температура бывает в загородных домах у этих англичан, и проследила за тем, чтобы Сесили обязательно взяла с собой теплое нижнее белье – рубашки и кальсоны, чтобы окончательно не замерзнуть.

Несмотря на все заявления Одри о том, что она, должно быть, смертельно устала с дороги, Сесили чувствовала себя бодрой, как никогда. Как только служанка распаковала «английскую часть» ее багажа и взяла вечернее платье, чтобы погладить его к предстоящему ужину, Сесили натянула на себя шерстяной кардиган и, слегка приоткрыв дверь своей спальни, выглянула в коридор. Вышла из комнаты и, повернув налево, зашагала по коридору до самого конца,

насчитав по пути целых двенадцать дверей. Потом вернулась к своей спальне и проделала такой же путь, но уже в другую сторону.

– Двадцать четыре двери, – констатировала Сесили со вздохом. Остается только поражаться тому, как горничным удастся запомнить, кто из гостей живет в какой комнате. Поскольку ни на одной из дверей она не обнаружила соответствующего номера комнаты, как это обычно бывает в отелях, Сесили вернулась к себе в спальню. Служанка хлопотала возле камина, подправляя огонь.

– Я повесила ваше платье в гардероб, мисс. Оно готово к сегодняшнему ужину.

– В гардероб?

– Ну, да. Вон туда. – Девушка махнула рукой на стенной шкаф. – И еще приготовила вам ванну. Ванная комната рядом с вашей спальней. Но, сразу предупреждаю, там довольно прохладно. На вашем месте я бы быстренько окунулась в воду, пока она совсем не остыла, и тут же вернулась сюда, чтобы согреться возле огня.

– Хорошо. Так я и поступлю. Спасибо.

– Вам потом помочь с прической, мисс? Я обычно всегда укладываю волосы хозяйке. У меня это ловко получается.

– Спасибо большое, но, пожалуй, я справлюсь сама. А как вас зовут?

– Меня зовут Дорис. Я мигом вернусь, как только вы примете ванну.

Раздеваясь, Сесили пребывала в некоторой растерянности, но времени на раздумья не было: она быстро набросила на себя халат и поспешила в соседнюю комнату. Вообще-то язык, на котором разговаривала Дорис, казался Сесили почти что иностранным, но вот насчет температуры в ванной комнате и самой воды служанка выразилась более чем понятно. А потому Сесили последовала ее совету, быстро окунулась и тут же выскочила из воды; она уже приготовилась открыть дверь к себе в спальню, как в эту самую минуту увидела молодого человека приблизительно ее возраста, который направлялся по коридору в ее сторону.

Все еще переживая в глубине души предательство Джека, Сесили пока не была настроена на новые романтические отношения с другими представителями мужского пола, однако же стоило незнакомцу глянуть на нее и улыбнуться, как она тут же почувствовала, что сердце ее забилося сильнее. Копна небрежно рассыпавшихся черных блестящих кудрей (пожалуй, чересчур длинных для джентльмена), огромные карие глаза в обрамлении по-девичьи длинных и пушистых ресниц. Незнакомец окинул ее оценивающим взглядом.

– Добрый день, – поздоровался он, приближаясь к ней вплотную. – Могу я поинтересоваться, с кем имею честь беседовать?

– Меня зовут Сесили Хантли-Морган.

– Вот как? И что же вы здесь делаете?

– Моя мама – старинная подруга леди Вудхед, и я приехала погостить к ней на несколько дней перед тем, как лететь в Кению. – Сесили прикрыла рукой низкий вырез в халате, неожиданно почувствовав себя почти голой в этом нелепом балдахине, который она напялила на себя, отправляясь принимать ванну.

– А, это в Африке, да? – улыбнулся молодой человек. – А меня зовут Джулиус Вудхед. – Он протянул Сесили руку для приветствия. – Рад познакомиться с вами.

– Взаимно, – вежливо ответила Сесили, слегка пожала протянутую руку и неожиданно почувствовала, будто ее ударило током.

– Тогда до встречи за ужином, – промолвил Джулиус и прошествовал далее. – Наверняка нас снова будут потчевать фазанами. Но будьте осторожны, там может остаться дробь.

– Я... да... Хорошо. Буду осторожной, – ответила Сесили, не вполне поняв, что именно имел в виду Джулиус.

А он между тем уже исчез в одной из комнат. Трясущейся рукой Сесили открыла дверь в свою спальню, плотно прикрыла ее за собой и уселась возле огня.

– Джулиус Вудхед, – прошептала Сесили. – Вряд ли это кто-то из сыновей Одри. – Впрочем, она и понятия не имела, есть ли вообще у Одри дети. И потом, у него такой вид... Какой-то старый свитер весь в дырках размером с печатку, которую постоянно носит ее отец.

– Боже мой! – немного растерянно промолвила она, внезапно почувствовав, что краска ударила ей в лицо. Потом поднялась со своего места и отправилась к комоду, где было разложено ее белье, попутно решив, что все же надо будет попросить Дорис о помощи. Пусть уложит ее волосы к ужину.

* * *

– Добро пожаловать, моя дорогая! – радушно приветствовала ее Одри, когда Сесили переступила порог огромной гостиной, по сравнению с которой гостиная в родительском доме показалась ей крохотной комнаткой из кукольного домика. – Ступай же поближе к огню! – Одри взяла Сесили за руку и потащила к камину, прихватив по пути коктейль с подноса, который держал лакей, и протянула бокал гостье. – Хорошо, что ты сегодня в бархате. Все же теплее, чем в атласе или в шелке. В следующем месяце нам наконец установят здесь центральное отопление. Я пригрозила Эдгару, что если он не выполнит своего обещания, то я просто откажусь мерзнуть в этом доме еще одну зиму. Так и сказала ему, что сюда больше ни ногой.

– Спасибо вам, Одри, за то, что согласились приютить меня на несколько дней. Я чудесно устроилась, и все хорошо.

– Что ж, тогда... – Одри слегка взмахнула рукой в сторону остальных гостей. – К несчастью, начало февраля – у нас здесь мертвый сезон по части светской жизни. Большинство наших соседей разъехались кто куда, подались в теплые края. Или отправились кататься на лыжах в Сент-Мориц. Мой дорогой Эдгар тоже сейчас в Лондоне, поэтому тебе не удастся с ним встретиться. Но я пригласила к нам на ужин всех, кого смогла. А сейчас, позволь, я представлю тебя своим гостям.

Сесили поплелась вслед за Одри по кругу, улыбаясь и раскланиваясь собравшимся в гостиной. К своему разочарованию, она обнаружила, что лишь сын викария, Тристан, как там его по фамилии? – был приблизительно одного возраста с ней. Он тут же с готовностью поведал ей, что приехал в краткосрочный отпуск навестить своих родителей, которые живут в местной деревне, а вообще-то он обучается военному делу в каком-то заведении под названием Сандхерст и готовится стать офицером британской армии.

– Вы думаете, будет война? – немедленно поинтересовалась у него Сесили.

– Очень на это надеюсь, мисс Хантли-Морган. Полагаю, бессмысленно обучаться какому-то делу, не имея потом возможности использовать полученные знания на деле.

– То есть вы даже *хотите*, чтобы была война? – совершенно искренне поразились она.

– Думаю, вряд ли в Англии отыщется хотя бы один человек, который не мечтал бы устроить хорошенькую взбучку этому баламуту Гитлеру. А я готов поучаствовать в подобном мероприятии в первых, так сказать, рядах.

Чувствуя легкую тошноту, то ли от двух выпитых коктейлей, то ли от всего утомительно долгого дня, который она провела в дороге, Сесили постаралась максимально деликатно отделаться от Тристана и снова вернулась к камину.

– Добрый вечер, мисс Хантли-Морган. Рад видеть вас при полном параде, вполне готовой к ужину.

Сесили повернулась на голос и увидела перед собой Джулиуса, просто бесподобно красивого в вечернем смокинге; молодой человек улыбался ей во весь рот, откровенно забавляясь всей ситуацией.

– Просто в прошлый раз вы меня застали, когда я возвращалась из ванной комнаты!

– Правда? А я было подумал, что вы крадетесь по коридору из комнаты своего любовника.

– Я...

Сесили почувствовала, что у нее покраснело не только лицо, но и шея.

– Да шучу я, шучу! – снова улыбнулся Джулиус. – Должен заметить, вы смотрите сногсшибательно в этом платье. И оно так удачно гармонирует с цветом ваших глаз.

– Но мое платье пурпурного цвета!

– Ну и что с того? – недоуменно пожал плечами Тристан. – Это же дежурный комплимент, который джентльмены постоянно отпускают дамам.

– Да, но когда это соответствует действительности и уместно.

– О, со мной это вечная история. Все, что неуместно, это исключительно по моей части. Простите меня великодушно! Наслышан, что моя старая добрая тетушка Одри собрала ради вас весь этот бомонд и закатали самую настоящую гулянку. Вы у нее на правах почетной гостьи, как я посмотрю.

– Одри очень любезна. Но ей не стоило так хлопотать ради меня.

– Поскольку вы американка, то, как я понимаю, вы уже успели изучить глазами всю эту публику в поисках настоящего британского аристократа. К великому сожалению, их тут немного и всем уже далеко за пятьдесят. За исключением меня, конечно, – добавил Джулиус с лукавой улыбкой.

– Одри приходится вам тетушкой?

– Да, но не кровной. Мой покойный отец был младшим братом дяди Эдгара.

– О, примите мои соболезнования в связи с вашей утратой.

– Спасибо на добром слове, но отец погиб более двадцати лет тому назад во время мировой войны. Мне на тот момент было всего лишь полтора года.

– Понятно. А ваша мать?

– Слава богу, жива. И слава богу, ее здесь сегодня нет... – Джулиус придвинулся к Сесили и доверительно прошептал: – Мои дядя с тетей ее терпеть не могут.

– Но почему?

– Видите ли, вместо того чтобы обливаться слезами и блюсти вдовий траур по мужу, который расстался со своей брэнной жизнью на полях сражений во Фландрии, моя матушка очень быстро нашла ему достойную замену, еще более богатого соискателя руки и сердца, чем мой бедный отец, и тут же выскочила за этого человека замуж. Всего лишь через полгода после гибели отца. Сейчас она живет в Италии.

– О, я обожаю Италию! Вам повезло, что вы выросли в такой чудесной стране.

– Ошибаетесь, мисс Хантли-Морган, – возразил Джулиус, закуривая сигарету. – Матушка, подавшись в теплые края, и не подумала взять меня с собой. Можно сказать, она оставила меня у дверей этого дома, и меня вырастила старая няня дяди Эдгара. Мисс Нейлор, так ее звали, была самым настоящим драконом в юбке.

– Так вы живете прямо здесь, в Вудхед-Холле?

– Именно так, живу. Время от времени, правда, пытаюсь вырваться отсюда, но, подобно упругому резиновому мячику, отскакиваю от любой стенки и снова возвращаюсь обратно.

– А чем вы занимаетесь? То есть я хочу спросить, чем вы зарабатываете себе на жизнь?

– О, мои занятия с точки зрения зарабатывания на жизнь – это, знаете ли, такой эвфемизм, поскольку пока они, к великому сожалению, не принесли мне ни единого пенни дохода. Дело в том, что я – поэт.

– Не может быть! А я, как думаете, уже могла читать ваши стихи?

– Едва ли, мисс Хантли-Морган, если только вы, конечно, не являетесь преданной читательницей нашей местной прессы. Я имею в виду «Газету деревни Вудхед». Люди, которые трудятся в редакции этой газеты, по доброте душевной изредка печатают некоторые мои вирши.

Откуда-то из холла послышался громкий дребезжащий звук, который повторился через пару секунд.

– О, это гонг. Нас приглашают на ужин, мисс Хантли-Морган.

– Пожалуйста, называйте меня просто Сесили, – попросила Сесили, пока они вместе с остальными гостями пересекали продуваемый всеми сквозняками холл, чтобы попасть в не менее величественную и такую же холодную столовую.

– Посмотрим, посмотрим, где моя тетушка решила вас усадить, – обронил Джулиус, обходя вокруг стола и изучая написанные красивым почерком таблички с именами гостей возле каждого столового прибора. – Так я и думал! – Он с улыбкой глянул на Сесили. – Ваше место здесь, рядом с камином. Ну, а меня сослали в Сибирь, на другой конец стола. Еще раз предупреждаю вас, помните о дробе, – добавил он, направляясь к своему месту.

Сесили заняла свое место, немного разочарованная тем, что ее ближайшим соседом оказался Тристан, а не Джулиус. Впрочем, на протяжении всей трапезы ей удавалось поддерживать необременительный светский разговор и с Тристаном, и со вторым своим соседом справа, пожилым майором. Однако мысли ее продолжали витать вокруг Джулиуса, изредка она бросала взгляды в его сторону. Вот и достав изо рта небольшой металлический шарик серебряного цвета, который там оказался, как только она откусила кусочек приготовленного на ужин фазана, она снова метнула взгляд на Джулиуса.

– А я вас предупреждал! – выразительно проартикулировал он губами в ответ, улыбнулся и тут же снова переключился на разговор с пышнотелой дамой, судя по всему, супругой майора.

– Так вы направляетесь в Африку? И куда именно? – громогласным голосом спросил майор. – Несколько лет тому назад мне довелось побывать там. У моего младшего брата ферма по разведению крупного рогатого скота в Кении, где-то к западу от гор Абердаре.

– О, именно в Кению я и направляюсь. Остановлюсь в доме, расположенном на берегу озера Наиваша. Вы слышали про это озеро?

– Слышал ли я?! Конечно, слышал, милая. Собираетесь присоединиться к обитателям «Долины Счастья»? Так, кажется, называется эта местность.

– Понятия не имею о Долине Счастья. Меня пригласила погостить моя крестная мать, вот я и еду к ней.

– А позволительно ли мне поинтересоваться, кто ваша крестная мать?

– О, конечно. Эту даму зовут Кики Престон. Она тоже американка, как и я.

– Боже правый! – Сесили увидела, что пунцовые щеки майора, бросившего на нее ошарашенный взгляд, стали еще пунцовее. – Ну и дела! Кто бы мог подумать! Такая милая девушка...

– Так вы знаете Кики?

– Не стану лгать. Нет, лично я с ней не знаком. Но премного наслышан об этой даме. Впрочем, как и все, кто бывал в Кении.

– Получается, что она в тех краях известная личность?

– О да! Она и особенно ее подруга Алиса де Траффорд – личности весьма известные, я бы даже сказал, скандально известные. В клубе Мутаига в Найроби постоянно ходили разговоры об их проказах, мягко говоря... И потом эта великолепная девушка Айдина Сэквиль... Если бы я был лет на двадцать моложе, да вдобавок еще и холост, Айдина точно бы заарканила меня. Впрочем, у нее и без меня было полно поклонников, счастливиц, которым она вскружила голову и сбила этих бедолаг с пути истинного. Вечеринки в ее доме и в доме Джосса Эрролла уже давно обросли кучей легенд. И к тому же... Но я почему-то уверен, что именно ваша крестная мать Кики и была той особой, которую все называли «девушкой с серебряной иглой».

– Она что, занималась шитьем? – Сесили почувствовала, как у нее голова пошла кругом от новой информации.

– О, для шитья у нее под рукой было достаточное количество негритянок, которые выполняли эту работу, но... – Майор бросил выразительный взгляд на озадаченное лицо Сесили. – Впрочем, милая, уверен, большинство этих слухов – самые обычные сплетни. И к тому же минуло уже лет двадцать, как я бывал там. Думаю, все означенные дамы уже успели угомониться, остепениться и завязали с былыми проказами своей бурной молодости.

– По вашим словам, жили они там очень весело?

– О да! Еще как весело! – Майор вытер рот салфеткой. – К сожалению, мой брат не состоял в членах этого кружка, его всегда больше интересовал собственный скот, чем шумные увеселения в клубе Мутаига. Но пару приятных вечеров мы с ним все же там провели. Вы обязательно должны навестить моего брата, когда будете в Кении. Я оставляю Одри его имя и адрес. Найти его будет несложно, уверяю вас. Только спросите Билла, и вам все укажут нужное направление.

– Вы говорите, у него скотоводческая ферма?

– Да. Старый добрый чудака, этот мой младший брат, – задумчиво бросил майор. – Так и не женился, а все свое свободное время охотно проводит среди аборигенов племени масаи, которые пасут скот на тамошних равнинах. Он всегда был у нас нелюдимым, склонным к одиночеству. Даже в детстве. А сейчас, мисс Хантли-Морган, расскажите немного о себе.

* * *

Сесили буквально падала с ног от усталости, когда наконец разошлись последние гости. Из последних сил она попрощалась с ними и медленно побрела наверх по бесконечно длинной лестнице. Уже приготовилась открыть дверь в свою спальню, но тут кто-то тронул ее рукой за плечо. Сесили негромко вскрикнула от неожиданности и развернулась, увидев перед собой улыбающегося во весь рот Джулиуса.

– Решил вот проверить, все ли зубы у вас на месте после этого ужасного фазана, съеденного на ужин.

– Да вы!.. Да вы напугали меня до полусмерти! Подкрались сзади, словно вор!

– Тысячу извинений, Сесили. Но, прежде чем вы отправитесь спать, хочу спросить, вы случайно не любитель верховой езды?

– Да, я катаюсь верхом. А что? У нас даже есть конюшня в нашем имении в Хэмптонсе. Я люблю верховую езду, хотя не уверена, что умею управлять лошадью по всем правилам.

– Я тоже не вполне уверен, что понимаю, что именно означает верховая езда по всем правилам. Но это и не столь важно. Обычно по утрам я совершаю верховую прогулку по окрестностям Даунса. Прочищаю, так сказать, мозги, прежде чем засесть за свою утреннюю работу. Если хотите составить мне компанию, милости просим. Завтра ровно в семь встречаемся на конюшне. Если, конечно, нам не помешает туман, который может спутать все планы.

– О, с большим удовольствием, Джулиус, но у меня нет подходящей одежды для верховой езды.

– Я попрошу Дорис подыскать вам подходящие бриджи или галифе и сапоги. У нас все запасные шкафы забиты такой одеждой, оставшейся от гостей за столько лет. Наверняка Дорис отыщет в этом хламе что-то, что будет вам по размеру. Итак, до завтра, да? – Джулиус снова улыбнулся.

– До завтра. Спокойной ночи, Джулиус.

Минут через десять Сесили с большим облегчением приняла горизонтальное положение на своей постели (правда, матрас, наверняка набитый жестким конским волосом, был чересчур твердым), однако сон не шел к ней. Более того, всякий раз, когда Сесили возвращалась мыслями к Джулиусу, сердце ее начинало утащенно биться.

Что приводило ее в немалое замешательство. Ведь она не сомневалась, что всю свою жизнь была без памяти влюблена в Джека и только в него одного, но еще никогда ни ее сознание, *ни само ее тело* не реагировали подобным образом на близость другого мужчины. К тому же Джулиус совсем не ее тип: ей всегда больше нравились блондины, а он темноволосый, загорелый, словно житель Средиземноморья. Не говоря уже о том, как раскованно и уверенно он держится с ней... Подобные манеры ей определенно не нравятся, особенно если учесть, что они познакомились лишь сегодня вечером. Но, видно, это его мало заботит. Впрочем, судя по всему, его вообще не заботит то, что о нем думают другие...

А зачем ему волноваться на сей счет? Но, пожалуй, главное – это зачем ей такая головная боль?

Наконец Сесили забылась беспокойным сном, ей снились толпы женщин, размахивающих огромными серебряными иглами, а навстречу им мчались аборигены с копьями наперевес. Потом приснился Джулиус, на которого напал лев...

Она проснулась внезапно и рывком уселась на постели. Сразу же спрыгнула с кровати и побежала к окну, отдернула в стороны ночные шторы, чтобы проверить, есть ли туман на улице. Что-то екнуло у нее внутри, когда она увидела чистое, ясное небо. Хорошее морозное утро. Все деревья в огромном парке, раскинувшемся вокруг дома вплоть до самого горизонта, сплошь покрыты инеем. Наверняка он скоро растает, если судить по ярко-оранжевому солнцу, первые лучи которого уже пробились сквозь бесконечные ряды могучих каштанов, обрамляющих со всех сторон симметрично распланированные садовые пространства.

– Какая красотища! Хоть оперу садись и пиши, – пробормотала она про себя. В эту минуту в дверь постучали, а следом вошла Дорис с чайным подносом.

– Хорошо спали, мисс? – поинтересовалась она у Сесили.

– О да, замечательно выпалась. Спасибо, Дорис.

– Вам налить чаю?

– Нет. Я сама себе налью.

– Хорошо. Так вы отправляетесь на верховую прогулку? Я вам кое-что подобрала из одежды и обуви. Думаю, вам все будет впору. Вы ведь такая хрупкая, мисс Сесили. Фигурка просто точеная.

– Спасибо. Я... да, думаю, мне стоит немного покататься верхом.

– Почему бы и нет? Тем более в такое прекрасное утро. – Дорис глянула на нее с улыбкой. – Сейчас принесу вам пакет с одеждой.

Сесили неторопливо пила чай, который оказался не таким крепким, к какому она привыкла у себя дома. И тут до нее дошло, что она пока так и не собралась позвонить родителям и сообщить им, что благополучно добралась до Англии. Интересно, как бы отреагировала мама, если бы Сесили сказала ей, что прямо сейчас собирается на верховую прогулку вместе с племянником Эдгара?

– Наверняка тут же принялась бы продумывать план вечернего приема, на котором можно будет объявить о предстоящей помолвке еще до того, как я вернусь домой, – негромко рассмеялась собственным мыслям Сесили.

– Что не так, мисс? – спросила у нее Дорис.

– Да нет, все в порядке. Просто я тут вспомнила, что должна позвонить родителям, сообщить им, что благополучно добралась до места.

– Не волнуйтесь, мисс Сесили. Наш дворецкий позвонил им еще вчера вечером и все сообщил. А сейчас давайте попробуем облачиться в эти одежды. Посмотрим, что и как.

* * *

Когда Сесили прибежала на конюшню, Джулиус уже восседал верхом на великолепном красивом черном жеребце.

– Доброе утро, – поздоровался он с ней. – А я все гадал, объявитесь вы или нет. – Он окинул ее с высоты внимательным взглядом. – Тогда вперед! – Джулиус жестом указал на красивую гнедую кобылку, которую грум как раз выводил во двор.

С помощью грума Сесили вскарабкалась в седло. Кобыла издала негромкое ржание и резко откинула голову назад. Сесили едва удержалась в седле.

– Бонни у нас девочка с характером. Уверены, Сесили, что вы совладеете с ее норовом? Вопрос прозвучал как откровенный вызов.

– Постараюсь, – ответила она, беря из рук грума поводья и слегка успокаивая лошадь.

– Тогда в путь.

Они быстро выехали со двора, и Сесили последовала за Джулиусом по узкой дорожке, которая, петляя между деревьев, вывела их наконец на открытое пространство.

– Вам удобно? – спросил он у Сесили.

– Вполне. Но если вы не возражаете, я бы предпочла для начала более медленный темп.

– Конечно-конечно! Никаких возражений! Вначале мы предпримем небольшую прогулку легким галопом вокруг парка, а потом отправимся лицезреть окрестности Даунса. – Джулиус махнул в сторону бескрайних полей, простиравшихся вплоть до самого горизонта. – Здесь очень красиво. Дух захватывает от окружающих пейзажей.

Они перешли на медленную рысь, чтобы дать Сесили возможность и время освоиться в седле и приобрести необходимую уверенность, а потом Джулиус пустил своего скакуна легким галопом, и Сесили последовала за ним. Бонни взрывала копытами землю, наполняя воздух насыщенными запахами оживающей почвы; Сесили видела, как сверкает иней на траве и тут же тает под солнцем, кое-где в проталинах среди густой травы под каштанами уже проклюнулись головки первых подснежников, этих вестников приближающейся весны. Несмотря на холод, птицы весело щебетали, переговариваясь друг с другом, и Сесили наконец почувствовала себя почти что героиней одного из романов своей любимой Джейн Остин: все было точь-в-точь, как она себе это и представляла, читая ее романы.

– Дайте мне знать, когда захотите сбросить скорость, – крикнул ей Джулиус, скакавший впереди, хвост его жеребца мерно покачивался из стороны в сторону прямо перед Сесили. – Не дай бог, чтобы почетная гостья моей тетушки Одри сломала себе шею во время прогулки со мной!

Колючий ветер больно бил в лицо, Сесили почувствовала, как у нее начали слезиться глаза и потек нос, но она продолжала послушно скакать вслед за жеребцом Джулиуса. Однако в какой-то момент все же решила приостановить Бонни, потому что уже перестала ясно различать перед собой, но тут Джулиус остановился и повернулся к ней в седле.

– Все тип-топ? – спросил он у нее.

– Понятия не имею, что означает это ваше «тип-топ», но зато точно знаю, что мне срочно нужен носовой платок, – ответила Сесили, тяжело дыша.

– Точно, нужен, – согласился с ней Джулиус, снова развернулся в седле, а потом подъехал к ней поближе, став лицом к лицу. После чего извлек из верхнего кармана своего твидового пиджака белоснежный носовой платок из чистого льна, слегка подался вперед и стал протирать платком ее глаза.

– Честное слово, я и сама могу! – Сесили попыталась вырвать из его рук носовой платок.

– Да мне совсем нетрудно, хотя вытирать вам нос я точно не стану. Эту часть работы вы сделаете самостоятельно, – язвительно заметил он, вручая носовой платок Сесили, а она, в

свою очередь, постаралась высморкаться как можно деликатнее. – Должен сказать, у вас такие красивые глаза.

– Спасибо за комплимент, но я сильно сомневаюсь, что они красивые и сейчас, когда так сильно слезятся.

– Пожалуй, прогулку по окрестностям Даунса нам стоит отложить до завтрашнего утра, хотя, как вы сами сегодня убедились, здесь по утрам гуляют очень сильные ветры. Понимаю, у вас в Америке климат значительно мягче.

– Напротив! В Нью-Йорке сейчас еще холоднее, чем у вас тут. Просто... просто я, наверное, немного простыла.

– Что меня совсем не удивляет. Дядя Эдгар у нас большой скопидом, считает каждый пенни, а вы сами можете себе представить, каких деньжищ стоит обогреть такой дом, как наш Вудхед-Холл. Это же целая куча фунтов! Довольно нелепая ситуация, особенно если вспомнить про тропики, где человек может ютиться в какой-нибудь хижине с минимумом элементарных удобств. Тогда немедленно возвращаемся домой, и пусть Дорис усадит вас возле пылающего камина с чашечкой горячего чая.

– Но вы ведь можете продолжить прогулку и без меня, полюбоваться окрестностями Даунса в собственное удовольствие. Мне вполне по силам самостоятельно вернуться в Вудхед-Холл.

– Да я этими окрестностями любуюсь все дни недели, – улыбнулся он в ответ. – А вот вы пробудете у нас всего лишь каких-то пару дней, и потому сейчас я предпочитаю любоваться вами.

Сесили смущенно отвернулась в сторону, не хотелось, чтобы Джулиус заметил, как она покраснела. Даже шея стала красной. Сесили еще сильнее ухватила за поводья, и они поскакали назад быстрой рысью бок о бок.

– Расскажите мне, – начала Сесили, слегка откашлявшись, – чем вы занимаетесь днями? Наверное, пишете стихи?

– О, если бы так было на самом деле! – тяжело вздохнул Джулиус. – Возможно, когда-нибудь мне все же удастся сбежать отсюда в Париж, поселюсь в какой-нибудь мансарде на Монмартре. А сейчас... А сейчас с грустью констатирую, что мои дни заняты тем, что я помогаю дяде Эдгару в управлении имением. Он меня натаскивает на это дело, словно норовистого жеребца, пугает тем, что в один прекрасный день мне придется заниматься управлением уже самостоятельно, но пока у меня не очень получается быть послушным и делать все, что делает он сам. Особенно меня донимают все эти бухгалтерские книги. Ох, уж эти бухгалтерские книги! Надеюсь, вы представляете себе, что это такое?

– Очень хорошо представляю. Мой отец всю свою жизнь корпит над такими же фолиантами.

– Жизнь без бухгалтерской отчетности восхитительна, честное слово! Но сможет ли когда-нибудь моя собственная жизнь быть такой, вот в чем вопрос. – Джулиус невесело усмехнулся. – Полагаю, мой дорогой дядюшка Эдгар уже успел понять, что у меня нет никаких математических способностей, да и по части бизнеса я тоже не очень силен, но, поскольку я являюсь его единственным наследником, он продолжает упорно надеяться на то, что я все же научусь когда-нибудь правильно складывать. Проблема лишь в том, что все это меня совершенно не интересует.

– А я вот люблю арифметику, – улыбнулась в ответ Сесили.

– Невероятно! Боже мой, мисс Хантли-Морган! С каждой минутой вы в моих глазах становитесь все более совершенной, как и каждое слово, которое срывается с ваших прелестных уст. Я еще не встречал женщины, которая откровенно призналась бы мне, что ей доставляет удовольствие заниматься математикой.

– Мне – да, как это ни дико звучит, быть может, – бросила Сесили с некоторым вызовом в голосе.

– Да я вовсе не собирался критиковать вас! Честно признаюсь, как бы я хотел найти себе подобную женщину в качестве будущей жены. Вполне возможно, я не стал бы клясться ей в вечной верности, хотя что такое эта верность в конечном счете? Но уж точно сложил бы к ее ногам все свои бухгалтерские книги. Ну вот мы и дома! – добавил Джулиус, указывая на усадебные постройки. – Предлагаю вам немедленно отправиться к себе, минуя конюшню.

Сесили уже была готова возразить, ей хотелось провести эти последние драгоценные мгновения наедине с Джулиусом, она знала наверняка, что будет дорожить ими всю оставшуюся жизнь. Но Джулиус уже спешил и подошел к ней, выжидательно глядя. Помог ей слезть с лошади, крепко обвив руками талию и на какой-то миг задержав их там даже после того, как ее ноги коснулись земли.

– Какое вы хрупкое, поистине неземное создание! – восхитился он. – Я даже не почувствовал вашего веса! А сейчас бегом в дом. Позже загляну к вам, проверю, как ваше самочувствие.

– О, все хорошо. Я уверена...

Но Джулиус уже снова вскочил в седло и взял за поводья и ее кобылку. После чего отсалютовал на прощание и быстрым галопом поскакал в сторону конюшен, ведя на поводу вторую лошадь.

* * *

Сесили была страшно разочарована тем, что за обедом Джулиус так и не появился в столовой; они с Одри трапезничали вдвоем. Одри расспрашивала ее о Доротее, о младших сестрах, подругах и приятельницах мамы, которых Сесили едва знала, в промежутках между разговорами она с трудом осилила пару ложек супа, который был заявлен как «овощной», но по вкусу скорее напоминал теплую водичку, в которой только что вымыли посуду.

– Дорогая, ты даже не притронулась к барашку, – заметила Одри, когда служанка забрала у них тарелки после второго блюда. – Судя по всему, ты действительно *подхватила простуду*.

– Наверное, – безропотно согласилась с ней Сесили. Кусок жирного, абсолютно несъедобного на вид мяса, который она все же решила откусить, тут же застрял у нее в горле. – Пожалуй, пойду к себе наверх и прилягу. Ума только не приложу, где я могла простудиться. Ведь у нас в Нью-Йорке гораздо холоднее.

– Все так, но не забывай, какая у нас здесь сырость, – ответила ей Одри, в речи которой в равной степени слышался и английский акцент, и американский говор. – Джулиус говорит, что простуду ты могла подхватить еще раньше, во время плавания. Я немедленно пришлю к тебе Дорис, она принесет бутылку с горячей водой и таблетку аспирина. Если сегодня вечером решишь остаться у себя, нет проблем: ужин тебе подадут прямо в комнату. К сожалению, сама я буду отсутствовать: ровно в шесть у меня собрание в местном приходе, я там состою членом совета, а эти наши заседания, они, как правило, длятся вечно. Эдгар, как тебе известно, тоже все еще в Лондоне. Ну, а Джулиус... Понятия не имею, где он будет коротать вечер... – Одри выразительно вскинула брови. – Как всегда, в своем репертуаре! Как бы то ни было, а я хочу, чтобы к воскресенью ты уже полностью оправилась. Я собираюсь устроить небольшую вечеринку с коктейлями, нечто типа прощального ужина. А сейчас ступай к себе, отдыхай и набирайся сил.

Сесили поднялась в свою спальню и улеглась в кровать. Она лежала, наблюдая за тем, как танцуют языки пламени в камине. Нет, больной она себя совершенно не чувствовала, разве что немного простуженной. А вот аппетит у нее пропал совсем по иной причине. Она закрыла

глаза и попыталась уснуть, и тут же увидела перед собой лицо Джулиуса в ту самую минуту, когда он сегодня утром протирал ей глаза...

Потом раскрыла ладонь и вдохнула в себя запах его носового платка, который она продолжала сжимать в руке, и запах *его самого*.

«Сесили, ты ведешь себя крайне глупо! Начнем с того, что ты ведь ровным счетом ничего про него не знаешь, не говоря уже о том, что только-только ты стала приходить в себя после разрыва с Джеком. Через каких-то пять дней ты летишь в Африку, и на этом все! Ты его никогда больше не увидишь, – сказала она сама себе приказным тоном и спрятала платок в ящик прикроватной тумбочки. – Сегодня вечером тебе подадут ужин прямо сюда, и ты и думать о нем больше не станешь...»

В конце концов она все же задремала и проснулась ближе к вечеру, когда на дворе уже стало смеркаться. Тут же появилась Дорис с очередной чашкой горячего чая.

– Если вам по-прежнему нездоровится, мисс Сесили, то я бы посоветовала вам не принимать сегодня ванну, – сказала служанка. – В ванной комнате сейчас стоит зверская холодина. Когда вам подать ужин? Думаю, часов в семь, да? Как раз достаточно времени для того, чтобы вся пища хорошо усвоилась и переварилась, – продолжила служанка свою необременительную болтовню, подправляя огонь в камине.

– Спасибо, ровно в семь меня вполне устроит.

– Я сегодня вечером буду отсутствовать, в случае чего меня подменит горничная Эллен. Она присмотрит за вами. Позвоните в колокольчик, и она тут же прибежит, если вам что понадобится.

– Хорошо. Получается, что сегодня ужинать дома некому, да? – задала наводящий вопрос Сесили.

– Понятия не имею. Мистер Джулиус, он ведь у нас такой! Приходит и уходит, когда ему заблагорассудится, а потому за него ручаться не могу. – Дорис, сама того не ведая, повторила ту же мысль, которую чуть ранее, за обедом, ей озвучила Одри.

– Здесь есть где развлечься? – поинтересовалась у служанки Сесили. – То есть я хочу спросить, ближайший город недалеко отсюда?

– Да, совсем рядом. Хотя я не рискнула бы называть Хэйзлмир «городом». Правда, там есть магазины, и кино показывают. Мы с Бетти как раз и собираемся туда вечером в кино. Будем смотреть «Приключения Робин Гуда» с Эролом Флинном в главной роли. Если вам больше ничего пока не надо, тогда я побегу, разыщу Эллен и предупрежу ее, чтобы она подала вам ужин ровно в семь.

– Приятного вам вечера, Дорис.

– Спасибо, мисс. А вы поправляйтесь побыстрее.

Дорис ушла, а Сесили взялась за чтение «Великого Гэтсби», все последние несколько недель, когда голова ее была забита чем угодно, но только не чтением, книга неизменно находилась при ней, но тем не менее она еще так и не дочитала ее до конца. И вот сейчас Сесили уселась возле камина с твердым намерением возобновить чтение романа. Да, она будет читать, а *не думать* о Джулиусе, который в этот момент, быть может, где-то совсем рядом с ней... Но она *не будет*...

Ровно в семь часов вечера в дверь спальни постучали, и на пороге показалась Эллен с обещанным ужином. Опять какой-то суп, вареное яйцо и тонкий ломтик хлеба с маслом. Даже если бы у Сесили и проснулся аппетит, то принесенная еда никак не вдохновляла. Она осторожно постучала по яйцу. Видно, сварено не просто вкрутую, а варено-переварено, пока желток не превратился в камень. Сесили силой заставила проглотить себя ложку тепловатого супа, и в этот момент в дверь снова постучали. Сесили не успела сказать «Входите!», как дверь распахнулась.

– Добрый вечер, Сесили. Вот узнал, что вы сегодня ужинаете у себя в комнате. Я и сам собирался поступить так же. Но потом подумал, что могу составить вам компанию: совместными усилиями, надеюсь, мы как-нибудь осилим эту бурду, которую приготовила нам наша повариха. Полное отсутствие кулинарных способностей, доложу я вам по секрету.

Джулиус вошел в комнату, держа перед собой поднос, на котором была выставлена такая же еда, что и у нее самой.

– Надеюсь, вы не станете возражать?

– Я... Нет, конечно нет.

– Боже мой! – жалобно простонал он, поставив поднос на маленький столик возле камина, после чего уселся в кресло напротив Сесили. – Итак, как я понимаю, у вас простуда, а ужин, как я погляжу на свой поднос, практически несъедобен. К счастью, я прихватил с собой кое-что, что поможет нам согреть наши расстроенные сердца.

С этими словами Джулиус извлек из кармана бутылку с жидкостью, похожей на бурбон, а из другого кармана достал стаканчик для зубной щетки.

– Придется довольствоваться одним стаканом, – обронил он. – Но жизнь, как известно, полна импровизаций, не так ли? – Джулиус с улыбкой глянул на Сесили и щедрой рукой наполнил стаканчик почти до краев, а потом протянул его ей. – В первую очередь дамам. Исключительно в медицинских целях, разумеется.

– Но я...

– Хорошо, тогда я первый. – Джулиус залпом осушил стаканчик. – Вот так гораздо лучше! Ничто так не спасает от холода, как глоток хорошего виски.

Сердце Сесили трепетало все сильнее, она понимала, что надо как-то унять это учащенное сердцебиение.

– Разве что маленький глоток. Наверное, от него вреда не будет, – осторожно предположила она.

– От маленького глотка вреда не будет, это точно. А если рискнете сделать глоток побольше, то это пойдет вам только на пользу, – подбодрил ее Джулиус, наблюдая за тем, как она, пригубив стаканчик, начала медленно пробовать вкус напитка.

– Вот и отлично! А сейчас беремся за яйцо. – Джулиус взял чайную ложечку со своего подноса и энергично постучал ею по яйцу. – Как всегда, переварено. – Он тяжело вздохнул. – Уже сто раз напоминал тетушке, каковы должны быть стандарты питания в этом доме, а заодно говорил и о полнейшей профнепригодности ее нынешней кухарки. И все как о стенку горохом! Тетя Одри старательно делает вид, что она меня не слышит. – Он откинулся на спинку кресла. – Как такое можно есть? Остается лишь одно: пить и еще раз пить. Ваше здоровье, Сесили. – Он взял стаканчик и выпил все, что там осталось. – А сейчас расскажите мне лучше о своей жизни в Нью-Йорке. – Он снова наполнил стаканчик и протянул его Сесили. – Я там никогда не был, но все говорят, что город просто замечательный.

– Да, так оно и есть. Везде громоздятся небоскребы, взметнувшиеся до самого неба, но полно и широких, открытых пространств, так что клаустрофобия в Нью-Йорке никому не грозит. Наш дом расположен рядом с Центральным парком, там можно гулять часами, накручивая милю за милей, и при этом не встретить ни единой живой души. Мне кажется, город вобрал в себя все самое лучшее, что есть в Старом и Новом Свете. К тому же это мой дом. – Сесили неопределенно пожала плечами. – Я люблю его.

– Но объясните мне, ради всех святых, если вам так хорошо дома, то какого черта вы срываетесь с места и несетесь уже буквально через пару дней в африканские джунгли?

– Потому... потому что меня пригласила к себе в гости моя крестная мать.

– Прямо сейчас? – Джулиус впился взглядом в лицо Сесили. – И это с учетом того, что в Европе сегодня очень неспокойно, а в случае чего Кения обязательно окажется втянутой в войну. Полагаю, есть и более веские причины для такого рискованного путешествия.

– Я... я собралась замуж, но потом все расстроилось.

– Понятно. – Джулиус снова отхлебнул из их общего стакана. – И тогда вы решили бежать прочь.

– Надеюсь, я не столько убегаю прочь, сколько бегу *на поиски* чего-то нового. Представился удобный случай побывать в совершенно иной для меня обстановке и среде, и я решила воспользоваться им.

– Разумно. Мне вообще нравится ваш позитивный склад ума. А что может быть хуже Вудхед-Холла, да еще в разгар зимы? Уверяю вас, везде намного лучше. – Джулиус снова вздохнул. – Но такова уж моя планида. Если, конечно, не вспыхнет война. Тогда я облачусь в военную форму и отправлюсь умирать куда-нибудь на край света. А потому надо ловить момент, пока еще есть время. Вы согласны? – Он снова наполнил стакан. – Возможно, я стану вторым Рупертом Бруком, воспою тяготы уже новой войны. Но будем надеяться, что мне повезет и я не закончу свои дни на поле сражения в битве за полуостров Галлиполи.

– Простите, а кто такой этот Брук?

– Вот беда, мисс Хантли-Морган! Оказывается, вы не получили достойного образования?

– Почему это? Я окончила Вассар, лучший женский колледж в Америке, – вспыхнула уязвленная Сесили.

– Тогда ваш преподаватель английской литературы явно не справился со своими обязанностями. Руперт Брук – это гений и самый известный военный поэт всех времен и народов. Я обязательно дам вам почитать книгу его стихов.

– Я вообще-то никогда особо не увлекалась литературой. Конечно, читаю, но в основном ради удовольствия, – откликнулась Сесили, чувствуя после виски приятную расслабленность во всем теле. – Как я вам уже говорила, меня больше привлекает математика.

– Тогда у вас логический склад ума, и вы больше тяготеете к точным наукам, а не к изящным искусствам. А давайте я вас сейчас проверю на знание арифметики. Посмотрим, как быстро вы умеете считать. Хм... Итак, сколько будет девятьсот семь минус двести сорок четыре?

– Шестьсот девяносто три, – ответила Сесили после короткой заминки.

– Сто семьдесят два разделить на шесть?

– Двадцать восемь целых, шесть десятых.

– Пятьсот шестьдесят умножить на тридцать девять?

– Двадцать одна тысяча восемьсот сорок. – Сесили весело хихикнула. – Это же просто! Погоняйте меня лучше по алгебре или спросите что-то, где нужны логарифмы.

– Поскольку я смутно представляю себе, что такое алгебра, и понятия не имею ни о каких логарифмах, то я не стану вас более пытаться. Вы действительно необыкновенно умная девушка. Я прав? Но вы никогда не досадовали на то, что, имея за плечами образование в колледже, вы никак не можете применить все свои знания на практике? Скажем, зарабатывать на жизнь своим трудом. А все только потому, что вы женщина и вам уже заранее уготовлен удел просматривать разве что книги расходов при ведении домашнего хозяйства. Что при ваших-то талантах сущая безделица.

– Если честно, то меня подобное положение дел сильно напрягает. Но я знаю наверняка, что папа никогда не позволит работать ни одной из своих дочерей. К сожалению, это так, и с этим уже ничего не поделаешь.

– Представляете себе, какая ирония судьбы? Все, о чем я мечтаю, это чтобы меня оставили в покое и позволили заниматься любимым делом – облекать слова в поэтические строки, а я вместо этого днями напролет учусь, как управлять имением. Ну, и, конечно, роюсь в этих бухгалтерских книгах, один вид которых мне ненавистен. – Он весело оскалился, глянув на Сесили. – А вот вы! Вы бы всю эту работу могли бы проделать с легкостью, более того, работали бы с огромным рвением. Но вам в этом праве отказано, потому что вы женщина.

– Жизнь полна несправедливостей, – задумчиво бросила в ответ Сесили. – А потому мы должны принимать ее такой, какая она есть. И тем не менее, Джулиус, мы с вами оба находимся в привилегированном положении. В один прекрасный день вы унаследуете от дяди имение и этот дом, а я стану женой и матерью и буду вести комфортную жизнь богатой матроны. Никто из нас не обречен на бедность или тем более на нищету. Ведь так?

– Разумеется, так. Но вопрос, мисс Хантли-Морган, заключается в другом. – Джулиус обозрел Сесили внимательным взглядом. – Разве деньги делают человека счастливым? Вот вы, к примеру... Вы счастливы? Или я сам?

«В данный момент я счастлива, как никогда», – подумала про себя Сесили.

– Думаю, сейчас мне хорошо, и это главное, – сказала она вслух.

– А что, по-вашему, делает человека по-настоящему счастливым? Об этом вы задумывались когда-нибудь?

– Наверное... любовь, – ответила Сесили, решив, что даже если она и покраснеет сейчас, то это не будет так заметно, поскольку лицо у нее наверняка порозовело от выпитого виски.

– И вы абсолютно правы! – Джулиус со всего размаха ударил рукой по ручке кресла. – Получается, что изящные материи все же *не совсем вам чужды* и под панцирем жесткой логики скрывается тонкая поэтическая душа.

– По-моему, все знают, что любовь делает человека счастливым.

– И одновременно она же может причинить человеку острейшую боль. Согласны с этим?

– Пожалуй. – Наступил черед Сесили отпивать из стаканчика. Голова у нее слегка кружилась то ли от голода, то ли от уже выпитого виски, но ей вдруг стало все равно. Еще никогда у нее не было такого восхитительно откровенного разговора с женщиной.

– Вы действительно необыкновенно интересное создание, и беседовать с вами одно сплошное удовольствие, но, поскольку тетюшка может объявиться после своего занудного собрания в любой момент, я вынужден откланяться. – Джулиус поднялся с кресла. Сесили тоже встала. – Так завтра повторим нашу утреннюю прогулку верхом? – спросил он, делая шаг к ней навстречу. – Если вам, конечно, полегчает. – И неожиданно схватил ее за руку и привлек к себе. Прежде чем Сесили начала протестовать, он закрыл ей рот поцелуем. И она тотчас же ответила на этот поцелуй, ответила со всей силой страсти, как никогда раньше не целовала Джека. И даже когда одна рука Джулиуса коснулась ее груди и стала ласкать ее, а вторая еще теснее прижала ее к себе, что она даже почувствовала, насколько он возбужден, Сесили не оттолкнула его от себя.

– Боже мой, вы великолепны, – прошептал он ей на ухо.

И только когда его рука попыталась проникнуть к ней под блузку, Сесили все же нашла в себе силы оттолкнуть его от себя.

– Джулиус, мы не должны...

– Знаю, *мы не должны*... – согласился он, и его блуждающая рука коснулась щеки Сесили и ласково погладила ее. – Приношу свои извинения, Сесили. Но вы... Вы неотразимы. Боюсь, я не сумею совладать с собой, а потому ухожу немедленно. Спокойной ночи. – Он еще раз поцеловал ее в губы и вышел из комнаты, унося с собой поднос с нетронутым ужином.

12

На следующее утро Сесили проснулась, *чувствуя себя очень хорошо* после вчерашнего поцелуя и вполне готовая к верховой прогулке вместе с Джулиусом; собственно, размышляла она через пару дней, лежа в его объятиях на какой-то конской попоне, пропахшей лошадиным потом, она еще никогда в жизни не чувствовала себя так хорошо. Они встретили восход солнца, а потом Джулиус предложил ей спешиться, привязать лошадей, а самим отправиться взглянуть на одну довольно причудливую беседку – странное сооружение квадратной формы,

воздвигнутое прямо посреди поля, во всяком случае, вдали от любопытных глаз обитателей Вудхед-Холла. Внутри было темно, пахло сыростью, но, как только за ними закрылась дверь, Сесили с готовностью упала в объятия Джулиуса. Если вспомнить бейсбольные метафоры применительно к сексу, то она, позабыв всякий стыд, сразу же позволила ему контакты второй базы, то есть соприкосновения типа «кожа к коже». А на следующий день наступила уже очередь третьей базы, когда он коснулся ее ниже пояса...

– Что я творю? – с отчаянием спрашивала она себя, глядя в окно своей спальни после того, как утром сорвалась попытка Джулиуса перейти к четвертой базе, то есть непосредственно к самому половому акту. – Через два дня мне лететь в Кению. Но я не хочу лететь в эту Кению! – прошептала Сесили сквозь слезы. – Я хочу остаться здесь, рядом с Джулиусом...

В самом безутешном настроении она вернулась к кровати и улеглась на постель. Сесили была измотана вереницей бессонных ночей, сердце ее трепетало от одной только мысли о том, сколь сладостными были его объятия. Но, несмотря на усталость, никогда еще Сесили не чувствовала такого прилива жизненных сил. Можно сказать, одно присутствие Джулиуса рядом с ней приводило ее в состояние эйфории.

– Никогда я не чувствовала ничего подобного по отношению к Джеку. Никогда! – сказала Сесили, глядя на балдахин над своей кроватью и вспоминая, что почему-то всегда испытывала некое чувство неловкости, когда Джек, перед тем как уйти к себе домой, целовал ее на прощание. – Боже, что же мне делать?

Странно, но о будущем они не говорили. Да, собственно, они вообще мало разговаривали, потому что Джулиус все то время, что они были вместе, непрерывно целовал ее. И при этом не уставал повторять, как она прекрасна, что она самая прекрасная девушка, которую он когда-либо встречал в своей жизни, он *даже пару раз* обронил как бы невзначай, что, кажется, влюбился в нее по-настоящему...

– А я *люблю его* без всяких «кажется», – сказала Сесили вслух, и слезы снова подступили к ее глазам при мысли о скорой разлуке. Ведь осталось всего лишь два дня. Только два дня! Но ведь этого вполне достаточно, чтобы он попросил ее остаться...

Сразу же после ужина в обществе Одри Сесили, сославшись на головную боль, поспешила к себе. Ей было нестерпимо больно видеть за столом напротив себя Джулиуса, беседующего обо всяких пустяках; как же он не понимает, что драгоценные мгновения, которые она могла бы провести в его объятиях, тают и безвозвратно улечиваются прочь буквально на глазах? Сесили улеглась между простынями и тут же выключила свет, надеясь, что в темноте она немного успокоится и поскорее уснет. И она действительно начала дремать, когда услышала легкое постукивание в свою дверь.

– Сесили, дорогая, ты уже спишь?

Не успела она ответить, как Джулиус оказался рядом с ней в постели.

– Джулиус, что ты делаешь? Что подумает твоя тетя? Я...

– Она уже спит беспробудным сном. К тому же ее спальня в противоположном конце коридора. А сейчас замолчи и позволь мне поцеловать тебя.

Вначале были сброшены простыни, а потом сорвана и ночная сорочка.

– Нет! Мы не можем! Мы не должны! Я же скоро улетаю в Кению...

– Но разве это не изумительно, дорогая, лежать нагой в моих объятиях, чувствовать прикосновение моей кожи к своей...

Он взял ее руку и положил на атласно гладкую кожу вокруг своей шеи, потом сдвинул руку чуть ниже, чтобы она коснулась вздыбившихся волос на его груди, пощупала мускулы его живота, а потом...

– *Нет!* Пожалуйста, прошу тебя! Я не могу! Ведь мы официально даже не пара.

– Зато мы пара по жизни, разве не так? Мы самая настоящая пара, безумно влюбленная друг в друга. Я люблю тебя, Сесили! Если бы ты только знала, как сильно я люблю тебя...

– И я тебя люблю, – прошептала Сесили в ответ, Джулиус отпустил ее руку и принялся ласкать грудь, а потом рука его заскользила по всему ее телу.

– Ты дождешься? Будешь ждать, пока я вернусь? – выдохнула Сесили.

– Дождусь чего? – спросил он, укладываясь на нее сверху и прижимаясь своей отвердевшей плотью к ее телу.

– Меня, конечно, – снова прошептала Сесили, уже ничего не соображая, настолько сильными и необыкновенно волнующими были эмоции, которые она переживала в эти мгновения.

– Конечно, дождусь, моя дорогая. Само собой, я буду ждать.

И только тогда, когда он попытался проникнуть глубже, разум снова взял вверх над ее чувствами.

– Нет, Джулиус! Нет! Я ведь могу забеременеть. Я не могу! Пожалуйста!

– Не волнуйся, дорогая. Я не допущу этого. Я кончу после. Обещаю... А сейчас расслабься и доверься мне полностью.

– Но ведь мы даже не помолвлены, Джулиус!

– И что с того? Объявим о нашей помолвке попозже, потом, – отмахнулся он и энергично задвигался внутри нее. – Так нам предназначено самой судьбой, моя дорогая Сесили, разве нет?

И тут в мозгу Сесили молнией мелькнуло, как безмерно счастлива будет Доротея, узнав, что в один прекрасный день ее дочь станет полновластной хозяйкой Вудхед-Холла. Наверное, даже отец простит ей сегодняшнюю ночь за такой почетный приз.

– Так, – покорно ответила она Джулиусу.

* * *

На следующее утро Сесили проснулась поздно, глянула на свои дорожные часы, лежавшие рядом с кроватью на прикроватной тумбочке, и увидела, что уже десятый час. Она продолжала лежать, все еще немного сонная после ночных забав. Мысли кружили роем и метались в разные стороны: она понимала, что поступила неправильно и совершила необдуманный поступок. Но тут же принималась успокаивать себя: вон сколько ее бывших однокурсниц лишились девственности, еще когда они учились в колледже. А самой волнующей была мысль о том, как и когда именно они с Джулиусом объявят о предстоящей помолвке. Фактически Джулиус ведь так и *не сказал*, что собирается жениться на ней. Может быть, он сделает ей предложение, когда она вернется из Африки... Правда, тут еще и потенциальная угроза скорой войны...

Наконец Сесили села на постели и свесила ноги: все ее тело ныло и болело, причем в таких местах, о которых она раньше и не подозревала, что там может быть больно. Она поднялась с кровати и тут увидела небольшое пятнышко крови на простыне.

– Но ведь для месячных еще рано, – пробормотала Сесили про себя, немного озадаченная увиденным. И тут до нее дошло, что может означать эта кровь: она вспомнила все эти ночные разговоры шепотом, которые вели девчонки в дортуаре, когда они учились в Вассаре. Сесили даже покраснела при мысли о том, что подумает Дорис, увидев пятно на постели, набросила сверху еще одну простыню и одеяло и только потом позвонила в колокольчик. Попутно заметила, что у нее под дверью лежит конверт. Поспешила схватить его еще до прихода служанки с утренним чаем, после чего уселась на постели и погрузилась в чтение записки.

Моя дорогая Сесили,

Мне нужно срочно отбыть сегодня в Лондон по делам моего дяди, но, надеюсь, я успею вернуться к твоему отъезду, чтобы попрощаться лично. Минувшая неделя была необыкновенной. Ты не находишь? Но, если случится так, что я не смогу вернуться вовремя, тогда желаю тебе счастливого пути,

дорогая моя девочка. И пожалуйста, обязательно напиши мне из Кении и как можно скорее сообщи, по какому адресу можно будет писать тебе. Мы должны быть постоянно на связи.

Джулиус

У Сесили уже не оставалось времени на то, чтобы поразмыслить над глубинным смыслом записки Джулиуса, потому что в комнату вошла Дорис с чайным подносом.

– Доброе утро, мисс Сесили. А утро сегодня великолепное! Взгляните сами! – Дорис отдернула ночные шторы на окне. – Сегодня вы заспались дольше обычного. И хорошо! Особенно, если вспомнить, что у вас сегодня вечером коктейльная вечеринка. А уже завтра вы сядете в аэроплан и полетите в Африку. Боже, спаси и сохрани! – Дорис зябко повела плечами, наливая чай в чашку. – Я буду молиться за вас. Честное слово! С вами все в порядке, мисс? Что-то вы сегодня сами на себя не похожи.

Сесили, уставившаяся в окно, при этих словах служанки повернулась и улыбнулась.

– Наверное, тоже немного нервничаю в связи с этим перелетом. Так я думаю.

– Понятное дело. Завтра вы уезжаете рано. Как смотрите, если все ваши вещи я уложу уже сегодня, сразу же после обеда? Тогда у вас еще останется немного времени, чтобы отдохнуть перед вечеринкой. Хотите, чтобы я вам снова сегодня уложила волосы?

– Почему бы и нет? – снова улыбнулась Сесили. Ей не терпелось, чтобы служанка поскорее оставила ее одну и она смогла бы спокойно подумать над тем, что означает записка Джулиуса, которую он ей оставил. – Спасибо, Дорис. Я вскоре спущусь к завтраку.

– Хорошо, мисс. Если я вам вдруг понадобится, позвоните в колокольчик. – Дорис присела в поспешном реверансе и удалилась из комнаты.

Как только за ней закрылась дверь, Сесили вторично перечитала записку. Она никак не могла взять в толк, что же скрывается между строк. И почему Джулиус минувшей ночью ни словом не обмолвился о том, что утром уезжает в Лондон? Но, может, необходимость в поездке возникла внезапно? И он торопился? Иначе как еще можно объяснить ту холодность, которой веяло от каждого написанного им слова? Такой разительный контраст со всеми теми словами, что он твердил ей минувшей ночью.

«Но он же написал, что надеется вернуться вовремя, чтобы лично попрощаться с тобой, – уговаривала она себя, пока пила чай. – Возможно, он набросал записку второпях, на тот случай, если у него не получится...»

Она вдруг почувствовала себя страшно одинокой, все минувшие дни рядом с ней был Джулиус, развлекал ее, помогал коротать время, а что теперь? Она отправилась в сад на прогулку, чтобы немного побыть на свежем воздухе и, что называется, прочистить мозги. Но на душе было беспокойно. Снова и снова мысленно перебирая в памяти слова из его записки, Сесили нутром чувствовала, что-то здесь не так. Конечно, многие излагают свои мысли на бумаге более казенным стилем, чем говорят, но ведь Джулиус – поэт...

После обеда Сесили принялась нервно расхаживать по своей комнате, пока Дорис аккуратно раскладывала стопками ее одежду и укладывала ее в чемоданы; служанка болтала без умолку, Сесили оставалось лишь вяло реагировать на ее слова короткими «Да», «Нет» или «В самом деле?». Наконец была уложена последняя вещь, и Дорис захлопнула крышку последнего чемодана.

– Все готово, мисс. Вот теперь можете расслабиться и повеселиться на предстоящей вечеринке.

– Вы случайно не в курсе, а Джулиус вернется к вечеру?

– Ой, и не спрашивайте у меня о нем, мисс. Он же сам себе хозяин, что хочет, то и творит! – Дорис возмущенно закатила глаза, чтобы лишний раз подчеркнуть правоту своего заявления. – Но, как правило, он остается в Лондоне на ночь. Там же у него невеста живет. Понимаете?

– Невеста?

– Да. Ее зовут Вероника. Такая вся из себя светская штучка... Я часто вижу ее фотки на страницах разных журналов. Одному Богу известно, как она с ним справится, когда они поженятся и она переедет к нам сюда, в эту глушь.

У Сесили подкосились ноги, и она безвольно опустилась на кровать. «*Только не хватало лишиться чувств от потрясения*», – мелькнуло у нее.

– Понятно. И как долго они, – она нервно сглотнула, – помолвлены?

– О, уже больше полугода, по-моему. Свадьба намечена на лето.

– Леди Вудхед ни единым словом не обмолвилась мне об этом.

– Понятное дело! Она крайне отрицательно относится к предстоящему бракосочетанию. Ее сиятельство полагает, что Вероника чересчур резвая девушка и мало подходит на роль следующей владелицы замка. Но как по мне, так все мы в молодости горячие. Уверена, став замужней дамой, она быстро остепенится и успокоится. К тому же ей еще предстоит немалые хлопоты. Знаете, быть женой Джулиуса – это еще та работенка... Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду.

– Боюсь, я не вполне вас понимаю, – сдавленным голосом сказала Сесили. – Пожалуйста, объясните.

– Уверена на все сто, что он и сейчас встречается с другими женщинами. Да и все наши горничные того же мнения. Одну девчонку из местных я знаю, он точно увивается за ней... Мы с Эллен своими глазами видели, как пару месяцев тому назад он рано утром, еще на рассвете, крадучись, выходил из ее дома. Одно слово, мужчины! Разве им можно доверять? Как по мне, то лучше я остаток своих дней проведу в одиночестве, но уж доверять этим... Ни за что! Ладно! Тогда я оставляю вас в покое, немного отдохните, а в пять часов приду, приготовлю вам ванну.

Дорис ушла, а Сесили так и осталась сидеть неподвижно на кровати в прежней позе, сложив руки на коленях и тупо уставившись в окно. Она до сих пор ощущала присутствие Джулиуса внутри себя: болезненно ныли и воспалились все ее интимные части тела, лишнее напоминание о том, как ловко ее одурачили и обвели вокруг пальца. Сколько раз она раньше обзывала всяких легковых женщин «тупицами», дескать, нельзя же быть такими наивными дурочками, чтобы верить всем этим сладким словам, которые расточает мужчина, добываясь своего. И вот тебе, получай! Сама пополнила ряды этих самых дурочек.

Но ведь он ни разу даже не упомянул о существовании Вероники, не говоря уже о предстоящей женитьбе...

Если только он не собирается расторгнуть помолвку и потому так спешно отправился в Лондон.

– О, нет, Сесили! – прошептала она, повесив голову и раскачивая ее ритмично из стороны в сторону. – Нельзя быть такой наивной. Ты же понимаешь, что ничего подобного он делать не станет.

Слезинка выкатилась из глаза и одиноко покатилась по ее щеке, но Сесили поспешно смахнула ее прочь. Больше она не будет заниматься самобичеванием. Хватит! Все свершившееся – дело ее рук. Проявила верх глупости, несмотря на весь свой хваленый ум. Она оказалась настолько *глупой*, что сейчас не заслуживает и грана жалости или сострадания.

Через какое-то время Сесили поднялась с кровати, подошла к чемодану, заперла замки на ключ, после чего уселась сверху на крышку.

Одно она знала наверняка: больше она не поверит ни одному мужчине. Никогда!

– Добро пожаловать в мой дом Мундуи-Хаус, дорогая девочка! – с ликованием в голосе воскликнула Кики, легко спрыгивая с пассажирского места в белом «бугатти», на котором они проделали сюда более чем трехчасовой путь из Найроби и кузов которого был сейчас покрыт густым слоем красновато-бурой пыли. Почти всю дорогу Сесили ехала с закрытыми глазами: во-первых, пыль вокруг машины клубилась, как тот дым вокруг лампы Аладдина, от чего постоянно хотелось чесаться, а во-вторых и главным образом, потому что она слишком устала, чтобы держать глаза открытыми.

– О! – воскликнула Кики, воздевая руки к небу. – Как же я счастлива снова оказаться дома. Идем же, сейчас я покажу тебе все вокруг. Ты должна увидеть это собственными глазами, а потом мы отпразднуем твой приезд шампанским. А может, прямо сейчас, по глоточку, прежде чем отправляться на экскурсию? А вечером я приглашу на коктейль своих друзей, чтобы они могли познакомиться с тобой.

– Кики, я... После такой утомительной дороги я шага не могу ступить, – выдавила из себя Сесили, с трудом вылезая из машины и щурясь на непривычно ярком солнце, которое, казалось, насквозь прожигало сами зрачки. Она снова закрыла глаза, чтобы защитить их от столь интенсивного солнечного света, и ее немного повело в сторону, пришлось даже ухватиться за дверцу машины.

– Конечно-конечно, бедняжка! – Кики тут же подскочила к ней и подхватила под руку. – Алееки! – окликнула она кого-то. – Немедленно отведи мисс Сесили в дом, иначе она вот-вот лишится чувств. Проводи ее в Розовую комнату, в противоположном конце коридора от моей спальни. Ту самую, в которой жил Уинстон.

– Слушаюсь, *мемсахиб*.

Сильная рука стальными пальцами схватила Сесили за плечи.

Она открыла глаза, рассчитывая увидеть перед собой высоченного крепкого негра, но вместо огромного верзилы увидела тщедушного старика с птичьей наружностью, уставившегося на нее внимательным взглядом темно-карих глаз.

– Обопритесь на меня, *мемсахиб*, – сказал он ей.

И Сесили послушно повиновалась, чувствуя себя при этом крайне неловко от того, что прибегает к помощи человека, пожалуй, вдвое старше ее самой. Единственное, что она успела заметить, пока он вел ее в дом, а потом сопровождал по лестнице наверх, так это то, как замечательно прохладно внутри, особенно после той изнуряющей духоты, которая преследовала их на протяжении всей поездки на автомобиле сюда из Найроби.

– Вот ваша, комната, *мемсахиб*.

Сесили направилась напрямик к мягкому креслу с высокой откидывающейся спинкой и рухнула в него, иначе упала бы прямо там, где стояла. Алееки подошел к кровати, откинул в сторону верхнюю простыню и одеяло. Господи, мелькнуло у нее, в такую жару они еще пользуются одеялами! Потом дернул за шнурок и привел в действие вентилятор, установленный под потолком.

– Ставни вам закрыть, *мемсахиб*?

– Да, пожалуйста.

Сесили издала облегченный вздох, когда ослепительный солнечный свет перестал проникать сквозь многочисленные створки окон.

– Принести вам чаю? Или лучше кофе?

– Нет, спасибо, ничего не надо. Лучше просто воды.

– Вода здесь есть. – Алееки указал на графин, стоявший рядом с кроватью. – И там внизу тоже. – Он махнул рукой на нижнюю полку стенного шкафа. – Вам помочь раздеться? Я позову служанку.

– Спасибо, не надо. Мне просто нужно немного поспать.

– Хорошо, *мемсахиб*. Если вам понадобится какая-то помощь, нажмите на звонок. Понятно? – Старик указал на кнопку звонка, вмонтированную в стену рядом с кроватью.

– Спасибо. Обязательно.

Наконец за слугой затворилась дверь. Сесили, преодолевая те несколько шагов, которые отделяли ее от постели, подумала, что от облегчения готова кричать во весь голос. Она с наслаждением откинулась на матрас. Конечно, надо было бы раздеться, ведь ее одежда грязная, пропиталась потом и пылью после такой долгой дороги, но это все потом...

Глаза ее закрылись сами собой, приятный ветерок от вращающегося вентилятора обдувал прохладой лицо, и Сесили тут же погрузилась в сон.

* * *

– Дорогая моя, пора вставать. Иначе потом ты не уснешь всю ночь. К тому же через час уже соберутся гости, мои друзья, которых я пригласила специально, чтобы познакомиться с тобой.

Сквозь сон до Сесили долетел голос ее крестной матери.

– Я распорядилась, чтобы Мурата приготовила тебе ванну, а вот и бокал шампанского для того, чтобы ты окончательно проснулась.

– Я... а который сейчас час? – пробормотала Сесили хриловатым после сна голосом и сглотнула слюну, собравшуюся во рту. Глотать было больно, потому что в горле пересохло.

– Уже пять часов вечера, милая. Ты проспала беспробудным сном целых шесть часов.

«*Я бы могла проспать так и целых шесть недель*», – подумала про себя Сесили, с трудом отрывая голову от подушки и слепо шурясь на свою крестную мать.

Кики предстала перед ней свежая и благоуханная, словно только что распутившийся бутон розы, темные волосы собраны в красивый шиньон, на лице – безупречный макияж. Она была облачена в длинное вечернее платье из зеленого шелка, в тон платью были подобраны изумрудные серьги с бриллиантами и такое же кольцо. Словом, хозяйка дома была необыкновенно красива. Ничто в ее внешности не напоминало о том, что она только что пересекла сразу несколько континентов, вначале на самолете, потом на пароходе и наконец машиной. Интересно, что это Кики там прячет в своей сверкающей камешками вечерней сумочке, мелькнуло у Сесили. Но, что бы там ни было, она, судя по всему, готова была поделиться содержимым немедленно.

– Выпей, дорогая. Уверю тебя, это самое лучшее средство, чтобы почувствовать прилив бодрости. – Кики протянула Сесили стакан, но та лишь отрицательно качнула головой, мысленно недоумевая, почему это все старшие так усиленно стараются спить ее.

– Я не могу, Кики, честное слово.

– Хорошо. Но я оставляю это возле твоей кровати на тот случай, если ты вдруг передумаешь. Я тут порылась в твоём чемодане и кое-что подобрала тебе на вечер, попросила Мурату погладить платье. Теперь оно висит в твоём шкафу. – Кики жестом показала на стенной шкаф, расписанный в восточном стиле, легкой походкой прошла по комнате и принялась раздвигать ночные шторы, а потом открыла и ставни. – В любом случае, тебе надо поторопиться, дорогая моя, иначе ты рискуешь пропустить свой первый закат солнца по приезде в Мундуи. Как бы плохо я себя ни чувствовала, но это зрелище всегда поднимает мне настроение.

Кики замерла на несколько секунд возле одного из окон, устремив взор куда-то вдаль. Легкий вздох сорвался с ее уст, но уже в следующее мгновение она снова стала прежней Кики, повернулась и с улыбкой взглянула на свою крестницу.

– Я так рада, что ты приехала ко мне, душа моя. Обещаю, мы тут с тобой устроим себе превеселую жизнь, и ты в два счета залечишь все свои сердечные раны. Итак, до встречи внизу ровно в шесть. – Кики стремительным шагом удалилась из комнаты, оставив после себя легкий

шлейф аромата своих фирменных духов – что-то необычное и такое же экзотичное, как и она сама.

К этому моменту Сесили уже окончательно проснулась и почувствовала, что буквально умирает от жажды. Вынула пробку из фляжки с водой, лежавшей на прикроватной тумбочке, и с жадностью припала к воде: она была тепловатой на вкус и уже слегка застоявшейся. Но тут в дверь снова постучали, и на пороге появилась юная негритянка. Такое впечатление, что по ее выющимся волосам прошлись бритвой, темные колечки кудрей плотно прилегали к коже головы. На служанке болталось простое хлопчатобумажное платье бежевого цвета, слишком большое для ее хрупкой фигурки. На вид девочке было не больше тринадцати-четырнадцати лет... «*Совсем еще ребенок*», – подумала Сесили.

– *Бвана*, ваша ванна готова. – Девушка махнула рукой на дверь за своей спиной, а потом поманила за собой Сесили.

Сесили нехотя сползла с кровати и проследовала за служанкой в соседнюю комнату, где стояла большая ванна, тут же находился и унитаз с огромным деревянным стульчаком, смахивающим на королевский трон.

Мурата жестом показала на кусок мыла, рядом с ванной лежали фланелевый халат и аккуратная стопка полотенец.

– Все хорошо, *бвана*? – спросила у Сесили девчушка.

– Да, все в порядке. Спасибо, – кивнула в ответ Сесили и улыбнулась служанке.

Если Сесили получала наслаждение от ваннных процедур, даже не задумываясь над этим, то сейчас она впервые в жизни поняла, что значит «наслаждаться, принимая ванну». Ее путешествие в Кению началось в Саутгемптоне и продлилось целых три, если не все четыре дня. Несколько раз их самолет совершал посадку для того, чтобы дозаправиться горючим. Последняя посадка произошла в каком-то местечке под названием Кисуму рядом с озером Виктория, хотя на тот момент Сесили уже абсолютно перестала ориентироваться и во времени, и в пространстве. Помнится, она с большим трудом выбралась из небольшого самолетика, и Кики отвела ее в какую-то хибару под железной крышей, стоявшую рядом с аэродромом, где они просто наспех обдали себя водой и тут же пересели на другой самолет, который наконец-то доставил их в Найроби. Получается, что уже целую вечность кожи Сесили не касалось мыло. Впрочем, целую вечность она также промучилась без сна, чему в немалой степени способствовало и настроение после того, как она покинула Англию...

Хорошенько отмокнув в воде, Сесили обозрела саму воду с грязными разводами на поверхности и явными следами грязи по краям ванны. Не мешало бы сполоснуться еще раз, уже в чистой воде, но времени на дополнительные водные процедуры не было. Да и потом, не стоит забывать, сколько галлонов воды перетаскали руки слуг, чтобы наполнить *для нее ванну*, потому как, оглядевшись по сторонам, Сесили так и не обнаружила водопроводного крана.

Вернувшись к себе в комнату, она постаралась успокоить себя хотя бы тем, что дом Кики совсем не похож на затрапезную грязную хижину, затерянную в джунглях, какую Сесили рассчитывала увидеть перед собой. Огромные квадратные окна в деревянных переплетах, высокие потолки, деревянные полы, все это сразу же напомнило старинные поместья в колониальном стиле, те, что она видела в Бостоне. Стены в ее спальне были выкрашены в белый цвет, который разнообразила яркая мебель с восточным орнаментом. По центру комнаты возвышалась массивная деревянная кровать, над которой свисал какой-то странный балахон, похожий на мелкую сетку. Сесили подошла к окну и впервые после своего приезда обвела взглядом окрестности.

И тут же приложила руку ко рту, невольно издав громкий возглас восхищения. А ведь Кики сказала ей правду: ослепительно красивый пейзаж. Солнце уже висело низко на по-прежнему лазурно-голубом небе, освещая потоками золотистого света плоские кроны каких-то диких деревьев вокруг дома. Газоны, окружающие со всех сторон Мундуи-Хаус, плавно

сбегали вниз, к берегам огромного озера, водная гладь которого вобрала в себя все краски вечернего неба, по которому сновали разноцветные птички, перелетая с одного дерева на другое. Таких насыщенных и ярких красок Сесили еще никогда не видела.

– Красота! – восторженно выдохнула она: пейзаж, распростершийся перед ее глазами, был поистине «библейским», как описала бы его одна из ее прежних подружек по колледжу, которая изучала в Вассаре теологию.

Впервые за все то время, что прошло после отъезда Сесили из Англии, пульс ее, который лихорадочно скакал, стоило ей только вспомнить о том, что они с Джулиусом натворили, не говоря уже о многодневной болтанке между небом и землей, плюс еще и морская качка на последнем этапе путешествия, так вот, впервые за все это время пульс ее стал замедляться. Сесили открыла окно и подставила лицо теплым струям воздуха, вслушиваясь в разноголосую переключку незнакомых птиц и животных, и вдруг подумала, как же далеко от нее сейчас отстоят и Англия, и Америка. Сесили действительно оказалась совершенно в другом мире, и почему-то именно в эту минуту у нее возникло странное ощущение, что именно это дивное место определит всю ее дальнейшую жизнь.

– *Бвана*, – раздался тихий голосок за спиной, и Сесили очнулась от собственных мыслей.

– Да... Слушаю...

– Нет, нет и еще раз нет! – Молоденькая служанка подбежала к ней. – Никогда, никогда! – повторила Мурата, плотно закрывая окно. – Только не вечером, – пояснила она, угрожающе помахав пальцем. – *Мбу!*

– Что? Прости, не понимаю.

Девочка энергично задвигала пальцами и издала негромкий жужжащий звук, а затем указала на сетчатый полог над кроватью.

– О, ты хочешь сказать, москиты?

– Да, да, *бвана*. Они очень плохие. – Мурата выразительно провела пальцем вокруг шеи, присовокупив к этому жесту взволнованное выражение лица, потом еще раз проверила, плотно ли закрыто окно, и, убедившись, что все в порядке, поставила его на защелку, чтобы никакие москиты не сумели пробиться в комнату, даже если они вознамерятся вскрыть замки. – Только не на ночь. Понятно?

– Да, понятно! – Сесили чересчур экзальтированно закивала головой, а сама вспомнила про хинин, который якобы помогает при малярии. Мама ведь настояла на том, чтобы этот препарат был включен в ее дорожную аптечку, которую порекомендовал взять с собой их семейный врач.

Между тем девчушка подошла к стенному шкафу и извлекла из него то самое платье, в котором Сесили должна будет предстать перед гостями Кики сегодня вечером.

– Вам помочь?

– Нет, спасибо, сама справлюсь.

– *Акуна матата, бвана*, – прошептала в ответ девочка и проворно скрылась за дверью.

* * *

– Моя дорогая! – громко приветствовала Кики крестницу, которая появилась на террасе в сопровождении Алееки. – Ты как раз вовремя! – Кики взяла Сесили за руку и повела вдоль террасы, потом они спустились вниз и побрели к воде, петляя между странными деревьями с необычными плоскими кронами – такое впечатление, что деревья растут вниз, а не тянутся вверх, к свету. – Я так рада, что гости еще не начали собираться и мы можем встретить твой самый первый закат в Кении только вдвоем. Разве это не захватывающее зрелище?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.